

Александр Мень

МАГИЯ ОККУЛЬТИЗМ ХРИСТИАНСТВО

Из книг, лекций и бесед

Фонд имени Александра Менья

Александр Мень - Магия, оккультизм, христианство

Составители: Н.Григоренко, А.Калмыкова, П.Мень

Подготовка текста по магнитным записям: Т.Алкснитис

Редакторы: Е.Березина, А.Калмыкова

С Фонд имени Александра Менья, текст, 1996

С А.М.Юликов, художественное оформление, 1996

Что пророчит сон? А что линия ладони? А расположение звезд? А кофейная гуща? Авгуры гадали по полету птиц. Если предположить, что мир един, то все влияет на все. Подсмотреть, подглядеть тайну, стать посвященным, овладеть потусторонним знанием, позволяющим влиять на земные судьбы, и заставить сверхъестественные силы служить себе, — все это разлито в нынешней культуре точно так же, как тысячи лет назад.

Меняются культурные формы, интеллектуальное оснащение, но суть остается прежней: подсмотреть (оккультизм) и использовать (магия)...

Есть слова, которые способны будоражить воображение: парапсихология, ясновидение, телепатия, телекинез, привидения, метемпсихоз, духовное целительство... Обо всем этом и идет речь в предлагаемом сборнике.

От составителя

Человечество всегда приходит в неизъяснимое волнение на рубеже веков. Люди связывают с грядущим столетием надежду на более гуманный, справедливый, гармоничный миропорядок. Как правило, этому сопутствует общий кризис ценностей, который сейчас переживаем и мы. Крушение прежних идеалов, поляризация общества порождают растерянность, боязнь быть сметенными лавиной событий, желание достичь успеха и стабильности в новой ситуации, наконец, попросту выжить. И тогда люди начинают искать

разрешения своих проблем в действиях, часто лежащих за рамками традиционной культуры или религии: в гадании, ворожбе, общении с душами умерших.

Не только у нас в стране книжные прилавки наводнила литература по астрологии, хиромантии и оккультизму, а газеты полны объявлений бесчисленных колдунов и знахарей. То же можно наблюдать и в благополучных, с нашей точки зрения, странах. Польский журнал «W drodze» (№5 за 1994 г.) приводит такие данные: в США насчитывается около 10 млн астрологов; в Англии 35% населения регулярно читают гороскопы в популярной прессе, а 45% — нерегулярно; в одном только Париже действуют 3000 астрологов, хиромантов, ясновидящих, ежедневно издается 2—3 книги по магии и оккультизму. Почему же мы, дети высокоразвитой цивилизации, так тянемся ко всему необъяснимому, темному, иррациональному?

В основе современного, а на самом деле старого как мир магизма лежит стремление достичь земных благ, сделать окружающий мир предсказуемым, управляемым, подвластным воле человека. Порою, не вникая в подлинный смысл ритуальных действий, их совершают совершенно автоматически. Особенно печально, когда «возвращение к вере», о котором сегодня так пылко говорят, на самом деле оказывается возвращением к обрядоверию. Разве для наших нуворишей освящение офисов и фирм — не магический обряд, призванный оградить от взрывных устройств и прочих неприятностей? Разве венчание невоцерковленных молодых людей или крещение младенцев неверующими родителями — не суеверная «подстраховка»? А бесчисленные свечи у икон, которые щедро ставят люди, забежавшие в церковь мимоходом, чтобы «помочь» кому-то из родных избавиться от болезни? Такие действия людей, пренебрегающих молитвой, исповедью и Евхаристией, — не что иное как магизм, слепая вера в могущество ритуала.

«Наше столетие, — говорил о. Александр Мень, — это столетие идолопоклонников. Никогда еще с первобытных времен человек с таким безумным исступлением не поклонялся тому, чему поклоняться не должно». Последовательно, упорно добираясь до первоисточков магических верований человека, о. Александр слой за слоем, подобно археологу, снимал с нашего сознания пласты

искаженных представлений, очищал подлинную веру от коросты суеверий. Не обличая и не осуждая тех, кто проявлял интерес к таинственным явлениям бытия, он просвещал в самом глубоком смысле этого слова, просвещал своими книгами, беседами, лекциями, проповедями. Он рисовал грандиозную картину духовного становления человечества в истории, неустанного богоискательства и богопознания.

Магизм в этом процессе занимает особое место. Он чрезвычайно жизнестоек, потому что связан с первородным грехом человека — его попыткой присвоить себе власть над миром. Магизм — не просто магия, колдовство и гадание, но образ мышления, породивший в конечном счете такие, казалось бы, далекие от магии явления, как культ личности. А это самым непосредственным образом касается каждого из нас.

Составляя настоящую книгу по трудам о. Александра Меня, мы, разумеется, не задавались целью преподнести читателю практическое руководство по астрологии, гаданию, спиритизму или новейший сонник. Ничего похожего в наследии православного священника нет. Зато есть, повторим, глубокий анализ истоков подобных явлений и ясный путь освобождения от «сна разума»: путь творческого приложения таящихся в человеке сил во имя созидания того, что христианство называет «новым небом и новой землей». Ибо, по словам о. Александра, «вопрос о возможностях человека есть вопрос о его бессмертии».

ЗАНАВЕСКА ХАЙЯМА

Что там за занавеской тьмы?

В гаданиях запутались умы.

Когда ж порвется с треском занавеска,

Увидим все, как заблуждались мы.

Омар Хайям

И все-таки очень хочется заглянуть за занавеску, покуда она еще не порвалась. Что же там находится - "за"? Как это все влияет на нашу жизнь. Увидеть и прочесть знак - "оттуда". Что пророчит сон? А что линия ладони? А расположение звезд? А кофейная гуща? Авгуры

гадали по полету птиц. Ничего удивительного. Если предположить, что мир един, то все влияет на все.

Приподнять занавеску, подсмотреть, подглядеть тайну, стать посвященным, овладеть потусторонним знанием, позволяющим влиять на земные судьбы, и заставить потусторонние силы служить себе - все это разлито в нынешней культуре точно так же, как и тысячи лет назад. Меняются культурные формы, интеллектуальное оснащение, но суть остается прежней: подсмотреть (оккультизм) и использовать(магия).

Прежними остаются и границы: от невежественной крестьянки, боящейся черной кошки, до философа-гностика, стоящего на вершине культуры своего времени. Нынешние маги и гностики используют новейшие информационные технологии.

Этот устойчивый интерес (порой чуть затухающий, порой вспыхивающий, как лесной пожар, что и происходит сегодня) свойствен всем временам и народам. А значит, призван удовлетворить глубокие потребности человеческой души.

Все-таки если занавеска Хайяма скрывает от нас не пустоту, а какую-то неподвластную (или почти неподвластную) нашим органам чувств реальность, то должна же она каким-то образом взаимодействовать с нашей? Или не должна? Может быть, занавеска все же проницаема? Может быть, она колышется, когда там дует ветер? Может быть, тренированному глазу на ней видны тени? Может быть, существует какой-то материально-духовный механизм, какая-то технология тонких воздействий, посредством которых занавеску можно немного отодвинуть. И если какие-то взаимодействия между там и здесь действительно существуют, то почему бы тогда не изучить их и не поставить на службу человеку?

Есть слова, одно произнесение которых способно будоражить воображение: парапсихология, ясновидение, телепатия, телекинез, привидения, метемпсихоз, духовное целительство...

Обо всем этом и идет речь в предлагаемом сборнике. Ее автор - православный священник отец Александр Мень, трагически погибший в 1990 году, - хорошо знаком читателям, интересующимся религиозными проблемами. Его наиболее значительные работы: шеститомник "В поисках пути, истины и жизни", посвященный

религиозным поискам человечества, и книга об Иисусе - "Сын человеческий". Эта книга переведена на многие языки и только в России издана общим тиражом более миллиона экземпляров.

Александр Мень сочетал церковную культуру с широкой светской образованностью, мистическую одаренность с трезвым рациональным взглядом, открытость, широту и заинтересованность всем, что происходит в мире, с твердостью духовной позиции, с которой он смотрел на жизнь вообще и на хайямову занавеску - в частности.

У ИСТОКОВ

Из беседы в театре «На досках»

<...> Так что же было вначале? Дикость, темнота, суеверия или нечто иное? Одна из школ этнографии (австрийская) исследовала формы первобытных верований среди людей, сохранивших быт доисторических времен. И почти во всех культурах обнаружилось представление о некоем едином высшем Начале, которое называется, скажем, у индейцев вакан, или оренда, или еще как-то. Все эти названия обозначают благое и высшее Начало. Казалось бы, примитивные люди, но примитивна у них лишь техника. Закон развития заключается в том, что исходная точка содержит в себе дальнейшее поступательное движение. Владимир Соловьев описывает это так: в зерне, в семени уже содержатся элементы и корня, и ствола, и листьев, и плода. Потом из этого единства дифференцируются корни, ствол, побеги, листья, а дальше растение дает новый плод, то есть возникает новый синтез. То же самое происходит в истории культуры, в истории духовности.

Когда человеку только приоткрывается духовный мир, он воспринимает его целостно, у него возникает смутная интуиция некоего Высшего единства, которая потом начинает дробиться. <...>

В первобытном мире было такое понятие — <...> мана. Это недифференцированная духовная энергия, разлитая во всем, которая может быть причастна человеку, дереву, камню. Человек преклоняется перед ней и тем самым делает шаг в сторону обоготворения природы. Начинает развиваться идолопоклонство,

которое впоследствии, в греческой философии, завершается материализмом, провозглашающим единственной высшей реальностью пляску атомов, не имеющую ни цели, ни смысла.

Сначала человек воспринимает природу как красоту, силу, присутствие Божественного. Наверное, некоторые из вас познакомились с книгой Даниила Андреева «Роза мира». Там есть главы, где говорится о природе как о носителе духовности. Это опыт, доступный каждому из нас, основа нашего благоговения перед природой, нашей экологической этики. Она живая, природа, недаром ее называют матерью.

Но когда человек останавливается на этом, природа все больше заслоняет от него иные ценности. Характерно, что почти во всех первобытных верованиях Высшее начало как бы отодвинуто куда-то далеко, а своими непосредственными переживаниями люди связаны прежде всего с природой, с ее многообразными силами. И здесь зарождается многобожие, политеизм, язычество. Язычество живет в каждом из нас как остаток, как глухое эхо тех времен, когда человек, обоготворив природу, стал постепенно утрачивать Того, Кто ее создал.

Казалось бы, это деградация, процесс, ведущий вниз. Но на самом деле это процесс дифференциации: в сознании природа отделяется от Божественного начала, потом разум начинает требовать свои права. Как ответ на все это происходит первая великая духовная революция. Человек понял, что кроме окружающего материального мира есть нечто самое для него главное — царство Духа. Вот эта фаза духовного восприятия Божественности, эта эпоха, которую Карл Ясперс назвал «осевым временем», и создала великие мировые религии, такие, как брахманизм, буддизм, китайскую философию и многое другое. На их основе впоследствии сформировалась вся религиозная культура мира.

Источником научных теорий является природа. Источником произведений искусства — природа и дух человека. А где источник мысли человека о вечном, о бессмертном, о Божественном? Ее порождает само Божественное и отражение его в человеческом сердце.

Нередко задают вопрос: почему же возникло множество верований? Это вполне понятно. Бесконечное, безмерное едва ли может быть втиснуто в узкие рамки, в прокрустово ложе нашего земного, человеческого мышления. Мы воспринимаем и понимаем только его незначительную часть. А для библейского, особенно христианского, сознания прежде всего важно то, что сама Вечность открывается человеку, может с ним говорить, стать участником диалога. И человек способен внять этому Слову и вступить в диалог. Здесь — основа всей религиозной истории.

Отделенный от Вечности, человек тянется к ней сознательно или бессознательно. <...> Мы сознаем, что живем в каком-то недолжном мире, что наше состояние не такое, какого бы хотел наш дух. Животному чуждо понимание разницы между идеалом и реальностью. Человек же, сталкиваясь с бытием, познает добро и зло, познает в своем внутреннем опыте иной мировой порядок. Этот контраст рождает в нем стремление к истинной жизни.

Человек запрограммирован на то, чтобы соединиться со своим Первоисточником. Но это не жесткая программа — для нас остается свобода выбора. И мы были бы не правы, если бы из истории религии, из истории духовных исканий рода человеческого и из того, как ответил Бог на эти искания, вычеркнули бы свободное решение человека. Бог призывает, Он ждет нашего ответа. Наш ответ — это вся история религиозного сознания.

ЕДИНЫИ

Из книги «Истоки религии»

*Динамический элемент
первобытной культуры следует
искать скорее в сфере
непосредственного религиозного
опыта, чем в сознательных
рациональных поисках.*

К. Даусон

Религия появилась как результат ослабления непосредственной связи человека с Богом. В сущности, она была вызвана к жизни стремлением людей перебросить мост между ними и Запредельным.

По-видимому, вначале она еще отражала какие-то черты исходного состояния человеческого сознания; но этот ранний период духовной истории едва различим в сумраке прошлого.

<...> Некоторый свет на загадки духовного прошлого человечества может пролить изучение миросозерцания тех народов, которые как бы не имели истории и которые в наш атомный век живут в веке каменном. В прежние времена их считали низшими существами — переходной ступенью между человеком и обезьяной — и переносили это неверное представление также на древнего человека. В частности, им нередко отказывали и в наличии религии. Утверждение о существовании народов, будто бы лишенных религии, было одним из существенных аргументов против христианского миросозерцания в устах поборников старого рационализма и просветительства.

Географические открытия, начавшиеся с XVI века, ввели в поле зрения европейцев множество народов и племен, стоявших на низком уровне материальной цивилизации. Но путешественники, посещавшие новооткрытые страны, оказывались зачастую весьма поверхностными, а порой невежественными наблюдателями, и они-то и повинны в создании мифа о безрелигиозных народах. Часто здесь имели место поразительные курьезы, связанные с незнанием языка и культуры туземцев или с узким пониманием термина «религия». Например, русский путешественник XVI века В. Атласов писал о жителях Камчатки: «А веры никакой нет, только одни шаманы», тогда как именно присутствие шаманов свидетельствовало о наличии у камчадалов религии. Подобные ошибки были свойственны и исследователям нашего времени. <...>

В настоящее время среди ученых всех направлений уже никто не настаивает на существовании безрелигиозных народов. <...>

Но если подобные попытки оставлены по отношению к народам исторических времен, то атеисты продолжают настаивать на том, что безрелигиозность якобы характерна для человека каменного века. Его объявляют «с т и х и й н ы м м а т е р и а л и с т о м». При этом не выдвигается решительно никаких серьезных доказательств. Ведь если н а л и ч и е религии устанавливается предметами культа,

найденными археологами, то отсутствие этих предметов никак не может доказать о т с у т с т в и е религии. <...>

* * *

Наиболее распространенной до настоящего времени гипотезой о первоначальной форме религии являлась теория а н и м и з м а (от латинского «анима» — душа) <...>. Согласно этой теории первобытный человек, размышляя над своими сновидениями, пришел к выводу о наличии в нем некоей духовной сущности; такую же духовную сущность он предположил и во всех окружающих предметах. Так возникла в е р а в д у х о в, из которой развивались все прочие виды религии, а позднее всего — вера в Единого Бога. Этот взгляд был развит Э. Тайлором в книге «Первобытная культура» <...>. Тайлор полагал, что открытый им тип примитивной «детской философии» коренится в психологии всех людей и что все народы в своей религиозной эволюции должны были пройти эту «анимистическую» стадию.

Непосредственное изучение психологии примитивных народов показало, что теория анимизма необоснованно переносила европейские особенности мышления на мысль доисторического человека. «Факты из жизни первобытных народов, — пишет выдающийся французский исследователь Люсьен Леви-Брюль (1857—1939), — показали, что эта теория ни на чем не основана. Примитивная мысль ориентирована совсем иначе, чем наша, прежде всего она напряженно мистична».

К теории анимизма примыкает и другой крупный английский ученый Джеймс Фрэзер (1854—1941), автор многотомного труда по мифологии и истории религии «Золотая ветвь» <...>. Он внес в тайлоровское понятие о «начальной религии» второй элемент помимо веры в духов: м а г и ю и к у л ь т.

Все прочие теории, считающие первоначальным верованием политеизм, очень близки к анимистической. И теория ф е т и ш и з м а, которая объявляет первыми объектами поклонения материальные предметы, и п с и х о а н а л и т и ч е с к а я, выводящая религию из подавленных психических комплексов, и т о т е м и ч е с к а я, связывающая религию с родовым сознанием, и многие другие концепции сходятся в одном: у истоков религии они видят лишь

суеверное поклонение духам, богам, силам, то есть политеизм, а возникновение монотеизма относят к самым поздним историческим временам, связывая его с установлением единодержавной царской власти. Показательно, что этот тезис настолько укоренился в умах, что даже ученые-мыслители религиозного направления готовы были с ним согласиться как с непреложным выводом науки.

* * *

<...> В XX столетии культурная изолированность народов стала ослабевать. Несмотря на то что наш век явился веком насильственных переворотов, войн и жестокостей, контакты между народами и культурами все же необычайно укрепились и возросли. Для современного зрителя пещерная живопись Альтамиры, наскальные изображения доисторической Сахары, египетская скульптура и древнерусские иконы — не просто памятники прошлого, они приобрели жизнь подлинных произведений искусства: европейцы восхищаются выставками мастеров Африки, Индии, Мексики; ритмичные мелодии африканских и индейских танцев вошли в плоть и кровь современной музыки Европы и США. Азия, Африка и европейские страны интенсивно обмениваются культурными ценностями и начинают понимать друг друга. Культура «дикарей» уже не кажется мертвым пережитком каменного века, интересным лишь для специалистов.

Армия ученых, миссионеров, исследователей устремляется в те заповедные миры, где люди еще живут жизнью наших далеких предков. Многие белые на десятки лет поселяются среди «дикарей» и собирают обширные материалы об их верованиях и обычаях, завоевывают доверие туземцев, проникают в их тайны. <...>

Результаты самоотверженного труда исследователей превзошли все ожидания. Перед европейцами открылся новый удивительный мир богатейшей духовной культуры тех, кого еще совсем недавно не хотели признавать настоящими людьми.

И прежде всего рухнула легенда о пресловутом «стихийном материализме» дикарей. Например, вся жизнь такого примитивного народа, как австралийские аборигены, оказалась сплошной мистерией. Цель и смысл своей жизни австралиец видит в общении и

в конечном соединении с незримым духовным миром, который для него гораздо более реален, чем мир материальный. <...>

Искусство современных так называемых дикарей есть отражение их богатой духовной жизни. Во многом оно аналогично искусству каменного века, произведения которого создавались, очевидно, не только в целях эстетических. Есть все основания полагать, что творчество древнейших художников стояло, подобно творчеству нынешних примитивных племен, под знаком религии. Статуи, резные фигурки и пещерные росписи были культовым искусством, и можно думать, что вера играла в их жизни такую же решающую роль, как и у австралийских аборигенов или бушменов.

* * *

Современные этнографические исследования привели к замечательному открытию: понятием о единой высшей Силе обладают многие народы, находящиеся на начальной стадии цивилизации. Это открытие опрокидывает традиционные представления старой анимистической школы. «Схема, — говорит крупнейший этнограф В. Копперс, — которая и поныне доверчиво преподносится в колледжах и согласно которой религия началась с поклонения камням и деревяшкам, а затем, через почитание деревьев и животных, развилась в культ божеств с получеловеческими, полуживотными чертами и, наконец, поднялась до божеств с чисто человеческим обликом, — схема эта стоит ближе по научному уровню к Геродоту, чем к современному исследованию».

Например, карликовые народности: бамбути Конго, бушмены, андаманцы и др. сохранили нам в своем материальном быте черты наиболее древних этапов человеческой истории. Они не обрабатывают землю, не занимаются скотоводством, не строят постоянных жилищ. Их жизнь проходит в непрестанном кочевье, охоте и собирании готовых даров природы. Некоторые из этих народов не знают огня, а остальные добывают его путем трения. Нет никакого сомнения, что именно такой образ жизни вели первобытные охотники на заре человечества. Можно не без основания полагать, что духовный облик этих народов, отделенных от цивилизованного мира стеной тропических лесов и саваннами, должен в какой-то степени воспроизводить мышление

палеолитической эпохи. И что же мы находим? Пигмейские народности характеризуются чертами, которых никто не мог ждать от «дикарей».

«В области социальной жизни, — пишет крупнейший лингвист и этнограф, католический священник В. Шмидт, — мы находим у них прежде всего вполне определенное устройство отдельной семьи. У них развитая моногамия, и брак значительно более подходит к идеалу неразрывной связи, чем у позднейших народностей. Замечается также настоящая нравственная упорядоченность, признание различия морально хорошего и плохого. <...> Относительно их религиозных верований достаточно сказать, что народности эти обладают настоящей, вполне разработанной религией, с определенными верованиями, определенным культом, состоящим из молитв и жертвоприношений, и некоторыми моральными учениями. Далее мы можем добавить, что религия эта хотя и проста, но все же сравнительно столь же чиста и высока, что положительно является еще вопрос — могут ли считаться некоторые свойственные ей черты антропоморфизма препятствием к тому, чтобы признать ее настоящим этически монотеизмом» (Разрядка моя. — А. М.).

Таким образом, у истоков культуры и религии стоит мировоззрение, которое прежними авторами относилось к самым поздним этапам. И чем менее народ затронут прогрессом материальной цивилизации, тем более сильны в нем исконные черты духовной жизни: вера в верховную Силу, нравственность, моногамия и др. Впрочем, <...> не только пигмеи, но и большинство народностей сохранили в своей религии следы первобытного монотеизма <...>.

* * *

<...> Остается подвести итог. Его можно сформулировать словами австрийского историка Леопольда Шредера:

«Если мы ближе всмотримся в религиозные представления примитивных народов, то нам в глаза бросится замечательное обстоятельство, идущее вразрез с господствующими теориями о происхождении религии из почитания душ или природы. Это именно широко распространенная, если не всеобщая, вера в Высшее Благое Существо, которое по большей части представляется Творцом <...>».

Мистическая интуиция, приводящая душу в трепет перед непостижимым и таинственным Началом, — основа всякой «естественной» религии и, разумеется, первобытной.

«Любые сомнительные теории, — говорит Р. Отто, — пытающиеся объяснить происхождение религии анимизмом, магией либо народной психологией, с самого начала обречены на провал, на блуждание в потемках, на потерю искомой реальной цели, пока все они не признают, что этот фактор нашей природы, изначальный, единственный в своем роде и ни из чего не выводимый, есть существенный фактор, важнейший импульс, лежащий в основании всего процесса религиозной эволюции».

При этом необходимо признать, что вера в духов и богов — это лишь одна сторона мирозерцания первобытного человека; для него духи только проявления, за которыми стоит Единый Дух. <...> Если «дикарь» не может еще четко сформулировать свое богопознание, то это отнюдь не снижает его реальности и ценности. И первобытные охотники на мамонтов, так же как и современный человек, постигали всем своим существом высшую Реальность, сокрытую за миром преходящих явлений. Их мистическая интуиция была не слабее, а, может быть, даже сильнее, чем у современного человека: они были ближе и к природе, и к Богу. <...>

* * *

Однако, признавая возвышенный характер первобытной религии, мы не должны упускать из виду р е г р е с с и в н ы х ее элементов. Они связаны с тем, что человек в религии стал делать упор на своекорыстных целях, и в первую очередь стремился получить охрану и помощь от божественных сил. <...>

Этот процесс разложения первобытной религии отражен и в Библии, которая не ограничивает Грехопадение одним только моментом. Ее первые десять глав в символических картинах показывают постепенное отдаление человека от Бога, своего рода этапы богоотступничества. Каин, исполины и строители башни все больше теряют связь с Небом, противопоставляя Ему свою злую волю.

Характерно, что, по Книге Бытия, Каин старался с помощью преступления и лжи вырвать у Бога благословение, предназначавшееся брату. И действительно, в душе древнего

человека возникает скрытая глухая враждебность к Высшему, перемешанная с завистью и рабским страхом. Он готов, как Прометей, похитить огонь с неба и одновременно ползает в пыли среди своих табу и суеверий. Следы этого «бунта на коленях» есть почти во всех дохристианских религиях.

Божество в глазах древних нередко представлялось как враг, соперник и конкурент. В желании овладеть Его силами и поставить их себе на службу заключена самая суть магии, прототипом которой был Первородный грех. Магия исходит из мысли, что все в мире, в том числе и Божественное, связано жесткой причинно-следственной связью, что определенные ритуалы могут дать в руки человека рычаг управления природой и богами. В этом магия, как показал Дж. Фрэнгер, была предшественницей науки.

В м а г и з м е более всего выразилось эгоистическое самоутверждение человека, его в о л я к в л а с т и. Он все больше прилеплялся к плотскому, посюстороннему. Поэтому обожествленная природа — Богиня-Мать — легко вытесняла Бога из его сердца. Человек ждал от нее пищи, побед, наслаждений и готов был поклоняться ей и ее детям — богам. Таковы корни натуралистического идолопоклонства.

Но отношение человека к природе было двойственным. Он не только молился ей, но и настойчиво требовал. И если его требование оставалось без ответа, он поступал как насильник, он наказывал и истязал своего идола.

Книга Бытия говорит о нарушении гармонии между человеком и природой в результате Первородного греха. Оскверненная грехом Земля рождает «тернии и волчцы». Людям приходится добывать себе пищу «в поте лица». Начинается долгая война за покорение матери-природы; и после каждой победы сына она будет мстить ему.

Только теперь, в техническую эру, выявляются страшные последствия этой войны. Вместе с угрозой ядерных джиннов, выпущенных на свободу, «гибель среды» становится апокалипсисом XX века. Призрак планеты, превращенной в пустыню, уже встает перед человеком-триумфатором.

Чем-то это восстание против Отца и овладение Матерью напоминает фрейдовский «комплекс Эдипа», только выросший до

масштабов истории. Кроме того, и сама ритуальная система магизма наводит на мысль о навязчивых действиях, присущих неврозу. Однако происхождение магических церемоний нельзя объяснить только болезнями души: здесь недуг скорее духовный. Природный детерминизм падшего мира человек перенес на отношение к Божеству. Он искал механических способов и приемов, которые могли бы з а с т а в и т ь незримые существа подчиниться ему, ибо главный двигатель магии — самость, этот извечный антипод любви.

Отчуждение от Бога вело к разобщению и в человеческом роде. Первобытные и архаические общества — это чаще всего «закрытые» группы, враждебные всем прочим. В них царили боязнь «чужаков» и ненависть к ним, да и в наши дни эти инстинкты дают о себе знать. Во многом люди жили по волчьим законам борьбы за существование. Личность была чаще всего оттеснена на задний план; племя диктовало все: правила, веру, образ жизни. И только колдун или вождь стоял над этой «человеческой стаей», постепенно превращаясь в новый объект идолопоклонства. Иными словами, первобытное язычество создало прообраз т о т а л и т а р н о г о с т р о я.

<...> Мы проследим, как будет происходить этот постепенный рост магизма, который на многие тысячи лет замедлит ход духовной истории человека. Мы увидим, как живое чувство Бога будет заглушаться натуралистическими культами, как эти культы и вера в магию создадут почву для м а т е р и а л и з м а с его полным отказом от всего, что выходит за рамки чувственного.

Но одновременно мы узнаем и о другом.

Грехопадение не смогло уничтожить образ Божий в Адаме. Поэтому активность человека будет проявляться и как подлинное творчество. Ноосфера окажется не только разрушительной, но и созидательной силой. Она внесет в ландшафт Земли плоды разума, а следовательно — смысл и цель. Цивилизация будет, выражаясь словами С. Булгакова и Тейяра де Шардена, о ч е л о в е ч и в а н и е м п р и р о д ы. В хозяйственной и культурной деятельности человека явится — пусть бледное и несовершенное — предчувствие нового Эдема, о котором возвестят пророки Библии.

И в отношениях к Творцу Адам не останется до конца ослепленным враждой, недоверием и корыстью. В нем пробудится тоска по Небу, по божественной Любви и свободе богосыновства. Как река, остановленная наносами, прокладывает рукава в дельте, чтобы направить свои воды к морю, так и дух будет искать пути, ведущие в дом небесного Отца.

Единый Бог снова начнет возвращаться в сознание человека. Сначала Его будут считать лишь главой пантеона, но постепенно образ Его станет проясняться, освобождаясь от языческой копоти.

В конце концов отзвуки первоначальной интуиции Единого и новые духовные поиски приведут к великим мировым религиям и восстанию против тирании магизма. А эти религии, в свою очередь, явятся прелюдией и подготовкой к Новому Завету, который откроет миру Сущего в лице Богочеловека.

БОГИНЯ-МАТЬ

Из книги «Магизм и Единобожие»

*Земля-
Владычица! К
тебе чело
склонил я,
И сквозь
покров
благоуханный
твой
Родного
сердца
пламень
ощутил я,
Услышал
трепет жизни
мировой.
Вл.
Соловьев*

Кто не замечал той удивительной перемены, которая происходит в природе при наступлении ночи?

Эта перемена особенно чувствуется в летнем лесу. Днем его оглашает многоголосое щебетанье птиц; легкий ветер, раздвигая ветви берез, открывает безоблачную синеву; солнечные блики проскальзывают сквозь зеленый сумрак листьев, играют среди мха. Поляны напоминают уголки тихого и величественного храма. Яркие пятна бабочек и цветов, стрекотание кузнечиков, аромат медуницы — все это сливается в радостную симфонию жизни, которая захватывает каждого и невольно заставляет дышать полной грудью...

Совсем иначе выглядит тот же лес ночью. Деревья приобретают зловещие и фантастические очертания, голоса ночных птиц похожи на жалобные стоны, каждый шорох пугает и заставляет настораживаться, все проникнуто тайной угрозой и враждебностью, а мертвенный свет луны придает порой этой картине оттенок, близкий к видению бреда или кошмара. Природа, такая гармоничная и дружелюбная при свете солнца, внезапно как бы поднимается против человека, готовая мстить, уподобляясь древнему чудовищу, с которого сняты чары заклятия.

Этот контраст мог бы стать символом той перемены, которая произошла в мироощущении наших далеких предков на заре человечества. Врата мировой тайны закрылись перед ними, их стало покидать ясновидение и духовная власть над царством природы. Они очутились одни в огромном враждебном мировом лесу, обреченные на тяжелую борьбу и испытания.

Не только свой хлеб человек стал добывать «в поте лица», но и духовные богатства ему пришлось завоевывать напряженными усилиями многих поколений. Перед ним лежала скорбная дорога исторического развития, на которой ему предстояло падать и вставать, ошибаться и приближаться к истине, искать и преодолевать преграды.

Величие и красота истории человеческих поисков утраченного Бога заключается в том, что человек всегда испытывал неудовлетворенность, никогда (пусть и бессознательно) не забывал той «райской страны», которую покинул. Тогда, когда он впервые осознал себя в мире, он «говорил с Богом лицом к лицу». Теперь эта непосредственность общения нарушилась. Духовная катастрофа воздвигла стену между людьми и Небом. Но человек не утратил

своего богоподобия, не утратил способности хотя бы в слабой степени познавать Бога. На ранних этапах в первобытном богопознании еще ясно жило ощущение Божественного Единства. Мы уже видели, что у многих примитивных племен, сохранивших быт своих далеких предков, сохранились и следы первоначального единобожия. Даже у народов, вступивших на путь развития цивилизации, мы сможем обнаружить следы этой древнейшей веры.

Но каков бы ни был культ, каковы бы ни были формы богопочитания — это не было уже первоначальное лицезрение Единого. Религия — т.е. восстановление связи между человеком и Богом — начинается в истории человечества после Грехопадения. «Пафос религии, — говорит С. Булгаков, — есть пафос расстояния, и вопль ее — вопль богооставленности». То, что едино, нет нужды связывать, связь возникает как результат стремления преодолеть разрыв. Человек каменного века, как и человек наших дней, остро чувствует тяжесть Великого Разрыва. А на протяжении веков он порой увеличивался и пропасть углублялась. Происходило это не потому, что Бог покидал человека, но потому, что человек удалялся от Бога. Правда, уже с самых первых шагов мы находим выражение чувства вины перед Богом и желание ее искупить. Библия не случайно в начале всякого проявления религиозного чувства, т.е. культа, ставит жертвоприношение. В нем отразилось пусть смутное, но сильное стремление человека загладить свой грех и восстановить единство с Богом. Жертвуя Незримому часть своей пищи, которая добывалась с таким трудом, люди как бы заявляли о своей готовности следовать велениям Высшей Воли.

Но обрести прежнюю гармонию было труднее, чем потерять ее. Поэтому мы видим, как люди в своей повседневной жизни все больше и больше уделяют внимания природному миру. Духовные силы, которые связаны со стихиями, начинают казаться им более близкими, более нужными помощниками в жизни. Ведь от них зависит успех охоты, они властители очага и рода.

Постепенно Бог в сознании первобытного человека начинает отступать на задний план, становится далеким и безличным. Характерно, что у большинства племен, даже сохранивших следы древнего единобожия, мы почти не видим культа Высшего Божества.

О Нем знают, что Оно существует, но Оно бесконечно удалено от мира, от жизни людей и кажется безразличным к их судьбам.

У некоторых народов образ Бога еще больше расплывается и сохраняется лишь в виде смутного представления о некой мировой духовной силе. Она безлична, ибо человек уже утратил личный контакт с ней. К этой силе, в сущности, невозможно обращаться с молитвой, хотя в какой-то степени она все же влияет на жизнь.

Так, индейцы-алгонкины под именем Маниту почитают не столько личного Бога, сколько надмирную Силу. Представления о ней мы встречаем и у жителей Малайи. Эта Сила носит определенно сверхъестественный характер. Ее называют Мана. У папуасов, по свидетельству Миклухо-Маклая, эта таинственная стихия именуется Оним.

По воззрениям австралийских аборигенов, существует некая «Вангарр — вечная, неопределенная, безликая сила, которая проявила себя во дни создания и продолжает оказывать благотворное влияние на жизнь по сей день». Эскимосы так называют эту сверхъестественную энергию — Хила. У африканских народов мы также находим понятие о Мана. У обитателей Западного Судана ее имя — Ньяма, у пигмеев — Мегбе, у зулусов — Умойя, у угандийцев — Жок, у северных конголезцев — Элима. <...> Весьма интересно и глубоко по смыслу представление о Высшем начале у североамериканских индейцев. «Религиозная вера дакотов, — пишет один исследователь, — не в божествах как таковых, она — в таинственном непознаваемом Нечто, которого они суть воплощения... Каждый будет поклоняться некоторым из этих божеств и пренебрегать другими, но величайшим объектом поклонения, каков бы ни был его проводник, является Таку Вакан, который сверхъестественен и таинственен. Ни один термин не может выразить полного смысла дакотского слова «Вакан». Оно охватывает полноту Тайны, скрытую власть и божественность». Эта сила, которая у ирокезов называется Орэнда, у юленгоров — Вангарр, пронизывает собою всю природу. Она объединяет в духовном единстве людей, животных, растения, камни. Она тождественна с идеей Мана у полинезийцев.

Сила эта распределяется в мире неравномерно, люди могут обладать ею в большей или в меньшей степени. Тот человек, которого сопровождает удача, который отличается ловкостью и красотой, — тот имеет «много Маны». Она может передаваться от одного предмета к другому, человек может стать причастен к ней посредством прикосновения и посвящения.

Наряду с этим процессом обезличивания Высшего Единства, превращения его в неопределенную Силу все большую и большую роль в первобытном мировоззрении начинает играть Всеобщая стихия природы, или Душа мира.

* * *

Вл. Соловьев в своем исследовании о мифологии дал блестящий анализ этого выделения из Божественного Единства Богини-Матери. Она начинает рисоваться как общая Родительница всех живущих, как супруга Божественного Отца.

В противоположность далекому Богу, утратившему черты личного существа, это женское божество вполне конкретно и неустанно печется о нуждах людей. Она — владычица леса и моря, посылающая удачу в охоте и дающая изобилие. В этом веровании нашло свое воплощение острое чувство мистичности природы, одухотворенности всего мироздания.

Археология дает нам поразительные свидетельства всеобщего распространения культа Богини-Матери в эпоху каменного века. На огромном пространстве от Пиренеев до Сибири и по сей день находят женские фигурки, вырезанные из камня или кости. Все эти изображения, древнейшее из которых найдено в Австрии, условно называют «венерами». Всех их объединяет одна важная черта. Руки, ноги, лицо — едва намечены. Главное, что привлекает первобытного художника, — это органы деторождения и кормления. <...>

«Порою, — писал П. Флоренский о «венерах», — подчеркивание особенностей женского организма превосходит пределы даже шаржировки, и статуэтка изображает уже женский безголовый торс, в котором особенно выделены бедра и груди. Наконец, последний предел упрощения — статуэтка, представляющая одни только груди, — чистая деятельность рождения и вскармливания без малейшего

намека на мышление. Это — древнейшее воплощение идеи «вечной женственности»».

Разгадка необычайных черт в фигурках «венер» кроется в том, что они были, как думает большинство исследователей, культовыми изображениями. Это не что иное, как идолы или амулеты Богини-Матери.

Изображения «венер» обильны и в исторических слоях. Они найдены и в доарийской Индии, и в доизраильской Палестине, и в Финикии, и в Шумере. Сходство их сразу бросается в глаза. Создается впечатление, что культ Матери носил почти универсальный характер.

Это подтверждает и этнография. У народов, сохранивших пережитки отдаленных неолитических времен, почти повсеместно находим культ всеобщей Матери.

У маори она именуется Пэпа, Мать-земля, супруга Бога Небесного. У эвенков Подкаменной Тунгуски — Бугады Энинитын. Она мыслится хозяйкой Вселенной и одновременно матерью зверей и людей. <...>

В Индии она известна под именами Шакти и Пракрити. В одном древнем индийском тексте она прямо связывается с ростом и рождением. А на одной печати из Хараппы (доарийский период) можно рассмотреть изображение женщины, из лона которой поднимается растение.

В Передней Азии и Африке Великая Богиня-Мать почиталась почти у всех культурных народов периода начала письменности. «Та, которая рождает плоды земли» — египетская Исида, малоазиатская Кибела, чья скорбь несет умирание растительности, ее двойник в Элладе — Деметра, карфагенская Танит, сидонская Астарты, Артемида Эфесская, изображавшаяся с десятком грудей, как бы готовая накормить весь мир, — все это лишь перевоплощения древней Матери мира. В языческой Руси слово «Мать-земля» имело не просто метафорическое значение. Оно обозначало душу природы, богиню, супругу «Хозяина неба».

Богиня-Мать правит всеми природными процессами. Это она заставляет оживать семя, погруженное в землю; она вселяет любовь в людей и животных, ей поют песни в дни весеннего ухода за птицами. По ее мановению распускаются цветы и наливаются плоды. Ее радость — это радость всего живущего; ее глаза смотрят на нас с

небесной лазури, ее рука нежно ласкает листву, она проносится над миром в дуновении весеннего ветра.

Имеем ли мы право считать эту веру древних лишь плодом невежества и заблуждений? Не свидетельствует ли она о том, что Душа Природы была ближе и понятней людям, которые обладали более сильной интуицией, чем мы? Да впрочем, и в более поздние времена в религии и философии идея Души мира не умерла. Она продолжала жить и в мировоззрении греков, и в мистической философии новой Европы. Она звучит горячим убеждением в известных словах Тютчева:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик;
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

* * *

Теперь становится понятным тот факт, что в глубокой древности жреческие функции принадлежали преимущественно женщинам. Так, у северных индейцев заклинания совершались женщинами. У некоторых индейцев существует сказание о том, что «обряды плодородия» были учреждены женщинами. По одному ирокезскому преданию, первая женщина, основательница земледелия, умирая, завещала протащить свое тело по земле, и там, где оно касалось почвы, вырастал обильный урожай. Шаманок и жриц знают наиболее примитивные культуры. Там, где это явление уже исчезло, можно найти следы его. Так, у чукчей и других северных народов шаман-мужчина одевался в женскую одежду. А таинственные фрески с о. Крита свидетельствуют о том, что в особо священные моменты мужчина должен был облачаться в женский костюм.

Да и кто как не женщина — живое воплощение мировой Матери — должна держать в руках тайны культа? Не носит ли она в своем теле тайну рождения? Главенство женщин в религии было у галлов, древних германцев и многих других народов. Культ плодородия, который стоял у истоков религии Диониса, также возглавлялся жрицами. А римские весталки в древности имели гораздо большее значение, чем впоследствии. Вспомним, что важнейший греческий оракул в Дельфах основывался на прорицаниях жрицы.

Многочисленные народные поверья о колдунах, ворожеях и ведьмах есть лишь отголосок тех древних времен, когда жертвоприношение, заклятия и магия были в руках у женщин.

Вполне естественно, что при таком важном культовом значении женщин они оказывались в роли вождей и руководителей племени. Как отзвук этих времен можно рассматривать власть Великой Жрицы на о. Крите. Хотя в настоящее время ученые не пришли к единому мнению относительно происхождения матриархата, тем не менее ясно, что он был свойствен большинству древних племен.

Матриархальные верования проливают свет на те изображения каменного века, где женщина ставится рядом с бизоном, оленем или другим промысловым зверем. Это магические символы, связанные с заклинаниями, которые произносили женщины перед охотой. Если судить по наскальным рельефам Лоссея, то можно предполагать, что существовали особые охотничьи обряды, совершаемые хором женщин.

Материалистические авторы пытаются дать свое объяснение матриархату. С одной стороны, они готовы выводить его из «производственных отношений», а с другой — ссылаются на групповой брак, известный у некоторых отсталых племен, при котором трудно установить, кто отец ребенка. При групповом браке линия родства велась по матери. Но так как групповой брак современных отсталых племен довольно сложное и, в сущности, позднее явление, то высказывалось предположение о первоначальном промискуитете, т.е. беспорядочных половых отношениях в первобытном обществе.

На это можно возразить, что, во-первых, от родства по материнской линии до главенства женщины в племени еще очень далеко, а во-вторых — гипотеза о первоначальном промискуитете, в сущности, ничем не доказана.

Если хотят видеть здесь «наследие животных предков», то не следует забывать, что у многих животных и, в частности, у антропоидов мы находим зачатки семьи (с главенством самца). Даже такие далекие от человека существа, как копытные, хищники или некоторые виды птиц, на периоды спаривания и воспитания

детенышей образуют пары, которые часто приобретают постоянный характер.

Когда думают, что любовь двоих — это какое-то высшее достижение цивилизованного человека, то в этом глубоко ошибаются. Близкое знакомство с бытом отсталых народов заставило признать у них те же чувства, что и у нас. Для примера приведем одну австралийскую легенду. «Жили в далекие времена юноша и девушка. Они очень любили друг друга. Когда юноша достиг совершеннолетия, его внезапно оторвали от дома и от девушки: он должен был пройти обряды посвящения, продолжающиеся год или больше. Разлука сильно подействовала на девушку. Она смутно представляла себе те болезненные испытания, которые ждали ее возлюбленного, и боялась за него. Когда началось посвящение и всем женщинам приказали удалиться, девушка, нарушив самый суровый закон аборигенов, под покровом темноты пробралась к священному месту. Поздно вечером один из стариков увел юношу в сторону от стоянки. Там они устроились на ночь. Но парень не мог спать — очень болели свежие раны. При виде страданий своего возлюбленного девушке захотелось увести его от стариков и уйти с ним куда-нибудь далеко-далеко, где бы они могли жить спокойно и счастливо. Подобравшись поближе к костру, она, чтобы привлечь внимание юноши, стала подражать крикам зверей. Когда юноша заметил ее, девушка велела ему следовать за собой. Но не успели они очутиться вместе, как проснулся страж и начал разжигать костер. Зная, что их обоих ожидает смерть, если их поймают, девушка обвила руками юношу и полетела с ним на небо». Эти австралийские Ромео и Джульетта достаточно ярко показывают, что человеческое сердце всегда и всюду живет по своим законам. Путешественники очень часто с удивлением отмечали, что отношения мужчин и женщин у самых диких племен удивительно похожи на те, которые имеют место у нас. Об этом свидетельствует, например, английский исследователь Адриен Коуэлл, побывавший среди туземцев непроходимых лесов Южной Америки. Эти наблюдения не дают нам права считать, что первобытный мужчина обращался со своей женой хуже, чем его потомки. Скорее наоборот — подчиненное положение женщины есть результат более позднего этапа, периода патриархата.

Моногамный брак был обнаружен у пигмеев Конго и у диких туземцев Малакки, у одного из наиболее примитивных племен Колумбии и у народа ведда — обитателей Цейлона, у папуасов Доре, у туземцев Канарских островов и многих австралийских племен.

Разумеется, при этом достаточно развито и чувство верности, и чувство ревности. А. Коуэлл в беседах с туземцами убедился, что и у них есть измены и свои Отелло. «Ведь муж убьет, если узнает», — говорил один из туземцев, рассказывая о своих похождениях.

* * *

Исследования этнографов показали, что полигамия и полиандрия в целом были вторичными явлениями, которые обязаны своим возникновением особым, специфическим условиям жизни того или иного народа, того или иного племени. И даже в случаях узаконенной полигамии всегда выделяется «главная» или «старшая» жена, в чем легко усмотреть отзвук изначальной моногамии.

«Оказались слабыми все аргументы, — говорит В. Вундт, — при помощи которых старались из существующего положения первобытных народов вывести первоначальное состояние человечества в виде орды, обходившейся без брака и семьи. Скорее и при групповом браке, который ценится как важнейшая часть этого доказательства, и при более простых формах полигамии факты везде указывают на моногамию как на основу развития этих образований».

Пусть естественная моногамия сохранилась не везде и не всегда, пусть история человеческой семьи сложна и запутанна, ясно одно: поскольку групповой брак не был изначальным и всеобщим, он и не мог послужить основой для возникновения матриархальных представлений.

Не в производственных отношениях и хозяйстве и не в особенностях первобытного брака следует усматривать корень матриархата. Возрастание роли женщины в доисторическом обществе было, несомненно, связано с расцветом культа Богини-Матери и ведущей ролью шаманок и жриц.

Эту связь на примере доисторической Греции с удивительным проникновением в дух верований проследил Вяч. Иванов. «Чем в отдаленнейшую восходим мы древность, — писал он, — тем величавее рисуется нам образ вещуньи коренных изначальных тайн

бытия, владычицы над прозябающей из их темного лона жизнью, придверницы рождений и похорон, родительницы, приемницы, кормилицы младенца, плакальщицы и умастительницы умершего.

...Эпоха наибольшей чуткости к подсознательному и верности темной, отрицающей индивидуализацию Земле была эпохой владычества матерей... Всякое исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоимянная, ...наводит нас на следы первоначального феминизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, а эта богиня — женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют».

И подобно тому, как родоначальница племени была его общей матерью, так и первобытный культ Богини-Матери породил все последующие формы язычества.

В МИРЕ ДЕМОНОВ И ДУХОВ

Из книги «Магизм и Единобожие»

Все полно богов.

Фалес Милетский

Богиня-Мать — всеобщая прародительница. Из ее лона вышли растения, животные, люди. Поэтому в мышлении первобытного человека живет чувство родства, которое связывает все живые существа. Для охотников каменного века зубры и медведи, орлы и бобры — это такие же дети природы, как и они сами. Даже опасные звери, даже объекты промысла представлялись им таковыми. Следы этого чувства мы находим у многих примитивных народов.

Когда эвенки охотятся на медведя, они окружают его берлогу, произнося формулы «уговоров», и, когда медведь убит, долго извиняются перед ним и уверяют, что они не виноваты в его гибели. У северных народов есть обычай, по которому после раздела туши тюленя какую-нибудь часть ее бросают в воду со словами: «Тюлень ушел в море!» Черепа убитых зверей приносят в дом и всячески ублажают их, как дорогих «гостей». Охотники танцуют вокруг и поют: «Не мы вас убили, нет, нет! Камни скатились с горы и убили вас».

Идея братства человека и животного нашла свое выражение в широко распространенных мифах, согласно которым предки людей

имели смешанные человеко-звериные черты. Индейцы верят, что эти существа могли легко менять свой облик. В подобных легендах прочно установилось понятие «животные-люди».

По верованиям австралийцев, эти получеловеческие предки бродили по всей стране урабунна, совершая священные обряды, а впоследствии некоторые из них превратились в мужчин и женщин.

В этом мифе звучит как бы смутная догадка об общности происхождения животных и людей.

<...> В пещерах — местах обитания первобытных людей — обнаружено много странных рисунков. Они изображают невероятных чудовищ с ногами людей и мордами коз, с оленьими рогами и человеческим туловищем. Некоторые полагали, что это портреты загримированных колдунов. Но даже если согласиться с таким толкованием, то легко догадаться, что сам этот необычный костюм заклинателя ведет свое происхождение от мифа о человеко-зверях.

Кроме того, некоторые рисунки дают настолько фантастическое переплетение звериных и человеческих признаков, что трудно предполагать здесь какую-либо маскировку. Очевидно, вера в зооморфных предков восходит еще к пещерным жителям.

Эта вера оказала огромное влияние на общественный уклад древних людей. Она объясняет возникновение такого своеобразного явления, как тотемизм. Тотем — это, как правило, животное, которое считается предком и покровителем данного племени. Тотемизм характерен почти для всех австралийских племен. В его основе лежит вера в то, что люди кровно связаны с миром животных, а данное племя — с определенным видом животного. Одна из важных черт тотемизма — это связь его с ощущением коллективности. Семья, племя сознают себя чем-то единым в самом глубоком смысле слова. Обостренный индивидуализм — детище цивилизации. Первобытный человек еще не утерял ключа к тайне Единства человечества. Залогом этого единства является общий тотемический предок и дух-покровитель рода. Когда ребенок становится членом общины, то, по словам П. Гэсо, «в момент его посвящения открывается эта великая коллективная сила. Он отказывается от своей индивидуальности,

чтобы стать членом этой общины... которая сопричастна... духу и отождествляется с животным миром через свой тотем».

<...> Некоторые ученые выдвигали гипотезу, что тотемы — это не что иное, как объекты охоты племени или животные, внушающие особый страх. Но это не соответствует действительности. Животные-тотемы — совсем не обязательно опасны и ценны для промысла. <...>

Источник тотемизма — вера в духовное единство с природой. Он имел широкое распространение в различных частях света. Следы его обнаруживаются не только у примитивных племен Азии, Африки и Америки, но и у цивилизованных исторических народов. Запрет на убийство коровы в Индии, табу на свиней у израильтян и мусульман — отдаленные отголоски седой старины, когда эти животные были священными тотемами.

Кроме коллективного родового тотема существовали и тотемы индивидуальные. Связь человека с збранным духом-покровителем, которую мы находим в религии африканцев, эскимосов, индейцев, не менее древняя, чем групповой тотемизм.

Постепенно групповые тотемы стали утрачивать свой звероподобный характер, превращаясь в духов-патронов племени или народа.

* * *

Было бы неправильно считать тотемизм какой-то особой формой религии. Он — лишь проявление особого мироощущения, когда вся природа предстает перед человеком одушевленной. Сила «Маны» пронизывает ее повсюду, видимый мир есть тело невидимой Божественной Силы. Именно этот анимизм есть религиозная основа тотемизма.

Что же поддерживало это мироощущение в первобытном человеке? Страх — отвечают нам. Человек боялся ядовитых змей, хищных зверей, боялся поэтому темноты. Крики ночных птиц он относил за счет лесных духов. Но такое объяснение естественно в устах человека городской цивилизации. Наивно было бы думать, что люди, веками охотившиеся в лесах и тундрах, так плохо знали их жизнь, что легко принимали филина за лешего, а обезьяну за злого духа.

Всякий охотник чувствует себя в лесу как дома. Каждый след, каждый звук знакомы ему. Из поколения в поколение передавался опыт охотников. Их сведения о природе до сих пор во многом оставляют позади знания европейских ученых. И поэтому считать, что просто страх внушал древним людям веру в духовные существа, по крайней мере неосторожно.

<...> Правда, в жизни первобытных людей страх имеет место. Но это реальный страх. Страх голода, неудачи в охоте, встречи с опасными животными. Разумеется, в суровых условиях Арктики или тропиков причин реального страха больше, чем в умеренных странах. И тем не менее мы не видим, чтобы обитатели этих стран были менее религиозны, чем эскимосы или африканцы. Следовательно, корни веры в духовный мир нужно искать в чем-то другом.

* * *

Эдуард Тэйлор считал, что «древние дикари-философы, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивающееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак». И этот «анимизм» они перенесли на природу. Но мы уже видели, что «философствующий дикарь» — это миф. Исследования мышления современных примитивных племен показали, что не рефлексия и не «философия» руководят первобытными людьми, а иррациональная интуиция. Они видят мир «полным духов» не потому, что размышляли о нем, а потому, что ощущали мистическую тайну в природе.

<...> Первобытный человек видел повсюду сокрытую одушевленность: и в стволах деревьев, и в лесных животных, и в беге облаков. Для него взаимодействие вещей в мире — это не только взаимодействие видимого, но в то же время — и более всего — взаимодействие невидимого. В журчащем ручье, в пламени костра обитали духи, враждебные или добрые, а иногда и нейтральные. Стихии не казались ему чем-то бездушным. Невидимый мир не составлял для него какого-то изолированного плана бытия. Он был тут же, рядом, он подразумевался во всем. «Для первобытного мышления, — пишет Леви-Брюль, — не существует двух миров, соприкасающихся друг с другом, отличных, но вместе с тем связанных, более или менее проникающих друг в друга. Для

первобытного мышления существует только один мир. Всякая действительность мистична, как и всякое действие, следовательно, мистичным является и всякое восприятие». Духи оказываются гениями-покровителями каждого клочка земли, имея в своей власти все явления природы, совершающиеся в данном месте, и все события в жизни людей, живущих в их пределах. Число их бесконечно. Они наполняют весь мир, и нет в природе силы или предмета, начиная от моря до комка земли на поле, которые бы не имели своего божества. Они охраняют холмы, рощи, реки, ключи, тропинки и хижины. Им известно каждое действие человека, все нужды и интересы местности, находящейся под их властью.

Таким образом, не просто страх перед природой или неведение относительно голосов животных и птиц становятся источником веры в одухотворенность мира. Если такой страх и появлялся, то он был скорее результатом чувства этой одухотворенности. Не просто зверь, гора или дерево являлись причиной мистического страха человека, а то, как он воспринимал их.

* * *

<...> Само собой разумеется, что эти души стихий, эта таинственная Вселенная гораздо больше заботила и интересовала доисторического охотника, чем далекое и туманное Божество. Вступить в дружественный союз с духами леса, приобрести невидимых помощников и покровителей — вот что было жизненно важно.

Характерен такой случай. Один эскимос, приближаясь к ловушке, услышал тревожный крик ворона. Он насторожился и не стал двигаться дальше. Это спасло ему жизнь. К ловушке подошел гигантский медведь, который растерзал попавшегося в нее ворона. После того как зверь удалился, охотник подобрал останки птицы и, зашив их в мешочек, превратил в амулет. Он был уверен, что дух ворона стал его защитником.

Конечно, во всем этом немало бессмыслицы и невежества, но глубинная основа первобытного мироощущения заслуживает самого серьезного подхода и отношения. Если мы утратили способность видеть скрытую жизнь природы, то это еще не означает неправоту

наших предков, а говорит лишь об ослаблении в нас древней интуиции.

Особое отношение было у первобытных людей к душам умерших. Если даже в наш скептический век оккультные феномены вызывают все меньше и меньше насмешек, то легко представить себе, какое впечатление могли произвести они на людей доисторических времен. Они убеждались, что иные духи умерших превращаются в бродячие тени, которые вселяют ужас. Для того чтобы предотвратить это, применялись самые разнообразные меры предосторожности. Тела покойников связывали, над ними произносили заклятия, а если это не помогало, их извлекали из земли и пронзали копьями, чтобы они перестали тревожить живых.

Сейчас трудно установить, как понимали древние люди отношение душ умерших к стихийным духам. Скорее всего они в какой-то степени отождествлялись. Полагали, что после смерти душа становится членом таинственного синклита окружающей человека природы. Даже и сейчас в нас подсознательно живет чувство, что умершие обретают какое-то высшее знание и могущество. Смерть накладывает отпечаток величия даже на ничтожных людей. И естественно, что души прародителей, великих вождей и шаманов древности оказались объектами особого поклонения. Они становились высшими покровителями рода наряду с тотемным предком, порой вытесняя его.

* * *

Какое же можно дать определение этой «религии духов»? Заклучалась ли она в поклонении силам природы или в поклонении душам умерших? Правильнее будет сказать, что ни один из этих элементов не занимал в ней господствующего положения. Религия современных примитивных народов содержит в себе в равной степени то и другое. Поэтому наиболее точным будет здесь определение Вл. Соловьева, данное в его исследовании о первобытном язычестве. Эту веру, в которой природа признавалась оживотворенной, в которой чтили тотемных покровителей и предков, в которой был и культ умерших, он назвал смутным пандемонизмом. Этот пандемонизм отодвигает на задний план не только Божество, но и саму Богиню-Мать. Торжествует принцип

плюрализма, согласно которому все и всюду имеет свое особое духовное начало.

Это воззрение распространяется буквально на весь видимый мир. По представлению австралийских аборигенов, «вся та часть вселенной, которая представляет интерес для человека, объясняется существованием различных душ: эти последние время от времени принимают облик человека или биологических видов в явлении природы: они появляются перед людьми во сне и в видениях, как в воплощенном, так и в бесформенном состоянии. Это значит, что между духами и определенной формой их воплощения нет прочной связи. Духи могут символизироваться как предметами, сделанными рукой человека, так и естественными видами» (А. Элькин).

Здесь — корни того странного, на первый взгляд, верования, которое получило в науке название фетишизма. Фетиши, т.е. Священные предметы, сопровождают всю жизнь первобытного человека. Это может быть и камень, и зуб животного, и даже череп родственника. В них обитают духи, и человек, обладающий фетишем, заручается их поддержкой. Как и тотемизм, вера в фетиши не есть какая-то особая религия, как думали некоторые исследователи. «Ясно, — говорит В. Шмидт, — что фетишизм сам по себе нигде не существует, и поэтому нет никаких этнологических оснований помещать его в качестве самостоятельной ступени в самом начале религии». Многие ученые сомневаются в правомерности даже самого термина «фетишизм».

То, что неодушевленному предмету придается сакральное значение, вытекает из общей веры в одушевленность мира, в то, что «Мана» может распределяться в мире неравномерно, что один предмет может иметь больше силы, а другой меньше.

Очень часто фетишизм связан с верой в тотемы; священными предметами оказываются эмблемы духа-покровителя. В Австралии такими родовыми святынями являются чуринги. Это обычные каменные или деревянные дощечки, расписанные символическими знаками.

Чуринги хранятся в особых местах, сокрытых от непосвященных. Время от времени старейшины осматривают их. На фотографиях, которые удалось снять некоторым исследователям, мы видим

бородатых вождей, которые с глубокой серьезностью и с выражением сознания значительности момента созерцают чуринги. Еще бы! Ведь в этих дощечках заключены тайные силы, которые управляют племенем и охраняют его. Чуринга — это живое существо. «Это совсем не кусок дерева камня, это нечто совсем иное. Чуринга интимно связана с предком, она испытывает чувства, подобно нам: эти чувства или эмоции можно успокаивать, поглаживая чурингу рукой, т.е. таким же путем, каким успокаивают волнения живых людей» (Л. Леви-Брюль).

Иногда какой-нибудь фетиш приобретает значение талисмана. Он противопоставляет силе — силу, вредоносному влиянию — свое, защитное. Вера в значение таких амулетов проходит через все века человеческой истории. <...> Известный русский путешественник С. Крашенинников рассказывает о том, как некий коряк приобрел себе фетиш-жену. Он нашел на реке камень, и когда взял его в руки, «то камень на него, как будто человек, дунул». Он испугался и бросил камень. После этого он заболел и, решив, что болезнь связана с его поступком, стал искать камень. Скоро он нашел его, но на другом месте. Он взял камень себе в дом, сделал ему платье и считал своей женой.

Иногда человек убеждается, что фетиш бесполезен. Тогда обманувшему его предмету приходится претерпеть наказание. Его бьют, истязают или просто выбрасывают.

Постепенно фетиши приобретают человекоподобный облик. На них грубо намечают черты человека — предка или духа. Такие фигурки особенно характерны для африканских народов. Это прототипы будущих идолов.

У северных индейцев мы видим превращение тотемного знака сначала в идола, а затем в геральдический символ племени. В лесах Америки до сих пор стоят эти изумительные по красоте изваяния. Тотемные столбы индейцев являются подлинными шедеврами мирового искусства. Их фантастические узоры, причудливо переплетаясь, создают жуткие и манящие образы родовых духов. Человеческие маски громоздятся на звериные тела, крылья птиц соседствуют с извивающимися хвостами легендарных чудовищ. И все это играет яркими красками.

В развитом язычестве божество или демон уже не отождествляется с самим изображением. Считают, что оно лишь носит в себе часть силы первообраза. Но элемент фетишизации сохраняется долго, и еще в древневосточных и античных культах мы находим следы того представления, что бог обитает внутри своего кумира.

Но мы крайне обеднили бы понятие о первобытной религии, если бы стали утверждать, что попытка установить контакт с духовным миром ограничивалась талисманами, фетишами или тотемными изображениями.

Существовал и мистический путь общения с духами, который и составляет главный непреходящий интерес в первобытной религии.

«Стихийному пандемонизму религиозного мировоззрения, — пишет Вл. Соловьев, — соответствует так называемое шаманство в области религиозного культа». Нужно думать, что с течением веков духовная интуиция у первобытных людей ослабевала. И поэтому из их среды стали выделяться люди, обладающие особой мистической и оккультной одаренностью. На них была возложена миссия посредников между человеческим родом и окружающим его миром демонов и духов.

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ МИСТИКИ

Из книги «Магизм и Единобожие»

*Все было ясно для
первых людей, тайны
природы не были так
скрыты от них, как от
нас.*

Яков Беме

Всякая религия складывается из трех основных элементов: мировоззрения, жизненных нормативов и мистического чувства, которое находит внешнее выражение в культе. Первый элемент обращен к интеллекту человека, второй — к его волевым устремлениям, а третий — к его эмоциональной сфере и интуиции. Причем этот последний является основополагающим. Поэтому-то культ, в какую бы он форму ни облакался, играет в религии такую

важную роль. «Внутреннее содержание культа, — пишет французский психолог Р. де ла Грассери, — составляет непрерывное общение с Божеством с помощью осязательных средств; без культа можно знать о существовании Бога или богов, знать их приказания, но только посредством культа можно беседовать с Божеством».

Разумеется, под словом «культ» мы здесь должны понимать нечто очень широкое. Даже в тех религиях, где внешние их выражения сведены к минимуму, все же какой-то «культ» существует. Человеку свойственно связывать свои внутренние переживания с какими-то действиями, во что-то их «облекать». Отсюда и слово «обряд» (от «облечь», «обрядить»). В общении между собой люди никогда не могут избежать хотя бы самой простой формы обряда. Обряд помогает не только человеческим контактам, но и нашей устремленности к Высшему.

<...> Метафизическая катастрофа, которая оторвала человечество от полноты непосредственного созерцания Бога, привела к оскудению духовной интуиции. Поэтому, стремясь обрести утраченное, люди стали искать способы вернуться к прежнему состоянию. Одним из таких способов стало искусственное вызывание экстаза при помощи плясок, ритмичной музыки, массовых радений. Это была попытка как бы приступом овладеть крепостью духа.

В восторженном опьянении, которое вызывали коллективные ритуалы, люди кружились в такт ударам первобытных барабанов; все обыденное переставало существовать, казалось, что душа летит далеко и освобождается от гнетущих пут. По существу, это была попытка механическим путем обрести духовную свободу и могущество. Но в этой попытке, при всей ее надрывности, трогательна та сила неутомимой жажды высшего, которая не давала человеку погрязнуть в беспросветном, полуживотном состоянии. Пожалуй, и эпидемия исступленных танцев в наши дни тоже есть, пусть уродливое, отражение духовной неудовлетворенности и стремления вырваться за пределы обыденности.

Массовые радения принадлежат глубочайшей древности, и у нынешних примитивных народов от них остались лишь некоторые следы.

У большинства же «диких» народов мы застаем уже следующую стадию развития — шаманизм. Здесь на первое место выступают избранники, те, кто пытается проложить путь к сверхчеловеческим силам. Ясновидцы, мистики, прорицатели хранят и совершенствуют «архаическую технику экстаза». На этом этапе духовной истории утверждается вера в то, что высшими тайнами, по словам В. Михайловского, «обладают люди, исключительно одаренные по своей организации, являющиеся посредниками между своими соплеменниками и этими загадочными силами».

Хотя слово «шаман» сибирского происхождения, оно прилагается обычно как обобщающая категория ко всем духовидцам и экстатикам, какое бы местное название они ни носили. Сейчас невозможно установить, где впервые зародился шаманизм. Очевидно, он возник независимо у разных народов. Зачатки его восходят, вероятно, к очень ранним временам, и постепенно он становится явлением повсеместным. <...> В последнее время это интереснейшее явление доисторической религии исчезает быстрее других живых следов прошлого. Шаманы Северо-Восточной Азии вынуждены были отступить перед натиском бурных общественных и политических изменений в Сибири, око-юму негритосов и их африканские собратья почти вымерли под влиянием европейской цивилизации. Колонисты, как правило, грубо попирали древние священные традиции туземных культур. <...> Однако среди многих туземных народов шаманы и заклинатели еще существуют и пользуются прежним влиянием. Сведения о них, а также данные об уже исчезнувших шаманах дают возможность в какой-то степени восстановить картину этой древней попытки проникнуть за завесу бытия.

Существует немало гипотез о возникновении и характере шаманства. Одни считают его древнейшей религией, другие связывают с магией, третьи видят в нем очень позднее явление религиозной истории. Выдвигается предположение, что шаманизм обязан своим возникновением психическим болезням. Истерия и эпилептические припадки больных людей вызывали суеверное благоговение, и таким образом шаманизм якобы оказывается своеобразным «культом сумасшествия». Но такая трактовка является

односторонней. Не подлежит сомнению, что в шаманизме действительно было много патологических элементов, но одним этим объяснить его универсальное распространение и влияние на культуру невозможно. Туземцы действительно боятся душевнобольных, но, как правило, они их не «почитают», а убивают. Не говоря о том, что они становятся опасны, в них видят одержимых демонами и стараются от них избавиться. Кроме того, если бы речь шла только о заболеваниях, то теряла бы всякий смысл «архаическая техника экстаза», не нужны были бы те методы, которыми человек вызывает в себе состояние сосредоточения, транса и каталепсии. Теперь установлено, что современные люди, обладающие телепатическими способностями, и индийские йоги могут произвольно вызывать в себе эти особые состояния, и при этом психика их вполне нормальна.

* * *

Был ли шаманизм особой религией? Против этого свидетельствует тот факт, что шаманы часто существуют наряду с развитой религией и жречеством. Шаманизм известен и параллельно с тотемическими представлениями, и с первобытным монотеизмом, и с религией Богини-Матери и продолжает существовать в историческую эпоху наряду с самыми различными религиями Запада и Востока. Поэтому В. Харузина справедливо утверждает, что «шаманство не есть стадия религиозной мысли; оно не есть религиозная система, предполагающая комплекс религиозных представлений. Шаманство есть только одно проявление религиозных верований народа, нередко уже очень сложных, покоящихся иногда на политеистических воззрениях».

В шаманстве сохраняется, в качестве пережитка, представление о Всеобщем Божественном Отце, но главным образом его мистическое восприятие обращено к Великой Матери, душе мира и к многообразным низшим духовным существам. Это те силы, существование которых очевидно для ясновидческого зрения, о которых постоянно говорят Беме, Сведенборг, Штейнер, оккультисты и мистики.

Субъективная эмоциональная сторона шаманизма нередко характеризуется ощущением великой космической радости

причастия к мировой Душе, которое мы позднее находим в греческом дионисизме. Объективно за религиозным опытом шамана стоят, скорее всего, скрытые носители одухотворенности мироздания из сферы трансфизического бытия.

О том, что мироощущение и мистика шаманизма не есть плод лишь болезни и заблуждений, красноречиво свидетельствует его практическая значимость в жизни туземных народов на протяжении веков.

* * *

Экстатические состояния транса делают шамана медиумом и ясновидцем, к нему прибегают для разрешения различных житейских вопросов. Он безошибочно указывает, где найти в тайге пропавшего оленя, куда нужно отправиться для того, чтобы иметь успех в охоте.

Для того чтобы показать роль шамана в жизни первобытного общества, приведем факт, имевший место в Центральной Африке и сообщенный одним молодым врачом, жившим в тропиках и близко наблюдавшим быт «дикарей».

В племени гола было совершено несколько убийств, виновника которых обнаружить не удалось. Когда были исчерпаны все обычные методы розыска, вождь племени Бойма-Куи обратился к так называемому «Большому таинству Прута». Все жители деревни сошлись на поляне перед хижиной собраний, куда привели женщину-заклинательницу. «Ее небольшая голова с почти мужскими чертами сидела на жилистой шее. Большие пронзительные глаза были запрятаны в глубокие глазницы. Расставив ноги, она опустила перед собой наклонно к земле длинный прут. Направо и налево от нее присели на корточках две другие женщины. Перед ней молча и неподвижно застыли четверо мужчин и одна женщина — родственники убитого. По знаку Бойма-Куи одна из сидящих женщин начала медленно и ритмично постукивать маленькой палочкой по пруту колдуньи. Мертвая тишина на площади производила непривычное для этих мест тягостное впечатление. Негритянка непрерывно смотрела на свой прут, зажатый в неподвижно вытянутых руках. Темп ударов палочкой по пруту все усиливался. Руки и тело колдуньи как бы окостенели. Она закатила глаза и начала

в такт бить прутом по земле. Дикие судороги свели сильное тело женщины, она упала на бок и покатилась по земле, продолжая бить прутом в тяжелом гипнотическом трансе. Окружающие в страхе отпрянули назад... словно ожидавшая этого момента ведьма полупрыжком настигла сидевшую рядом с четырьмя мужчинами женщину и, словно обезумев от жестокости, начала наносить ей неистовые удары прутом, пока бедная жертва с криком не упала на землю, а мужчины, как от змеи, не отскочили от нее в сторону». Это странное «следствие», несмотря на всю его дикость в глазах европейца, привело, однако, к положительному результату. Обвиненная призналась, и благодаря ей удалось разоблачить и других участников преступления.

В этом эпизоде легко увидеть проявление телепатических способностей заклинателя. Разумеется, как и в любом подобном явлении, в шаманизме было немало шарлатанства и фокусничества. Но ведь подобные обманы имели место и в парапсихологии. Они не могут служить опровержением действительных способностей шамана.

Об удивительных психических силах шаманов было написано много. Самые непредубежденные исследователи приводят многочисленные личные наблюдения из этой области. Вот что рассказывает этнограф В. Богораз — убежденный позитивист — о своей встрече с шаманом на одном из островов Аляски.

«Шаманство на острове пришло в упадок, так как американцы смотрят на него неодобрительно. В сущности, остался один шаман, Ассунарак, потомок старого шаманского рода, глубокий старик. После многих отнекиваний он показал мне несколько образчиков своего искусства... Он предложил мне набросить на его голые плечи концы большого красного американского одеяла. Руки шамана были скрещены на груди, но одеяло каким-то чудом прильнуло к его спине.

«Держи крепче!» — приказал он, нагнулся и пополз из внутреннего помещения. Я крепко держал одеяло за два свободных конца. Одеяло натянулось и потянуло меня за собой. Я уперся ногами в нижнюю поперечину, скреплявшую остов шатра. И вот, о диво, весь шатер начал вставать дыбом. Справа и слева блеснула луна. Я упорствовал. Весь шатер перекосялся. Груда посуды, лежавшая в углу

на шкурах, со звоном рассыпалась. Наконец и ушат с тающим снегом и водой опрокинулся и пролился. Тогда, устрешенный, я выпустил концы одеяла. Старик немедленно уполз из шатра, как змея, и крикнул мне оттуда с торжеством: «А что, одеяло-то — мое!...»»

Это гипнотическое воздействие особенно проявляется во время медиумических сеансов шамана, называемых в Сибири камланием. «Многие, — пишет исследователь С. Токарев, — утверждали всерьез, что видели и ощущали наяву все, о чем говорил шаман». «Шаман, находясь во время камлания в особом истерическом трансе, и в самом деле может совершать необычные действия, которые человек в нормальном состоянии проделать не в силах» (А. Анисимов).

Ненцы (самоеды) нередко присутствуют при «таинственном действии кудесника, напоминающем спиритические сеансы. Заклинатель велит присутствующим связать ему руки и ноги, закрыть ставни и призывает подвластных духов. В темной юрте слышатся всевозможные голоса и звуки. Когда весь шум оканчивается, отворяется дверь юрты — и шаман входит со двора, не связанный ни по рукам, ни по ногам» (В. Михайловский).

* * *

Кроме явлений телепатии и внушения в шаманской практике имеют место и феномены телекинеза. Об одном странном случае подобного рода сообщает американский биолог Ф. Моуэт, долго живший среди вымирающего эскимосского племени ихалюмтов.

«Как-то осенью после полудня, — пишет он, — на второй год моего пребывания в стране Барренс, мы с Энди спокойно сидели в хижине у Залива Ветров, пили чай и болтали. Внезапно наша хижина сильно затряслась — примерно так же, как трясет в зубах крысу злая собака. Мы вскочили и выбежали за дверь, уверенные, что произошло землетрясение. Однако на берегу реки ничего подозрительного мы не заметили. Небольшое стадо оленей мирно отдыхало на противоположном берегу. Сентябрьский день был тих и навевал дремоту. Сбитые с толку и несколько обеспокоенные, мы вернулись к прерванному чаепитию. Едва мы уселись, как хижина снова затряслась. Жестяные кружки упали со стола, заткнутые за стропила распялки с шумом полетели на пол. Встревоженные не на шутку, мы опять выскочили из хижины и опять не обнаружили

ничего, что бы объяснило неожиданное сотрясение хижины». Изумленные путешественники побежали к палаткам эскимосов, но те ничего не знали и ничего не заметили. А один из них посоветовал сходить к шаману Какуми. «Тут недалеко за холмом живет Какуми, — сказал он. — Может быть, он знает, что случилось. Похоже, это дело рук дьявола».

«Я направился к жилищу Какуми, — продолжает Моуэт, — и, когда спросил его, тот ответил сразу же, словно ожидал моего прихода и знал, что я приду. «Это был Апопа, — объяснил он, — озорник Апопа. Он пролетел здесь, и я заметил, как задрожал воздух, и понял, что он совсем близко...»»

<...> Много необычайных фактов сообщают этнографы о таинственных способностях туземцев. Так, жители острова Фиджи во время священного танца без всякого вреда ходят по камням, раскаленным добела. У бушменов пустыни Калахари известно убийство при помощи одного внушения. П. Гэсо, рассказывая о своей жизни среди африканского племени тома, приводит такой случай. Когда он со своими товарищами отдыхал в хижине, их поразили необычные звуки. Их слышали все трое. Рядом с ними спал шаман Вуане. «Вдруг царапающие звуки возобновляются с еще большей настойчивостью. С пронзительным скрипом открывается дверь. На пороге стоит Вуане в коротком бубу, в коротких штанах и с непокрытой головой. Но ведь он — у моих ног, на своей циновке. Он лежит на боку, повернувшись ко мне спиной. Я вижу его бритый затылок. Между нами на земле стоит лампа, горящая тускло, как ночник. Я не смею пошевелиться и, затаив дыхание, смотрю на Вуане. Он какое-то мгновение колеблется, наклоняется, проходит под гамаками Тони и Верилья и медленно укладывается в самого себя. Вся эта сцена разыгрывается за несколько секунд». Трое французов оказались очевидцами странного явления. «Нельзя найти никакого разумного объяснения этой коллективной галлюцинации, — говорит далее Гэсо. — Верилья, единственный из всех нас разбирающийся в спиритизме, оказался в это время единственным, кто безмятежно спал. Он находит это сверхъестественное приключение почти банальным». Действительно, перед нами характерный случай феномена, известного как «произвольный выход в астрал».

<...> Если даже среди европейцев, в значительной степени утративших древние способности человека, известны многообразные парапсихические явления, то тем более вероятно встретить их у туземцев. Именно эти способности, в связи с верой в духовный мир, и составляют реальную основу шаманизма.

Эдуард Тэйлор с наивным высокомерием человека XIX века спрашивал: «Не обладают ли индийский знахарь, татарский некромант, шотландский духовидец и бостонский медиум одинаковой верой и знанием, которые, может быть, в высшей степени истинны и важны, но которые тем не менее отброшены великим умственным движением двух последних столетий как не имеющие никакой цены? Но в таком случае не есть ли то, чем мы обычно хвалимся и что называем новым просвещением, — не есть ли это на самом деле упадок знаний?» И он уверен, что ответ будет отрицательным. Между тем его убежденность в высшей и абсолютной ценности «нового просвещения» есть лишь плод его собственной веры в Прогресс, веры, которая теперь уже не кажется столь незыблемой. Конечно, у «дикаря» нет паровой машины, нет тем более атомного двигателя, но являются ли эти достижения «нового просвещения» результатом духовного прогресса? Не теряет ли человек вместе с цивилизацией многие свои древние духовные способности? Идея регресса казалась Тэйлору немислимой, но мы теперь хорошо знаем, что рост материальной цивилизации вовсе не обязательно способствует духовному росту и тем более не является условием для него. Цивилизация как бы говорит устами Великого инквизитора: «Мы дадим вам хлеб и возьмем вашу свободу».

Разумеется, сам по себе рост материальной цивилизации не есть зло. Он становится злом, когда вытесняет духовные ценности. А этот соблазн человек почти никогда не в силах преодолеть. Одним словом, я здесь не защищаю первобытного образа жизни, а только хочу сказать, что наличие ракет и холодильников не дает права «цивилизованному» человеку считать себя духовно выше всех тех, кто был лишен этих благ технического века.

* * *

То, что доисторические медиумы и шаманы оказывались носителями необычайных дарований и сил, создавало им прочный

авторитет в народе. Ведь не нужно забывать, что шаманизм нередко служил житейским целям. Если бы эвенкам или индейцам слишком часто приходилось разочаровываться в реальном могуществе и духовной силе шаманов, то шаманство давно бы исчезло. Между тем еще в XIX и XX веках оно было настолько жизнеспособно, что оказывало энергичное сопротивление напору буддизма, христианства и коммунизма.

Следует заметить, что неудача для шаманов — настоящая трагедия. Она не только роняет авторитет, но приводит часто к его полному падению или даже изгнанию. Он считается ответственным за неудачу, и его обвиняют в злонамеренности.

Особенно это относится к тем шаманам, которые берутся лечить людей. Далеко не все шаманы занимаются этим, хотя нередко один человек совмещает в своем лице и прорицателя, и медиума, и врача-знахаря. Не нужно, впрочем, думать, что шаманское «лечение» — чистое суеверие. Очень часто оно дает удивительные результаты. <...> Эта процедура описывается во многих исследованиях и имеет общие черты у всех народов. Она сводится к тому, что заклинатель поет гимны и делает вид, что высасывает болезнь. И здесь проявляется могущественная сила внушения. Впрочем, нередко шаманы отказываются лечить физические недуги. Так, в Якутии специальными «шаманскими болезнями» считают нервные. Именно их в первую очередь берутся излечивать заклинатели.

В антирелигиозной литературе очень часто приходится сталкиваться с утверждением, что шаманы «грабили и разоряли народ», что они бессовестно эксплуатировали невежественных людей и обирали их как только можно. А между тем в шаманской древней присяге есть такие слова: «Если позовут тебя вместе богатый и бедный, то иди сперва к бедному и не требуй много за труды». Такой благородный принцип сделал бы честь любому современному медику. Напомним, что шаманы, применяя свои способы лечения, никогда не отрицали значения европейских лекарств.

* * *

Как человек становится шаманом? Им может стать не каждый. У северных народов существует поверье, что тотемические духи-предки избирают себе в качестве медиумов либо потомков шаманов,

либо особо любившихся им людей. Таким образом, решение стать шаманом исходит в первую очередь не от человека. Сами духи призывают его на служение. К. Расмуссен так рассказывает о мистическом призвании его друга шамана Игьюгарьюка:

«В молодости Игьюгарьюка часто посещали сновидения. Странные существа говорили с ним во сне, и, когда он пробуждался, сновидения стояли перед ним, как живые». Тогда сородичи поняли, что он одарен особой восприимчивостью к воздействиям нездешних сил, и было решено, что он призван стать шаманом. Будущий заклинатель всеми силами противился своему мистическому дару, тщетно пытаясь освободиться от него. У большинства медиумов-шаманов подобное сопротивление приводит к ужасным галлюцинациям, припадкам, и тягостное состояние длится до тех пор, пока избранный не изъявит согласия на общение с духами. В противном случае дело кончается тяжким заболеванием. «Я бы умер, если бы не сделался шаманом», — говорил один гиляк. А якутский шаман, который под влиянием миссионера перестал вызывать духов, жаловался русскому исследователю Анисимову: «Это нам даром не проходит; наши господа (духи) сердятся всякий раз на нас, и плохо нам впоследствии достается, мы не можем оставить этого, не можем не шаманить».

Готовясь к своему служению, будущий шаман удаляется далеко от стойбища. Его оставляют надолго в пещере или в шалаше одного без пищи и питья. В эти дни он должен сосредоточиться на мысли о Великом Духе и своем духе-покровителе. «Истинную мудрость, — говорит шаман Игьюгарьюк, — можно приобрести лишь вдали от людей в великом уединении, и постигается она лишь путем страданий. Только нужда и страдания могут открыть уму человека то, что скрыто от других». Через несколько дней посвященному дают немного пищи, а потом испытание снова продолжается.

«Игьюгарьюк рассказывал: за эти тридцать дней он натерпелся такого холода и голода, так истомился, что временами «умирал ненадолго». Но он все время думал о Великом Духе, стараясь гнать от себя мысли о людях и повседневных событиях. И лишь под конец явился к нему дух-пособник в образе женщины. Явилась она, когда он

спал, и ему чудилось, что она носится над ним... Затем пост повторился».

Совершенно так же происходит посвящение в шаманы и у других народов. У австралийцев, например, «ирунштариния», дух-покровитель, являясь избраннику, вынимает внутренние органы у посвящаемого и заменяет другими. Человек чувствует полное перерождение всего своего тела и духа. Невольно вспоминается библейский пророк, воспетый Пушкиным, который пережил такое же перевоплощение. Здесь речь идет не о метафоре, а о подлинном потрясении, которое испытывает все существо человека. Таким образом, применяя определенные искусственные приемы, шаман достигает того, что к нему возвращается крупца древнего ясновидения. Но это ясновидение не проникает дальше низшего мира стихийных духов.

* * *

Шаманы всего мира, от Огненной Земли до Гренландии и от Чукотки до Австралии, связывают свое служение духовному миру с особыми обрядами. В момент призывания невидимых сил заклинатель должен отрешиться от своей повседневной жизни, иметь определенную символическую одежду, головные украшения, жезл или бубен. Последний играет более важную роль, чем думают некоторые исследователи. Не случайно во многих странах его считают обязательным атрибутом шамана. Изготовление его связано с особым ритуалом, части его имеют символическое значение. Североамериканские индейцы на бубнах рисуют красной краской тотемических предков-животных; эвенки делают изображения духов. Бубен — это не просто музыкальный инструмент. Он выполняет роль своеобразного медиумического орудия, привлекающего духов.

Вызывание духов, камлание, происходит чаще всего в особых, специально для этого оборудованных помещениях. Но иногда оно совершается на открытом воздухе. Во время камлания шаман прибегает к музыке как к средству, которое заставляет сердце человека трепетать и биться в унисон с незримыми стихийными силами. Эта музыка нередко производит огромное впечатление даже на европейца. Так, по свидетельству Гэсо, звуки священной мелодии племени тома, которую не должны слышать непосвященные, — это

«какие-то вздохи допотопных чудовищ, нечеловеческая музыка первых веков существования земли, рождающая в душе невыразимую тоску».

В пении сибирских шаманов порой звучат слова не известного никому языка, который непонятен и самому шаману. Иногда гимн превращается в призывание и заклятие.

<...> Музыка камлания, рассказывает В. Серошевский, очевидец, «вначале нежная, неуловимая и произвольная, как шум приближающейся бури, все растет и крепнет; по ней зигзагами, точно молнии, пробегают дикие окрики: каркают вороны, смеются гагары, жалуются чайки, посвистывают кулики, соколы да орлы. Все те, кто летает высоко над землей, ближе к небу, видимо, обеспокоены ожидаемым появлением, наполняя юрту своим жалобным криком. Музыка растет и достигает апогея, удары по барабану, частые, сильные, сливаются в один непрерывный, все возрастающий гул: колокольчики, погремушки, бубенчики гремят и звенят не устывая; это уже не буря, а целый водопад звуков, готовый потопить сознание присутствующих».

Камлание часто сопровождается танцем, который заканчивается тем, что шаман приходит в состояние транса.

<...> Каталептическое состояние, которое охватывает шамана, он сам толкует мистически. Он утверждает, что во время транса он поднимается или опускается в запредельные сферы и беседует с духами. Он возвращается оттуда, окруженный сонмом загадочных существ, которые наполняют его жилище. Приходя в себя, заклинатель поет древние песни, в которых выражается радость слияния с силами бытия, с миром духов. Это чувство передается всем присутствующим. «Когда она пела, — говорили об одной эскимосской шаманке, — то себя не помнила от радости, и все в жилище тоже, так как их души освобождались от всего, что их давило. Они поднимали руки и отбрасывали прочь всякую злобу и ложь» (К. Расмуссен). Но далеко не всегда возвращение было столь мирным.

«Пробуждение шамана от транса, — говорит Ф. Моуэт, — происходит иной раз чрезвычайно бурно. Он вскакивает на ноги, одержимый совершенно необъяснимой физической силой. В этот момент полдюжины человек не могли удержать его; он может

прорваться сквозь стенку палатки и исчезнуть в темноте, а затем вернуться окровавленным и в последней степени изможденным. Шаману, выходящему из транса, случается нанести себе телесное повреждение, которое было бы роковым для обыкновенного человека. Однако у шамана такие раны всегда заживают».

Транс фиджийского шамана сопровождается стонами, вздутием вен. «Прорицатель с вращающимися выпученными глазами, бледным лицом, с посинелыми губами, обливаясь потом, с видом совершенно бешеного человека высказывает совершенно неестественным голосом волю божества» (Э. Тэйлор).

Эта одержимость часто сопровождается нервными припадками или некоторыми видами истерии, но от этого далеко до вывода, что всякий транс доисторических мистиков — только патология. Не являются ли нередко болезненные процессы в душе стимулом для проявления некоторых высших способностей человека? Следует с большой осторожностью судить о шаманизме, ибо в нем, как и в других родственных явлениях, патология нередко соседствует с гениальностью и подлинным созерцанием незримого.

Шаманизму изначально была присуща двойственность. С одной стороны, «доисторические мистики» были предтечами носителей свободного религиозного вдохновения исторических времен. Все пророки, харизматики, все духовно-творческие зачинатели нового психологически, субъективно принадлежали тому потоку религиозной жизни, который начинается с экстатиков каменного века. То, что веками воспитывалось в мистике Индии, что нашло завершение в орфизме и неоплатонизме, имеет корень в этой высшей одухотворенной стороне шаманизма. Семитическое пророчество, бывшее естественной почвой, на которой вырос библейский профетизм, также коренится в нем.

Шаманизм сопротивлялся угасанию духовных сил в человеке, тренировал его «внутреннее зрение», совершенствовал методы экстаза и созерцания. Таинственный невидимый мир открывался в нем не только через «предание» и миф, но был «дан в непосредственном опыте» (Л. Леви-Брюль).

С шаманами в мир вступают первые религиозные вожди. «Роль индивидуальных качеств, — отмечает известный этнограф В.

Харузина, — чрезвычайно сильна в шаманстве». А следовательно, здесь мы имеем дело с начальной стадией личного религиозного чувства и призвания. Духовидцы были живыми свидетелями иной реальности, которая обычно недоступна человеку. Путешественник В. Михайловский так описывает эвенкийского шамана из Туруханского края: «Он имел, при восприимчивости и впечатлительности своей натуры, пылкое воображение, веру в духов и таинственное с ними общение; мирозерцание его было исключительное... Бледный, истомленный, с острым пронизательным взглядом, человек этот производил странное впечатление».

К. Расмуссен не напрасно называл шаманов «искателями правды». Они были носителями наиболее заветных верований и духовных ценностей своего народа. Они нередко были и его наставниками в добре. А. Элькин свидетельствует, что после «посвящения» знахаря-ясновидцы «остаются под глубоким впечатлением своих духовных преимуществ» и это укрепляет в них чувство нравственной ответственности. «В Восточной Австралии, — говорит ученый, — знахаря называют кураджи, что означает мудрец. Среди знахарей могут попасться и шарлатаны, как это отмечали первые исследователи, но то же самое можно сказать о любой профессии. Однако тот, кто прошел через обрядовые и духовные испытания, пережив смерть и «возвращение к жизни», должен руководствоваться в своем поведении высокими идеалами». Эта этика прорицателей тесно связана и с их ролью целителей. Исследователь загадочного племени айну (Дальний Восток) писал: «Постоянное стремление облегчить страдания своих ближних развивает в айнских шаманах более высокий строй мыслей и альтруистические чувства. Разговор с шаманом всегда представляет интерес, так как он обладает живой фантазией, которая часто уносит его за пределы повседневной жизни. Он часто доступнее... чувству сострадания к чужим горестям».

Кристофер Даусон особенно подчеркивает большую религиозно-социальную роль шаманства в истории. Уважение, которым окружен провидец, по его мнению, есть первое проявление победы духа над силой. Он подчеркивает, что институт шаманства открывал пути для духовно одаренных личностей. «В Северной Америке, — говорит

Даусон, — шаман часть и пророк, возглавляющий свой народ во время социальных кризисов... Все великие племенные движения в Северной Америке можно вывести из учения неких пророков, которые притязали на своего рода мессианское откровение. Такова была проповедь Текумсе и его брата «Пророка» — людей благородного характера и возвышенного образа мыслей».

Однако в шаманизме есть и другая струя, которая в первобытных культурах проявлялась очень сильно. Она обнаруживает разлом и раздвоение в мистическом сознании. Не случайно шаманизм называли «черной верой». То, что мы знаем о шаманах различных стран и о характере их откровений, позволяет сделать вывод, что их «сверхъестественный опыт» (если оставить в стороне обман и патологию) был, очевидно, чаще всего опытом оккультным. Темные демонические силы овалдевали человеком и через него оказывали пагубное влияние на религию и культуру. В шаманизме очень распространены явления, которые были известны в европейском темном оккультизме. Нередко шаманский культ выливался прямо в преклонение перед злыми силами и демонами. Этому не приходится удивляться. Люди боялись злых духов и старались завлечь их на свою сторону. Зло обладало даже своеобразным очарованием, что было причиной многих страшных страниц религиозной истории древности. Кровавые ритуальные оргии в джунглях Африки, человеческие жертвоприношения в Мексике, ритуальный каннибализм — все это трудно признать результатом врожденной жестокости. Эти чудовищные извращения коренились в глубинах мистического зла, которое встает на пути человеческих исканий как соблазн и испытание. Каннибализм, по словам Г. Честертона, «не первобытный и даже не зверский, т.е. звериный обычай. Каннибализм искусственен и даже изыскан, как истинное «искусство для искусства». Люди едят людей совсем не потому, что не видят здесь ничего плохого. Они прекрасно знают, что это ужасно, и поэтому едят».

<...> На демонические черты первобытных шаманских культов указывает одно любопытное якутское сказание, согласно которому первый Великий Шаман был противником Бога. Через весь шаманский мистицизм настойчиво проходит мысль о том, что

духовный мир нужно подчинить человеку, заставить его служить себе. Эскимосские шаманы, например, в дни своей подготовки ждут духа-покровителя, чтобы вступить с ним в схватку и покорить его. Камлание часть есть приказ духам явиться на зов повелителя. Здесь происходит извращение религиозного инстинкта, человек вновь и вновь стремится утвердить свою власть и волю над Высшим. Для этого он ищет и, как ему кажется, находит верные способы и пути. Так зарождается магия, о которой речь будет в следующей главе.

Итак, шаманизм — не простое суеверие, а одна из древних попыток человека прорваться к потерянному Эдему. Но чаще всего эти попытки приводили его на скользкий путь оккультизма, и, стремясь овладеть миром низших духов, он сам оказывался в их власти.

МАГИЧЕСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ

Из книги «Магизм и Единобожие»

*Весь мир подвластен
богам, боги подвластны
заклинаниям, заклинания
— брахманам. Наши боги
— брахманы.*

Индийская поговорка

<...> Когда мы говорим слово «магия», оно невольно ассоциируется у нас с чем-то таинственным, мистическим. Кажется, что магия непременно принадлежит сфере «сверхъестественного». Но так происходит потому, что мы связываем магию с представлениями, сильно отличающимися от воззрений первобытного человека. Как мы видели, для него резкой границы между сверхъестественным и естественным не существовало. Мир был един, и силы видимые переплетались в нем неразрывно в невидимыми.

Пожалуй, дикари были кое в чем мудрее нас. В самом деле, многие из нас до сих пор считают, что если утром вошло солнце — это естественно, а если оказывается, что возможно установить контакт с сознанием умершего человека, — это уже нечто сверхъестественное. Между тем в полном смысле слова

сверхъестественным в мире ничего назвать нельзя. Одному плану бытия свойственны одни законы, другому — другие. Физики показали нам, что микромир сильно отличается от макромира и мегамира. Легко предположить, что и другие измерения Вселенной, трансфизические и духовные, будут иметь свои особые черты. Когда столкновение этих планов становится явным, происходит то, что называют чудом. Но оно не сверхъестественно в подлинном смысле слова. Сверхъестественно лишь то Высшее Начало, которое действительно стоит над естеством, над творением. Не случайно поэтому Августин писал, что чудеса противоречат не природе, а известной нам природе.

Впрочем, не об этом сейчас речь. Нас интересуют в древней магии не столько соотношение планов бытия и законов мира, сколько субъективные, внутренние мотивы, которые руководили доисторическим магом.

По определению В. Зыбковца, «магией называют различные действия, цель которых — повлиять воображаемым сверхъестественным путем на окружающий мир». В этом определении верно одно: магия действительно имеет целью повлиять на окружающий мир. Но отнюдь не всегда решающую роль играют в ней «сверхъестественные» способы. С того самого момента, как человека озарил свет сознания, он уловил наличие в мире причинных связей. И это же осмысление природной каузальности он применил в магии.

«Анализируя принципы мышления, лежащие в основе магии, — говорит Д. Фрэзер, — мы обнаруживаем, что они сводятся к двум: первый принцип гласит, что сходное происходит от сходного, что следствие подобно своей причине; согласно второму принципу, предметы, которые однажды находились в длительном контакте или общении между собой, продолжают действовать друг на друга тогда, когда это общение прекратилось».

Мы должны отметить, что эти принципы не носили какого-то мистического характера, а относились, по мнению дикарей, к обычной природной сфере, хотя в то же время они видели ее пронизанной сверхприродными существами.

Главной задачей магии было использовать открытые человеком закономерности для своих повседневных нужд и целей.

* * *

Жизнь первобытного человека неразрывно связана с охотой. Поэтому прежде всего магические операции относились к ней. Так называемая «промысловая магия» сохранилась и у современных отсталых народов. Папуасы Новой Гвинеи при охоте на морского зверя помещают в острие гарпуна маленькое жалящее насекомое для того, чтобы его свойства придали остроту гарпуну. Колумбийские индейцы в те дни, когда долго нет рыбы, изготавливают чучело рыбы и бросают в реку. Считается, что это действие должно привести косяки к их берегам.

Широко известен ритуал североамериканских индейцев, обычно предшествовавший охоте на бизонов. Этот ритуал состоит в пляске, которую исполняют охотники, вооруженные копьями и луками и одетые в шкуру бизона. Пляска-пантомима изображает охоту. Когда один из танцующих устает, он делает знак, и в него пускают притупленную стрелу. Индейцы убеждены, что эта церемония должна привлечь бизона и охота будет удачной.

Совершенно очевидно, что эти представления играли большую роль и в жизни пещерных жителей. <...>

В Средней Азии в ущелье Зараут-Сай до сих пор еще можно видеть доисторические рисунки, напоминающие индейский «бизоний танец». Там видны фигуры людей, одетых в длинные плащи; они танцуют вокруг быка, на которого направлены стрелы. Очевидно, эти рисунки имели магическое значение и должны были помогать охотникам.

То, что эти магические приемы были тесно связаны с обыкновенной охотничьей практикой, доказывает их сходство с некоторыми хитростями и приемами первобытных звероловов. В частности, маскировка использовалась индейцами для того, чтобы ближе подкрасться к животным. То же самое проделывали африканцы при охоте на страусов. Замечая, что эта маскировка дает хорошие результаты, люди стали считать, что и сама по себе она может принести охотничий успех.

* * *

С переходом к земледелию человек стал искать эффективных способов увеличить урожай или предотвратить падеж скота. Например, у меланезийцев до сих пор сохранилось обыкновение зарывать при посадке ямса особые камни, по форме напоминающие клубни ямса. Полагают, что это действие способствует росту ямса. У австралийцев известна церемония «интихиума», которая должна в начале сезона дождей содействовать размножению священных растений и животных. Существовали заговоры и заклятья, которые якобы служили для уничтожения вредителей. Многочисленные обряды скотоводов всех стран также носят ярко выраженный магический характер.

Широко распространено представление о том, что человек при помощи известных действий может повлиять на атмосферу. Так, знахарь из Центральной Африки предполагает, что, выливая особым образом на землю кувшин воды, он может вызвать дождь, а австралийцы думают достичь тех же результатов, создавая при помощи перьев шум, подобный шуму дождя; точно так же индейцы ожидают дождя от сделанного ими макета тучи. Известны «средства» для вызывания засухи и для прекращения солнечного затмения.

У индейцев навахо перед зимним солнцеворотом совершают особый магический обряд. «Люди верят, что солнце устало, и пытаются оживить его силы, зажигая магические костры. Такие церемонии поражают своей внушительной красотой...

Участники церемонии появляются при этом празднично раскрашенными в белый цвет в честь солнца, с ниспадающими до плеч распущенными волосами. Этих актеров называют «странствующими солнцами». В руках они держат изукрашенные перьями танцевальные палочки, танцуют они сомкнутой вереницей вокруг огня и стараются подпрыгнуть к огню как можно ближе... При этом они подражают движению солнца, двигаясь с востока на запад и обратно» (Ю. Липпс).

* * *

Но не только животные, растения и природа вообще являются объектом магических операций. Очень часто они направлены на человека. Существуют бесчисленные виды «приворотных зелий» и амулетов, которые должны склонить к любви холодные сердца.

Индейцы, например, употребляют «снадобье» из волос девушки, которую хотят «околдовать».

Магия заменяет и медицину, опять-таки исходя из воображаемой связи сходных между собой явлений. Характерен в этом отношении обряд «кувада», известный у разных народов. Он заключается в том, что во время родов муж одевается в женское платье, ложится в постель и инсценирует роды. Это должно было доказать его кровную связь с новорожденным и в то же время содействовать роженице.

По закону «сопричастия» совершают вредоносные магические обряды над обрезками ногтей, волосами, одеждой тех людей, которым хотят причинить вред. По закону «подобия» лепят фигурки врагов и совершают над ними «убийство» или наговор. Это непременно должно оказать воздействие на намеченную жертву.

<...> «Самым удивительным во всем этом, — пишет Ю. Липпс, — является то, что человек, чувствуя себя жертвой подобного рода колдовских чар, часто действительно умирает, потому что он сам верит в силу их действия, как и те, кто его околдовывает... Подобный случай я сам наблюдал у индейцев оджибве, у которых знахарь на расстоянии «загубил» врага при помощи магического заклинания».

В этой «вредоносной» магии есть и элементы оккультизма, и элементы внушения, и просто суеверия. Но опять-таки нам важна не сама магия, а субъективные побуждения, с которыми к ней прибегают.

Вышеприведенные примеры достаточно ясно характеризуют эту субъективную сторону Магизма. Его главный нерв — использование сил, все равно, природных или сверхприродных, в повседневных целях и личных нуждах.

* * *

Магия была основана на заблуждении. Но это заблуждение не являлось абсолютным. Было правильно понято наличие в мире закономерностей и причинных связей, хотя реальное знание этих законов отсутствовало или находилось в зачатке.

Фрэзер очень близок к истине в своей характеристике сущности магии. «Когда магия является в своей чистой и неизменной форме, — пишет он, — она предполагает, что в природе явления должны следовать одно за другим неизбежно и неизменно, не нуждаясь во

вмешательстве личного или духовного агента. Итак, ее основоположения тождественны с основоположениями современной науки».

Здесь он лишь повторяет Тэйлора, который указывает на значение таких заблуждений, как астрология и алхимия, для развития естествознания. Цель науки — заставить природу служить человеку. Такова же и цель магии. <...> Человеку мало верить в Единую Силу. Он хочет подчинить эту «Ману» себе, овладеть ею. Вспомним и шаманов, которые превращают духов в своих слуг.

Вильгельм Шмидт совершенно справедливо считает, что в магизме нужно видеть «самое резкое противоречие религии». Это можно пояснить на примере «любовной магии». Когда индеец видит, что он не способен завоевать любовь девушки, он колдует над ее волосами, стремясь вызвать у нее вожделение. Этим он фактически не добивается любви, а только удовлетворяет своим грубым инстинктам. Точно так же и первобытного дикаря духи интересуют только с утилитарной точки зрения, он стремится извлечь из них максимум пользы. Он нуждается не в них, а в их дарах. И ему кажется, что путем магии он оказывается способным приказывать им, быть их господином и повелителем.

В Магизме скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человечества: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы.

Именно поэтому Магизм явно посясторонен. Высшим благом для него являются блага земные. Предел желаний мага — процветание здесь, на земле. И если в магическое мирозерцание и входит вера в бессмертие, то она носит исключительно грубо-чувственный характер.

* * *

Маг очень часто противостоит священнику. Это и понятно. Внутренняя направленность Магизма и религии — противоположна. Жрец — прежде всего посредник между людьми и духовным миром. Он обращается к Божеству с молитвой. Для мага же радости мистического богообщения — пустой звук. Он ищет только достижения могущества на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами.

И даже тогда, когда магия стала переплетаться с религией, этот антагонизм оставался.

«Гордое самодовольство мага, — пишет Д. Фрэзер, — его надменное обращение с высшими силами, его бесстыдное притязание на влияние, подобное их влиянию, не могло не возмущать благоговейного жреца, смиренно распростертого перед божеским величием, который смотрел на эти притязания как на кощунственную и богохульническую узурпацию преимуществ, принадлежащих одному Богу».

Этот конфликт мага и жреца усугублялся, по мнению Фрэзера, еще и тем, что маги очень часто захватывали главенствующее положение в племени. Власть над стихиями, которой якобы обладали заклинатели, окружала их ореолом могущества и суеверного почитания. Их стали считать воплощением высших сил, и, таким образом, Магизм явился источником древней власти. «Ни одна общественная группа не извлекала из этой веры в возможность воплощения божества в человеческую форму столько выгоды, сколько группа царей», — говорит Фрэзер. И действительно, в истории мы видим непрерывную нить этой сакрально-магической власти, которая становится незыблемым законом общества. Это — и микенские цари-колдуны, и спартанские властители, и египетские фараоны, и римские императоры, и византийские василевсы, и, наконец, некоторые авторитарные вожди позднейших времен. Цари-маги всегда пытались подчинить своей власти все сферы жизни подданных, но неизменно наталкивались на сопротивление религии. Поэтому они всячески стремились приспособить ее к своим целям. И порой это им неплохо удавалось.

Незыблемость земной власти Магизм обосновывал своей верой в то, что все происходящее на земле соответствует неизменному строю некоего Верховного Порядка. Неизменно совершают свой путь солнце, луна и звезды, неизменно опадает листва, приходит сезон дождей. Все эти видимые движения мира отражают недвижимое царство Судьбы. Но человек как часть этого порядка обязан постоянно поддерживать его через магию.

Таким образом, функция колдуна-властителя представлялась космической необходимостью. Маг был неразрывно связан с тем

мировым лоном, которое обнимало собой все существующее и определяло бытие вещей. Это лоно судьбы было не чем иным, как Великой Матерью первых культов. Мы увидим в дальнейшем, что образ ее будет неотвязно преследовать человечество, претерпевая удивительные трансформации. Она воплотится во вселенском Океане, рождающем богов, обернется Роком и Необходимостью. Мало того, что само язычество вышло из этого поклонения Матери, ему прямо или косвенно будут обязаны своим существованием и пессимистический дуализм, и греческий фатализм, и даже материалистическая философия.

* * *

Как мы уже говорили, магия всегда существовала параллельно с различными религиозными системами и отравляла их своим обрядовым детерминизмом.

Магизм привносил в религию слепую, почти маниакальную веру во всемогущие ритуалы и заклятий. На духовную сферу переносилась мертвенная причинность, возникало отношение к высшему началу, лишенное всякого живого религиозного чувства и мистической жажды. Отсюда такие странные, на первый взгляд, явления, как избиение идола, если он не выполнял требований просящего. Насколько такое «потребительское» отношение живуче, свидетельствует хотя бы то, что даже у христианских народов бывали случаи, когда статуи святых «наказывали» за то, что они не слышали просьб народа. Религиозный Магизм убежден, что высшую силу можно заставить подчиниться. Нужно лишь найти ключ, слово, действие — и все будет в руках человека.

Так постепенно складывалось магическое мирозерцание, замыкавшее всю Вселенную в причинную цепь следствий, в которой огромную роль играли обряды. Если не будут совершаться ритуалы, то может не взойти солнце, не прийти весна. Крепло убеждение, что церемонии — это нечто необходимое для демонов и богов. Чтобы заманить их, заставить прийти на помощь, умиловить, прибегали к самым крайним мерам: приносили в жертву людей, и не только пленных, но и соотечественников, близких, детей.

* * *

Человек есть прежде всего личностное существо. Самосознающая личность, способная в своем мышлении охватить весь мир, не растворяясь в нем, есть вершина тварного бытия. Именно возрастание личностного начала было условием для движения человечества вперед. Но Магизм затормозил «исполнение времен» на многие тысячелетия. Он извратил и самую религиозность человека, его отношение к Богу, его отношение к Природе и себе подобным.

Магизм ждет от Неба только даров, Природу (включая незримые силы) он хочет поработить, в человеческом обществе он воцаряет насилие. В коллективе, подчиненном воле царя-мага, личность должна раствориться среди племенного целого, ибо властителю легче управлять «массой», нежели личностями.

Властитель и коллективное сознание — вот две преграды для духовного возрастания человека. Племя и власть становятся над духом. Человек сливается с родом, он не имеет своей жизни, не смеет иметь своего суждения, не смеет сомневаться, он подпадает под гипноз «коллективных представлений». Эти представления, по словам Леви-Брюля, передаются в социальной группе из поколения в поколение, «они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности».

Народы, не дерзнувшие в течение тысяч лет изменить хотя бы йоту в установившихся канонах, — жертвы «коллективных представлений» Магизма. Они парализовали творческую активность и религиозный гений человека, ибо только в сознании личной ответственности и духовной свободы находит он свое высшее призвание как образ и подобие Творца Вселенной.

ОТ МАГОВ К ОБОЖЕСТВЛЕННЫМ ЦАРЯМ

Из книги «Магизм и Единобожие»

Легко основать порядок в обществе, подчинив каждого определенным правилам. Легко

*воспитать слепца... Насколько
труднее освободить человека.*

Антуан де Сент-Экзюпери

Если вспомнить, что первые следы существования человека относятся ко времени, отстоящему от нас на 50—40 тысяч лет, то история цивилизации предстанет перед нами в виде взрыва, нарушившего тишину. В самом деле, в сравнении с пятью-шестью тысячелетиями исторических времен — доисторическая ночь длится бесконечно долго. Удивительное постоянство удерживается в образе жизни, в быте людей на протяжении веков. Тот или иной способ обработки каменного рубила или форма кувшина определяют огромные хронологические эпохи. За тот же отрезок времени, за который техника прошла путь от мотыги до расщепления атома, в веке каменном почти не происходит перемен: те же приемы охоты, те же узоры на сосудах, те же правила захоронения...

Даже одно из Великих Открытий — употребление огня — не было достижением предыстории. Этой стихией пользовались уже полуживотные предки человека.

<...> Доисторическая ночь тянулась многие тысячи лет. Человек оставался все это время неотъемлемой частицей рода, племени, в нем не пробуждался творческий дух личности. Поступательного движения почти не ощущалось. Каждое столетие было, вероятно, похоже на другие. Сравнивая наскальную ориньякскую живопись, относящуюся примерно к 25-му тысячелетию до н. э., и фрески Сахары 6-го тысячелетия, мы видим все один и тот же мир: угон скота, охота на диких животных, праздники, магические пляски женщин и воинов.

Что же тормозило движение культуры?

Вероятно, это одна из загадок, которая никогда не сможет быть разрешена. Однако в первобытных верованиях существует нечто такое, что может пролить некоторый свет на эту проблему. Сохранившиеся донныне очаги «первобытного мира» показывают, что магические представления обладают колоссальной силой и способны держать целые общества в состоянии неподвижности. «Коллективные представления» Магизма, связанные с табу,

ритуалами и традициями, накладывают свой отпечаток на все проявления жизни австралийца, папуаса, зулуса.

Идеи и верования имеют гораздо большее влияние на жизнь общества, чем это кажется на первый взгляд. И если учесть ту власть, какую имел Магизм над душами людей, то поразительная устойчивость первобытного мира становится не такой уж загадочной.

Мир воспринимался «магическим человеком» как законченное материально-духовное целое, как непрерывный круговорот богов и людей, живых существ и стихий, как своеобразная иерархия духов, людей и бессловесных. В своих обрядах человек имитировал жизнь природы, как бы участвуя в ее процессах; через тотемизм он роднился с миром живых тварей. Жизнь его была непрерывным священнодействием, он боялся нарушить хотя бы одно звено в космической мистории, опасаясь быть выброшенным за пределы истинного Бытия.

Вполне естественно поэтому, что страх переступить через сакральную черту ритуала, посягнуть на незыблемость «коллективных представлений» оказывал парализующее действие на духовную культуру. Он ставил человеку жесткие рамки, за пределы которых творческий дух пробивался лишь с огромным трудом.

Вероятно, в этот долгий период человек чувствовал себя ближе к природному миру, чем в последующие века, но это была атавистическая близость. Не как человек предстоял он природному миру, а скорее как часть этого мира.

Но вот около шести тысяч лет назад совершается почти внезапный перелом. Дремлющие силы духа сделали первую попытку освободиться.

С внешней стороны этому перелому, вероятно, содействовали массовые переселения племен. Переселенцы, которые были чаще всего и завоевателями, покидая обжитые земли, оказывались среди новых ландшафтов, сталкивались с неизвестными народами и верованиями. А это всегда вносит свежую струю в сознание людей. То, что они считали испокон веков незыблемым и прочным, оказывалось в новой обстановке призрачным и преходящим. Достаточно указать на переселения и завоевательные походы

аморитов, арьев, евреев, ахейцев, европейских варваров, монголов, арабов, положившие начало их культурам.

Скорее всего именно в результате больших племенных миграций и родились первые великие цивилизации. Во мгле доисторической ночи вспыхивают три светоча: это были культурные центры, возникшие на берегах Нила, Евфрата и Инда.

<...> Здесь впервые родился Город — это скопление жилищ, как бы в страхе жмущихся друг к другу, обычно обнесенных стеной. Город — двуликое и трагическое детище двойственной истории человечества — стоит у ее истоков. «Городская революция» есть рубеж исторического и доисторического миров.

Если в пещере, шалаше, палатке из шкур человек еще жил среди окружающей его природы, то за стенами города он впервые создал свой собственный мир, пыльный, тесный, некрасивый, но все-таки свой. Город — символ изоляции человека от природы и одновременно символ его творческой активности. Пусть эта активность иногда принимает ложное направление, пусть город и вносит уродство и смрад в природу, но не следует забывать, что город помог человеку познать самого себя. Он способствовал высвобождению Личности. Он — проклятие истории, и он же — ее благословение. Стены оторвали человека от мира, но дали ему возможность по-новому взглянуть на этот мир. В городе человек был подавлен монотонностью созданного им самим муравейника, но в городе же раскрылось внутреннее богатство его духа. Сократ и апостол Павел, Шекспир и Достоевский — дети Города.

<...> Чем больше сведений о жизни первых цивилизаций приносит лопата археолога, тем очевиднее становится, что рождение города — это действительно «взрыв», «скачок», способный привести в полное недоумение сторонников теории непрерывного и постепенного прогресса. Даже изобретение земледелия не было таким резким разрывом с прошлым, как возникновение городов. Оказывается, что жизнь людей в городах, только что выступивших из доисторической ночи, очень мало отличается от жизни значительного числа людей нашего времени.

<...> Но при всем этом — налицо бесспорные доказательства того, что «городская революция» не привела еще к «революции духа». Во

время основания городов и великих переселений многое, вероятно, было нарушено в традиционных представлениях. Но когда жизнь в городах вошла в устойчивое русло, старые тенденции снова взяли верх. Это особенно наглядно можно проследить на примере древнего Египта.

Египет — это рубеж между Африкой с ее фетишами и колдунами и Средиземноморским кругом — очагом великих духовных движений. И население Египта также сложилось из обитателей двух континентов. Осваивая долину Нила, египтяне затратили огромные усилия для того, чтобы приспособить эти заболоченные, нездоровые места для обитания. Поразительна неисчерпаемая энергия египтян и их соседей шумеров в борьбе с природой. Они побеждали ее там, где иной раз даже человек наших дней опускает руки.

Одного не смогли победить египтяне: наследия первобытных понятий и верований. Мы не знаем, какой творческий порыв помог им вырваться из тисков природы, начать рыть каналы, осушать болота, орошать поля, искусно пользоваться разливами Нила, чтобы засеять жирный ил, оставляемый рекой. Но древний египтянин был еще слишком прикован к видимому миру, чтобы освободиться от его обоготворения. Все вызывало у него священный трепет: и ибисы, шагающие в прибрежных зарослях, и коршуны, неподвижно парящие в небе, и гоппопотамы, всплывающие из мутных вод Нила. Боги — покровители египетских кланов — представлялись в своих зримых обликах какой-то стаяй зверей, пернатых и рептилий. Быть может, в этом сказывался далекий отзвук тотемизма. Но как бы то ни было, научившись в некоторых отношениях управлять природой, египтянин остался при старой мысли о необходимости магических способов управления ею.

Мы уже говорили, что магия есть первобытный двойник науки. Прогресс внешних знаний до известного предела не отрицал роли заклятий. Лекарства в Египте и Шумере нужно было изготавливать и принимать, лишь произнося заклинания; наблюдения неба имели наполовину астрономический, наполовину астрологический характер. Окруженный миром таинственных существ, которые смотрели на него глазами кошек, сов, баранов, крокодилов, египтянин, следуя неизменному магику-научному методу, искал

способы покорить эти существа, использовать сокровенные силы в своих целях.

Составлялись сложные заклинательные формулы, изготавливались бесчисленные амулеты в виде глаза, жука, лотоса. Каждый египтянин считал необходимым иметь целый набор талисманов, чтобы оградить себя от врага, от болезни, от укуса змеи. Наиболее древние египетские тексты уже содержат колдовские формулы.

Для того чтобы выйти на путь духовного освобождения, недостаточно было знать свойства целебных растений, основы математики и создать систему орошения. Нужен был духовный переворот, отказ от плодов Грехопадения, отказ от притязаний насильно овладеть дарами земли и неба. Возврат к утраченному Богу, который постепенно начинался в исторические времена, требовал подвига, преодоления, творческого порыва. Человек должен был снова услышать зов и откликнуться на него.

Между тем египетская религия была пропитана ложью и корыстью. Заклинания, как правило, строились на том, что вводили богов и духов в заблуждение. Так, например, рожающая женщина призывала богов, уверяя, что она — богиня Исида, разрешающаяся младенцем. Если человеку угрожала ядовитая змея, он произносил заговорные слова, в которых уверял змеиный яд, что он не человек, а сам бог Гор, которому подвластны стихии. Таким образом, магия «придавала аморальный характер египетской религии» (А. Морэ).

Механическая сила обрядов и заклятий, по представлению египтян, одна из универсальных природных сил. Погруженное в землю зерно воскресает вместе с Осирисом, но для его пробуждения нужно совершить соответствующий обряд. Священный церемониал есть не просто дань традиции, а неотъемлемый элемент космического строя; и если он не будет исполнен в точности, то этому строю будет нанесен ущерб и земля откажет человеку в своих дарах. Заклинания — всесильны, цепь причин — неумолима, богам так же нужны жертвоприношения людей, как людям — их милости.

Ветер перемен, связанный с переселениями и дальними походами, постепенно утих. Мир снова стал привычным и устойчивым. Мысль о том, что он «во зле лежит» или что в нем что-то неблагополучно, должна была бы показаться кощунственной и

египтянину, и шумеру. Жест и одежда, обычай и талисманы, пища и орудия, ремесла и обработка земли — все это так же вечно и неизменно, как повторяющиеся разливы реки, текущей неведомо откуда, как весеннее обновление природы, как стройный ход светил в небе. Все предрешено, все закончено; настоящее, прошедшее, будущее сливаются в одно целое. А единственная задача человека — включиться в этот поток, ибо в этом его долг, спасение и залог счастья на земле.

* * *

Магия в некоторых отношениях была столь же сложной, как и наука. Она требовала обширных познаний от человека, который хотел пользоваться ее могуществом. Поэтому люди, полностью овладевшие всеми тонкостями чародейства, приобретали над народом огромную власть.

Египетские предания утверждают, что до фараонов страной управляли боги. Быть может, здесь под оболочкой мифа кроется смутное воспоминание о тех временах, когда маги-колдуны играли роль вождей кланов. «По-видимому, — говорит французский египтолог А. Морэ, — некоторые реально существовавшие люди обладали даром внушения и угадывания, который ставил их вне и над человечеством». Во всяком случае, власть в Египте всегда считалась божественной, т.к. вела свое происхождение от сверхчеловеческих существ.

Около 3000 г. завершается постепенное объединение египетских областей (номов). Объединение, как об этом свидетельствуют предания и памятники, возглавили вожди клана Гора. Гор изображался в виде сокола, и его отождествляли с Божественным Солнцем. Солнце обоготворялось всеми египтянами. Сверкающий Ра был живым символом Единого, а его общенациональный культ был, возможно, отзвуком древнейшего египетского единобожия.

Поэтому властители клана Гора объявили своего местного бога тождественным с Ра. Над первым изображением египетских царей мы видим священного Сокола-Гора, осеняющего фараона и помогающего ему поражать врагов. Царское имя также включает в свое написание знак божественной птицы. Это не случайно. «Отныне, — говорит А. Морэ, — царь почитается как живое воплощение бога

Гора; на земле он является самым Соколом-Гором... Вот окончательный прогресс царской власти: предводитель-колдун былых времен — превращается мало-помалу в царя-жреца и доходит до звания царя-бога».

<...> С именем фараона Мины связаны первые обряды, которые впоследствии неизменно совершали все египетские монархи. Эти обряды носили магический характер. Царь, венчаясь двойной короной, совершал торжественный ход вокруг белой стены Мемфиса. Это должно было предохранить Египет от вражеских козней. Царь проводил первую борозду плугом, чтобы пробудить силы земли, бросал в Нил папирус с приказом, чтобы начался разлив. Таким образом, фараон сосредоточил в своих руках власть над всей Вселенной, над стихиями и над людьми. <...> Это было логическое завершение пути, по которому пошло человечество, увлеченное соблазном «быть как боги». Магизм — это прямое следствие Грехопадения. Извращение религиозного сознания привело к обоготворению человека, к обоготворению колдуна с плетью в руке и с фетишем на голове.

Не только власть фараона была как бы частью космического строя, но и весь социальный уклад Египта с того времени получил высшую санкцию. Нарушить его — значило нарушить закон природы и обречь себя на неминуемую гибель. Сословная иерархия отныне становится незыблемой. <...>

* * *

<...> По утверждению Энгельса, единобожие «есть лишь отражение единого восточного деспота». Между тем именно в Египте мы имеем наиболее яркую форму деспотии при развитом политеизме. В то же время приближение к монотеизму в Индии и Греции и установление его в Израиле произошло тогда, когда центральная власть была слаба или вообще отсутствовала.

Духовные руководители Египта, жрецы, не только не смогли очистить его религию от многобожия и магии, но освятили незыблемый социальный строй как сакральное установление.

Полагают, что великий сфинкс в Гизе есть символическое изображение сына Солнца — божественного царя. Если это так, то это один из наиболее выразительных символов кесарского

самодержавия, которое несло в себе зачатки всех узурпаций и тираний будущего. Люди сами приняли эту божественную власть. Пусть династии порой свергались, но неприкосновенным оставалось верование в то, что человек, стоящий на вершине социальной пирамиды, обладает ключом от счастья своих подданных. <...>

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» КАК ПЕРЕЖИТОК МАГИЗМА

Из статьи «Религия, «культ личности» и секулярное государство»

*И дивилась вся земля, следя за зверем;
и поклонились дракону, который дал власть
зверю,
и поклонились зверю, говоря:
кто подобен зверю сему
и кто может сразиться с ним?
И даны были ему уста,
говорящие гордо и богохульно.
Апокалипсис Иоанна 13. 3—5*

<...> Сегодня, когда у нас начинается нелегкий, но благотворный процесс отрезвления и оздоровления общества, все чаще и настойчивее повторяется вопрос: как это могло случиться? Что породило эту долгую «полярную ночь» истории, связанную с именами И. В. Сталина и его сообщников? Что побудило их с невероятной жестокостью вести войну против народов своей страны? И каким образом человек, действовавший у себя дома, как завоеватель на оккупированной территории, смог оказаться в роли земного божества?

<...> Некоторые историки и публицисты, особенно на Западе, утверждают, что сталинский режим — явление чисто российское, обусловленное слабостью демократических традиций в бывшей царской империи. Но если дело только в этом, как тогда объяснить аналогичные явления в других странах: обожествление Мао Цзедуна, диктатуру Пол Пота, «малые культы» в Восточной Европе? Как, наконец, объяснить автократию (пусть иначе окрашенную) в Германии, Италии, в ряде стран Латинской Америки? При различии идеологий и лозунгов у народов разных культур, традиций и рас мы находим удручающее сходство основных симптомов болезни.

Подмену демократии авторитарным вождизмом, который, как правило, переходил в исступленное поклонение диктатору. Многим из нас приходилось задумываться над этим хотя бы при просмотре роммовского фильма «Обыкновенный фашизм».

По-видимому, ближе всего к пониманию этих явлений стоят те, кто ищет причины случившегося не только в социально-политической, но и в социально-психологической области, в самой природе человека.

Людям свойственны как любовь к свободе, так и тенденция избегать ее, перекладывать ответственность за риск, за инициативу, за дела и слова на чужие плечи. Подобная тенденция очень точно описана в статьях психолога Леонида Радзиховского. «Страх света, — пишет он, — страх разума, непривычка, нежелание самому думать, самому пользоваться своим рассудком. Потребность веры, тайны, авторитета. Потребность всем слиться воедино, утратить свою индивидуальность, стать частью толпы — только так жить не страшно, в этом видится какой-то высший смысл, залог бессмертия».

Почти все автократы сознательно или неосознанно эксплуатировали этот сложный комплекс чувств. Надо признать, что нечто подобное бывало и в истории религии. Но к этому мы еще вернемся, а пока отметим, что в указанном психологическом узле причудливо сплелись два разнородных элемента: во-первых, так называемое «стадное сознание», жаждущее покориться твердой руке, а во-вторых, извечное и оправданное стремление человеческого духа обрести высшую истину, смысл бытия.

Как бы тесно ни переплетались эти элементы в ходе истории — корни у них разные.

Жажда подчинения является атавизмом, инстинктом, который люди унаследовали от звериных сообществ, как правило, руководимых вожаками. Поиск же смысла бытия, идеала — неотъемлемая черта культуры, свойство человека как духовного существа.

Известный психиатр и философ Эрих Фромм считал ориентацию на высшие ценности непременным условием гармоничного сознания. Но все же далеко не безразлично, куда эта ориентация направлена. Если объект ее не выходит за пределы ограниченного,

преходящего, «тленного», она рискует породить лишь различные формы идолопоклонства. Такого рода риск, в частности, содержит в себе идея человека как «меры всех вещей», пришедшая к нам из античности. <...>

<...> Впервые термин «культ личности» стал употребляться в виде стыдливого эвфемизма для обозначения сталинщины; и сначала даже складывалось впечатление, будто обсуждается чисто академическая проблема о роли личности в истории. Тем не менее слово «культ» было выбрано удачно. Оно верно отражает религиозный или, если хотите, псевдорелигиозный характер явления.

Лишь в будущем, когда картина бедствия станет достаточно полной, может быть найдено исчерпывающее объяснение случившемуся. Мне же хочется коснуться лишь одного аспекта проблемы: какое место культ Сталина занимает в истории религии именно как культ. <...>

<...> Вера в божественность правителей была составной частью мировоззрения древневосточных обществ и играла немалую роль в их культурной и социальной жизни. Именно эта вера вдохновляла египтян на строительство «вечных домов», пирамид для фараонов (заметим, к слову, что они не были только надгробиями или памятниками, а считались обителями духа царя, который и по смерти продолжал участвовать в делах страны).

Поучительная аналогия с нашим временем: «цари-боги» не слишком рассчитывали на людей творческих и инициативных; своим послушным орудием они делали разветвленную сеть чиновников. О деятельности древних бюрократов свидетельствуют огромные залежи глиняных и папирусных документов, которые находят археологи (а сколько таких документов исчезло бесследно!).

В отдельных случаях можно даже датировать начало царепоклонства. Так, в месопотамской клинописи «божий знак», звезду, стали соединять с именем монарха в III тысячелетии до н. э., при Нарам-Суэне. Однако по большей части истоки царского культа теряются в сумраке дописьменных эпох.

Есть основания думать, что этому культу предшествовали первобытные формы власти, опиравшиеся на магию, на магизм как систему взглядов. Магизм исходил из убеждения, что существует

извечный космический порядок, которому человек должен подчиняться и на который он все же способен влиять с помощью определенных действий — магических обрядов.

Хотя на практике магизм часто просачивался в религиозное сознание, по существу он был антагонистом религии. Подлинно религиозное благоговение перед Запредельным вытеснялось в магизме расчетом на власть людей, умеющих принудить космические силы служить своим корыстным интересам.

<...> Лица, которые считались владельцами «рычагов» магии, — заклинатели, шаманы, колдуны — приобрели в этом обществе необъятную власть и влияние. Выражаясь словами Зигмунда Фрейда, маг, кудесник «на заре человечества был тем сверхчеловеком, которого Ницше ожидал только от будущего».

Как бы ни толковать это явление (воздействие ли социальных факторов, паранормальных феноменов или внушения), для нас сейчас важно, что оно стало прелюдией к культуре монархов и вождей. Джеймс Фрэзер в своей «Золотой ветви» даже пытался проследить, какими путями из сверхъестественного авторитета мага родилась идея сакральной власти, развившаяся на более поздних ступенях цивилизации.

<...> Великие религиозные и философские движения, предшествовавшие эллинизму и связанные с именами Будды, Лао-цзы, Заратустры, израильских пророков и античных мыслителей, расшатали многие устоявшиеся взгляды. Те же, кто не смог найти обновления в этих новых идеях, испытывали, пройдя через скепсис, ностальгию по старинным формам жизни и мысли. В результате царский культ обрел в период эллинизма «второе дыхание».

Пример был показан самим Александром, который, узурпировав привилегию фараонов, объявил себя сыном египетского бога Амона. А после смерти завоевателя среди его преемников и наследников один за другим появляются цари и диктаторы, активно претендующие на божественность. Не входя в детали, отметим хотя бы титулы, которые они себе присваивают: Сотер — спаситель, Епифан — явленный бог и даже просто Теос — божество. <...>

После смерти Августа, в период от Тиберия до Диоклетиана, продолжается эскалация культа императора, который оснащают

новыми храмами и церемониями. Тем не менее притязания власти на абсолютизм полностью удовлетворены не были. С одной стороны, многие образованные люди, особенно приобщенные к философии, относились к культу императора с плохо скрываемой иронией, а с другой — само язычество мешало почитанию человекобога стать единственной религией. Ведь даже те, кто приносил жертвы на ее алтарь, чтили наряду с цезарем других богов.

И наконец, еще в правление «авторов» римского монархического культа — Августа и Тиберия — в мир вошла новая духовная сила, радикально отрицавшая поклонение главе государства.

Этой силой было христианство.

<...> Выступая против обожествления кесаря, христианство бросало вызов и той тенденции в религиозной психологии, которая состояла из смешанных чувств подчинения и страха, восторга и жажды сильной руки, преклонения перед мощью капризного Властелина, произвольно карающего и милующего, перед небесным Деспотом, образ которого легко сливался с образами земных носителей власти.

Лик Вечности, открывшийся в Иисусе Назарянине, свободен от подобных черт. Меньше всего в Нем можно видеть проекцию затаенных желаний, питающих культ земного могущества.

Еще пророки Ветхого Завета, возвысившись над соблазном «божественного деспотизма», предсказывали, что Избавитель придет на землю без традиционных атрибутов земного властелина. И действительно, в Евангелии нет того, что подавляло бы свободу человеческого выбора и решения. Христос рождается и живет среди бедняков, незнатных, презираемых людей. Его ученики — не элита, а простые, рядовые люди. Он не совершает ни одного чуда с целью доказать Свою власть. <...>

<...> Он всегда оберегает человеческую свободу, ищет не рабов, а сынов. В Евангелии нет давящих аргументов, которые парализуют волю, будь то непроверяемые чудесные феномены или неоспоримые доводы логики. <...>

Недаром Данте говорил, что величайшим чудом христианства явилось то, что оно завоевало мир без чудес. Как и служение Иисусово, проповедь Его учеников стала зовом духовной свободы,

обращенной к свободной совести людей. «К свободе призваны вы, братья...» — восклицает Павел. Апостолы шли покорять землю, не опираясь ни на какую внешнюю силу, дав тем самым идеальный образец для всех последующих христианских поколений. И этот евангельский, апостольский идеал не могут затмить никакие изменения ему, не раз случавшиеся в ходе истории.

<...> Могут, конечно, возразить: а разве вера в Бога не апеллирует к верховному авторитету? Разве во имя <...> религий не творились насилия? С этим нельзя не согласиться, но лишь с двумя оговорками.

Во-первых, на протяжении веков никакие извращения религиозно-этических принципов не могли полностью их устранить. Они всегда оставались как источник обновления и покаяния. Сталинщина же за считанные годы прочно усвоила все худшие черты исторических религий, проявившиеся в период их кризиса: инквизицию, нетерпимый догматизм, «охоту на ведьм».

Во-вторых, есть существенная разница между верой в Высшее начало, которое созидает, объемлет и пронизывает Вселенную, и сознательной ложью, мифом, изготовленным в лаборатории политических фальшивомонетчиков. Даже атеист, подходя к вопросу объективно, может согласиться, что идея Верховного Добра и Разума, которая требует от человека этического поведения, содержит глубокий духовный смысл. Не случайно, что в истории человечества большая его часть принимала эту идею. А какова духовная ценность навязанной людям веры в то, что глава государства обладает всемогуществом, всеведением, всеприсутствием, тем более что этот человек был палачом, фальсификатором, губителем жизней и душ?

Об исторических религиях можно иметь разные суждения и оценивать их по-разному; но в отношении культа Сталина двух мнений быть не должно, если мы не хотим снова вернуться в кровавый хаос. Пусть даже остаются теперь люди, которые напоминают нам, как бойцы шли в атаку с именем Сталина, — очевидно, что они имели в виду вовсе не реального Иосифа Джугашвили, а политический фантом, суррогат извечной идеи Божества.

<...> В «культе личности» государственная власть пришла к полному самообожествлению, утвердила себя как единственную

безусловную ценность.

Страшный опыт диктатур XX века <...> дает нам возможность увидеть «со стороны» облик духовной тирании, патернализма, игры на инфантильных чувствах и массовых неврозах. Этот опыт должен привести к отказу от самой идеи государственной религии, которая имела столько аналогий со сталинизмом, идет ли речь о Женеве при Кальвине или о Тегеране при Хомейни. <...>

НООСФЕРА: СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

Из книги «Истоки религии»

<...> Единый поток жизни не прерывается на Земле на протяжении вот уже сотен миллионов лет. Сопrotивляясь лавине разрушения, биосфера в самой себе заключает принцип борьбы со смертью. Организмы как бы бросают ей вызов тем, что еще до своего распада передают потомкам негаснущий факел жизни. <...>

Эта замечательная особенность живых систем есть один из признаков победы творческого начала во Вселенной, но победы все же частичной, так как она относится только к ц е л о м у, к родовому, общебиологическому. Она далека от завершения, и поэтому жизнь должна постоянно поддерживать борьбу против натиска смерти.

Каждый этап эволюции — своего рода ступень к преодолению хаоса и разложения, а на вершине этой лестницы возникает очаг дотоле неведомой Земле новой жизненной энергии. Если в биосфере полем битвы является материальный слой мироздания, то на уровне ноосферы в бой с дезинтеграцией вступают существа, вооруженные духовным зарядом. В лице человека преграду умиранию и хаосу ставят уже не только генофонд и физиология, но и иное, трансфизическое измерение бытия. Оно обнаруживается в человеческой личности, которая концентрирует в себе мысль, сознание, творчество и свободу. Разум реализует свой жизненный принцип иначе, нежели организм, духовная деятельность спасает свои плоды от когтей времени более совершенным способом, чем наследственная информация генов. Именно это уникальное явление выводит человека за пределы биологического развития.

* * *

Сознание неразрушимости духа всегда было присуще людям. Его можно считать таким же древним, как и самого человека. Какие бы формы это убеждение ни принимало, подобно религии, оно — универсально и связано с самыми различными системами взглядов, от наиболее примитивных до самых сложных.

О начальных фазах веры в бессмертие говорят уже следы ритуальных погребений у охотников каменного века. А в наши дни даже у такого «первобытного» (в смысле цивилизации) народа, как, например, бушмены, представление о посмертии имеет вполне определенные черты. Согласно их религии, после кончины дух умершего еще некоторое время живет у могилы человека и может время от времени приходить и разговаривать с родственниками мертвеца, оставаясь невидимым. Душа, которую Гау поместил в человеке в день рождения, возвращается после его смерти в «другой мир, мир Гау». Этот взгляд, при всей его кажущейся элементарности, уже содержит в себе основы учения о бессмертии, характерного для большинства мировых религий.

Повсеместное распространение веры в то, что смерть не влечет за собой полного уничтожения личности, <...> свидетельствует о почти врожденном чувстве бессмертия «Я», пусть даже не всегда ясно осознаваемом. Иногда его пытаются связать с инстинктом самосохранения, и, разумеется, какая-то связь здесь действительно существует. Однако мысль о бессмертии — отнюдь не просто биологический феномен. Прежде всего, она — проявление духа, интуитивно ощущающего свою неразложимую природу.

Герой Достоевского Кириллов уверял, будто страх смерти есть не что иное, как боязнь боли. На самом же деле боязнь эта рождается в теле, между тем как дух страшит не столько боль, сколько само небытие, которому он всеми силами противится.

В то же время человек невольно как бы выносит за скобки самую возможность своего исчезновения: она не умещается в его сознании. Эту коренную особенность человека, отмеченную еще Ч. Дарвином, признают даже материалисты. «Психоаналитическая школа, — писал З. Фрейд, — позволила себе высказать убеждение, что по сути дела никто не верит в собственную смерть; или, говоря иными словами, в

своем бессознательном каждый из нас убежден в собственном бессмертии».

Можно ли считать такое убеждение случайной иллюзией? Не говорят ли слова о «вечной славе», о «бессмертии в делах и памяти потомства», которые атеисты чертят на своих памятниках, о неодолимой жажде подлинного человеческого бессмертия?

Понять эту жажду можно; гораздо труднее, на первый взгляд, понять пафос отрицания вечности. Что может вдохновлять человека становиться апостолом небытия?.. По мнению Фрейда, здесь действует регрессивный инстинкт, влекущий живое назад, к неживому. Но более вероятно, что «воля к смерти» есть лишь парадоксальная реакция на чувство страха. Нередко именно ужас перед опасностью толкает к ней навстречу. <...>

Немалую роль в апологии небытия играет и смутная боязнь ответственности, которая беспокоит людей, знакомых с религиозными учениями о посмертном воздаянии. Отрицая их, человек чувствует себя «освобожденным» и может утвердиться в мысли, что «все позволено».

Иррациональное стремление к «ничто» материализм, как правило, старается подкрепить логическими доводами.

Первый из них сводится к тому, что бессмертие духа вне тела труднопредставимо и не может быть экспериментально подтверждено. Но «непредставимость» для науки не может служить аргументом против реальности какого-либо факта: как мы видели, физика уже давно рассталась с грубыми моделями и примитивной логикой. Что же касается эксперимента, то, во-первых, не исключено, что его еще смогут осуществить в будущем, а во-вторых, вопрос отпадает, если в данном случае мы имеем дело с областью, где обычный эксперимент в принципе невозможен.

Второй аргумент имеет эмоционально-нравственный характер. Он исходит из того, что вера в потустороннее ослабляет волю человека, отвлекает его от земных задач. В значительной степени этот довод порожден извращениями той идеи, которую он оспаривает. Ведь не случайно и Ветхий Завет, и Евангелие столь скупко говорят о посмертии: человек призван в э т о м мире осуществлять свое призвание, а отнюдь не пассивно ожидать загробной жизни.

Горизонт бессмертия только делает перспективу еще более широкой и труд — более осмысленным. Лишь плохо понятое учение о вечной жизни может подорвать творческую активность людей на Земле.

Третий аргумент основан на том, что вера в бессмертие возникла просто в качестве «утешения», придуманного человеком для защиты от непереносимого ожидания смерти. Но так могут думать только те, кто не знаком с древними формами этого учения. В действительности же картины загробного мира, которые мы находим в книгах древнего Востока и Греции, почти всегда проникнуты леденящим душу ужасом. Гомеровский Аид, вавилонскую преисподнюю или еврейский Шеол меньше всего можно назвать утешением. Очевидно, вовсе не «утешительство», а приоткрытие каких-то страшных сторон посмертия явилось источником подобных представлений. Известный швейцарский психиатр К. Г. Юнг полагает, что эти представления люди черпали за порогом сознания. Поэтому он придавал большое значение сновидениям, которые облачают в образы реальность, ведомую подсознанию. Другими словами, первичен здесь особый опыт, через который человек соприкасается с областью бытия, лежащей по ту сторону видимого.

Как обычно, материалисты связывают веру в бессмертие с уровнем науки прошлых эпох. «У людей, живших тысячи лет тому назад, — говорят они, — эти представления возникли в результате незнания законов природы и общества. Они не знали биологических причин смерти, не могли научно истолковать человеческое сознание» (О. Клор). Однако, не говоря уж о том, что ссылка на «законы общества» здесь едва ли уместна, остается непонятным: почему же развитие знаний не убило идеи бессмертия. Ведь трудно предположить, что такие ее защитники, как Дж. Томсон, открывший электрон, или Э. Шредингер, создатель волновой механики, знают законы природы меньше, чем пещерный человек или древний египтянин. Напротив, как утверждает английский физик Дж. Максвелл, «прогресс научный (в вопросе о смерти с физической ее стороны) вынуждает к глубокому различению между видимой частью человеческого существа, которая погибает на наших глазах, и между той, которая составляет наше «Я», и к усвоению того положения, что человеческая личность как по своей природе, так и по своему

назначению лежит за пределами научной области». Неудивительно поэтому, что большинство крупнейших представителей человеческой мысли от Платона до Бергсона и Тейяра де Шардена разделяли и философски обосновывали учение о бессмертии.

* * *

Человеческий дух выступает на фоне органической эволюции как нечто и н о п р и р о д н о е по отношению к материальным структурам и в то же время — тесно с ним связанное. Но если это так, то не распространяется ли закон разложения и на сознание? <...>

В самом деле, после физической смерти организм распадается на те элементы, из которых был образован. Между тем духовное начало качественно отличается от телесного. Его нельзя рассматривать в виде комбинации частей и элементов. <...>

Это единство духа есть предпосылка его неразложимости, как показал Э. Шредингер. Он писал:

«У каждого из нас есть неоспоримое представление, что сумма его собственных переживаний образует некоторую единицу, ясно отличающуюся от такой же единицы любого другого человека. Он ссылается на нее как на свое «Я». Что же такое это «Я»? Если вы будете правильно анализировать это «Я», то вы придете к заключению, что оно представляет собой все же нечто большее, чем простой набор отдельных восприятий и воспоминаний, и служит именно той канвой, на которой они накапливаются... И даже если искусный гипнотизер сумеет совсем вычеркнуть из вашего сознания все ваши ранние воспоминания, то и тогда вы не будете считать, что он убил в а с. Но ни в коем случае здесь нет потери личного существования, которую надо оплакивать. И никогда не будет!» <...>

* * *

Материалисты обычно говорят, что со смертью сознание «угасает». Но это не более чем плохая метафора. Ведь и в чисто физическом плане бытия «угасание» отнюдь не означает аннигиляции, а лишь переход одной формы материи или энергии в другую. Поэтому, если даже принять подобную аналогию, правильнее будет сказать, что гибель тела открывает сознанию путь к переходу в другую форму существования.

Поскольку дух, как мы видим, способен оказывать огромное воздействие на жизнь тела, то вполне возможно представить его как силу, использующую центральную нервную систему в качестве своего инструмента. Мозг в данном случае окажется чем-то отдаленно напоминающим трансформатор или конденсатор.

Когда приемник или электрическая установка выходят из строя, это вовсе не означает, что радиоволны или электроэнергия «испарились», «исчезли». Нечто подобное происходит, по-видимому, в соотношении мозга и духа. <...>

Разумеется, смерть и разложение мозга нарушает его контакт с духом. Но значит ли это, что дух больше не существует? Может ли доказать это «молчание могил»? <...>

<...> Отрицание бессмертия строится на чисто негативных предпосылках, изъяны которых становятся очевидными перед лицом специфических особенностей духа как начала нематериального и личности как феномена сверхвременного и внепространственного.

Такое новообразование должно было занять исключительное место в мировой эволюции. Однажды загоревшись во Вселенной, огонь духа, подобно жизни, не мог угаснуть. Но, мало того, воплотился он не только в коллективном сознании вида, но в каждой его единице, высочайшем шедевре миротворения — личности.

Единый организм биосферы растет, одолевая смерть, но одна за другой отмирают и сменяются его клетки. Иное бессмертие в ноосфере. Для нее части столь же важны, как и целое. Она выступает не как безликая масса, а как единство мыслящих и н д и в и д о в.

Смерть настигает животное и делает его своей жертвой, и в человеке гибнет только животное. Дух же его, говоря словами Тейяра, «ускользает и высвобождается». То, что он оказывается в состоянии п е р е ж и т ь распад тела, есть закономерность и важнейший шаг космоса на пути к сверхприродным мирам.

* * *

Но если бессмертие — настолько важное для эволюции свойство духа, если оно так вожделенно человеку, то почему наши представления о дальнейшей судьбе личности столь неясны и бедны содержанием? На это существует два ответа. По мнению одних, человечеству еще суждено когда-нибудь глубже проникнуть в эти

тайны; они лишь мало исследованы, но в принципе — рационально познаваемы. Согласно другой, более вероятной точке зрения, здесь проходит рубеж, который мы не можем преодолеть, находясь по эту сторону бытия. Как невозможно эмбриону, ведущему чисто биологическое существование, понять всю сложность и многогранность человеческой жизни, так и в нашем ограниченном бытии трудно представить другие миры иначе, как в виде символов.

«Надобно помнить, — замечает Н. О. Лосский, — что временной ряд событий и безвременное бытие суть два глубоко разнородных мира, а человек, хотя и стоит одною ногою в одном из этих миров, а другую — в другом, все же развивает в себе умение отчетливо наблюдать только один из этих миров, именно — временной; поэтому, когда речь идет о вечном «Я», мы умеем только указать его наличность, но не рассказать о его безвременном содержании; между тем это содержание должно существовать и быть гораздо более богатым, чем временная жизнь».

И все же развитие личности у ж е з д е с ь приближает ее к созерцанию сверхчувственного мира. <...>

Поразительные взлеты человеческой личности, мысль философа — все это есть уже предчувствие и переживание бессмертия «здесь и теперь». Это как бы луч света, который освещает и путь отдельной души, и историю всего человечества. Вопреки тем, кто хочет похоронить человека и убедить его, что конец жизни — это «лопух на могиле», дух в самом своем бытии открывает перспективу вечности. <...> Он трудится, зная, что все прекрасное и подлинное, возникшее в этом мире, достигает в грядущем высочайшего расцвета.

Посмертие невозможно представить себе пустым бездействием, томительной и однообразной «прогулкой в райских садах» — оно явится процессом непрерывного становления и восхождения к вечному совершенству.

«Уверенность в том, что мы продолжаем жить вечно, — говорил Гете, — вытекает у меня из самого понятия деятельности. И если я, не зная устали, буду деятелен до самого конца, то природа, когда теперешняя моя форма уже не сможет выдержать тяжести моего духа, обязана будет указать мне новую форму существования. Пусть же Вечно Живой не откажет нам в новых видах деятельности,

аналогичных тем, в которых мы уже испытали себя. А если Он потцовски дарует нам воспоминание обо всем справедливом и хорошем, к чему мы стремились и что уже создали, тогда и мы, конечно, очень быстро схватимся за зубцы мировой шестерни».

Эти слова великого поэта и мыслителя напоминают нам о том, что посмертие тесно связано со всей земной жизнью, подобно тому как наследственность и условия существования в теле матери влияют на рождение и жизнь человека. Земное существование дано нам не случайно и не бесцельно. Формируя свой дух на путях жизни, мы готовим его к вечности. И эта подготовка должна выражаться в нашей деятельности на земле. Еще философы Индии и Греции поняли, что кроме физических законов существуют и з а к о н ы д у х о в н о - н р а в с т в е н н ы е и что они действуют с определенной последовательностью. Каждый несет в посмертие то, что он уготовил сам себе здесь. Семя с червоточинкой никогда не даст здорового растения. Зло и духовная убогость на земле эхом отзовется в нашем запредельном бытии. <...>

* * *

Но Библия открывает нам и нечто большее. Символ «Древа Жизни», который появляется на первых ее страницах, означает потенциальное бессмертие в с е г о человеческого существа, а вместе с ним и всей природы. Человек, согласно Писанию, есть духовно-телесное единство. Поэтому его роль в мироздании не может ограничиться сохранением и совершенствованием одного духа среди общего разложения материи. Незримая энергия, которой он наделен, еще далеко не реализовала всех своих возможностей.

Через свое тело человек слит с природным космосом, и его восхождение есть одновременно и восхождение всей твари. Эволюция биосферы — это побег от смерти, история же человека — это путь к в о с к р е с е н и ю и одухотворению материи. Следовательно, неразрушимость духа есть лишь этап, а не вершина прогресса. <...>

<...> Преодолеть силой духа косность материи, п р е о б р а з и т ь ее, возвести через себя на высшую ступень развития — в этом космическая задача ноосферы, а венец ее устремлений есть победа над телесной смертью в природе.

Первозданное человечество должно было найти путь к целокупному бессмертию, стать в мироздании «первенцем из мертвых». Но это не произошло. Избегает распада лишь дух; смерть же по-прежнему сохраняет свою власть над ноосферой, разрушая тело человека, как любую другую структуру. То, что человек назвал горестным именем «темницы», возвращается в общий круговорот вещества...

Что же явилось причиной этого надлома? Что затормозило движение и роковым образом повлияло на духовную жизнь и историю мира?

Христианство называет эту катастрофу Первородным грехом или поврежденностью человеческой природы.

СТРЕЛА, ЗАПУЩЕННАЯ В ВЕЧНОСТЬ

Из лекции, прочитанной 8 декабря 1989 г. в ДК им. А.С. Серафимовича

<...> Когда-то покойного архиепископа Луку, известного врача-хирурга Войно-Ясенецкого, спросили, неужели он верит в существование души, в то время как он столько раз вскрывал мертвое тело человека. На что он ответил: «Я много раз вскрывал тело человека, но я никогда не видел в нем ни мыслей, ни разума. Я видел только органы, мертвые органы». Значит, в принципе невозможно увидеть то, что составляет самое существо человеческой природы.

Я думаю, что многие из вас слышали о книге Раймонда Моуди. О ней была большая пресса как у нас, так и за рубежом. Опрашивая многочисленных людей, которые пережили клиническую смерть, доктор Моуди пришел к выводу, что сегодня уже нельзя повторять, как говорили наши древние предки, что «оттуда» еще никто не возвращался. Сегодня мы уже имеем людей, которые возвращались «оттуда».

Много лет тому назад, еще задолго до выхода книги «Жизнь после жизни», я сталкивался с подобными явлениями. Я записывал рассказы людей, которые на операционном столе скончались, но потом благодаря усилиям реаниматоров вернулись к жизни. И <...> они мне рассказали о том, как видели свое тело со стороны, как они

слышали слова врачей, сестер, находившихся рядом, как они переживали необыкновенную, ни с чем не сравнимую легкость и чувство счастья, как при этом ясно работала голова, словно смотревшая со стороны на свою физическую голову.

Один из таких людей рассказывал мне, что, переживая это чувство счастья, он сам себе говорил: «Вот, я нахожусь в Царстве Божиим. Наверное, это Царство Божие, и здесь нет времени, а у нас только минуты и секунды». Хотя на самом деле он видел вокруг себя ту же больничную палату, но он каким-то образом сумел увидеть мир, странный мир. Казалось бы, все тот же, но в то же время иной, как будто с него снят некий покров.

Это напоминает известное стихотворение Владимира Соловьева о грубой коре вещества, которая скрывает духовную силу и красоту мироздания. Так вот, такие рассказы очень совпадали между собой, и, когда появилась книга «Жизнь после жизни», я уже несколько не удивился, потому что все оказалось для меня достаточно знакомым. И вообще для христиан здесь не было ничего неожиданного, потому что мы всегда стояли в этой вере. <...>

Единая структура жизни заложена во всю биосферу. Она работает по единой системе, по единому принципу генетическому. И построена биосфера на основании тех элементов, которые она уже нашла в природе. Вы все прекрасно знаете, что главный компонент жизни, дезоксирибонуклеиновая кислота, состоит из веществ, которые встречаются в неживой природе. Но вот среди царства биосферы зарождается таинственным образом новое царство, которое Вернадский и Тейяр де Шарден называют ноосферой, сферой разума (от греческого *noos* — мышление, разум).

И вот удивительное свойство ноосферы: она не берет за основу то, что есть в предыдущих фазах. Хотя некоторые элементы мышления мы встречаем в мире, но нет в природе того, что мы должны назвать духом, — творчества нового, нравственного выбора, глубинного самосознания, стремления к бесконечности. Когда самка осьминога откладывает яйца, она убивает себя, срабатывает определенная железа, которая уносит ее из жизни. Почему это так? Она выполнила свое предназначение. То же самое происходит со многими живыми существами. Те, кто видели иногда над вечерней

рекой кружащиеся стаи полупрозрачных легких стрекозок-поденок, думают: что это за праздник и танец? А это праздник любви и смерти. Ибо рождаются эти поденки даже без ротового отверстия, они даже не могут поесть. Их единственное призвание, в этот единственный вечер их жизни, когда они выходят из воды, из личинок, — это плясать в воздухе, парить, дать начало новой генерации и в этот же день погибнуть. И утром мы видим целые пласты серебристые этих погибших насекомых на поверхности реки. Они выполнили свою функцию здесь.

Альфред Рассел Уоллес, как и Дарвин, разработавший теорию эволюции путем естественного отбора, был поражен <...> тем, сколько заложено в дух и сознание человека всего, что не нужно ему для приспособления к окружающей среде. Стремление к высшему познанию, стремление к бескорыстному знанию, способности самые разнообразные, присущие гению человека, — все это не нужно для выживания человека. Более того, именно владея этими дарами, человек часто подвергает себя опасности, и даже угрозе смерти.

Жизнь животных, хотя и имеет в себе элементы психики и сознания, является отражением их телесной жизни. Когда животное удовлетворило потребности телесной жизни, ему больше ничего не надо, и животное спокойно. Немецкий исследователь Шаллер, когда он жил в лесу с гориллами, высокоразвитыми живыми существами, поразился тому, насколько они неизобретательны, флегматичны, даже безынициативны. Потому что у них нет врагов, им не от кого прятаться. У них пища всегда под руками. У них, как бы мы теперь сказали, решены все основные проблемы, и поэтому жизнь их проходит в сонном таком состоянии.

Но если человек удовлетворит свои потребности, если он одет, сыт, если все у него есть — если он нормальный человек, он на этом не успокоится. В красноречивом утверждении этого факта заключается величайшее значение гетевского «Фауста». Мефистофель слишком низко ставил человека. Что он обещал доктору Фаусту? Молодость, любовь, богатство, власть, славу. Все это он дал. Но никогда, ни на одно мгновение Фауст не успокаивался. И только в конце дней своих, только в конце своих дней он

почувствовал драгоценность мгновения. Когда? Когда получил что-то?

Нет. Когда он отдал, когда он стал служить другим людям. Напрасно Мефистофель думал, что выиграл пари. Бессмертная часть Фауста уносится в небо, как пишет Гете в конце своей трагедии. А Мефистофель оказывается обманутым. Потому что тот, кто не для себя искал счастья, тот всегда оказывается победителем низших начал.

Так вот, человек, «мятежный, ищет бури». Человек, если успокаивается, деградирует. Человек, ноосфера — это некая стрела, запущенная в вечность. Вся поэзия, все искусство, вся тайна музыки — все это не относится к области удовлетворения материальных нужд и потребностей человека. Да, конечно, для того, чтобы существовать в своем теле, человек в этом во всем нуждается. Но здесь происходит трансформация, как в случае с углем и алмазом. Небольшая структурная перестройка, и — получается алмаз. Грязная земля — и из нее поднимается прекрасный цветок.

Это вовсе не значит, что дух человека порождается его телом. Я с самого начала сказал вам, что существует качественное различие между нашим нематериальным духом и материальным, биологическим телом. У нас нет ни логических, ни фактических доказательств того, что материальное может создать духовное. И если человек скажет вам, что вот умерло тело, и душа больше не существует, это будет равнозначно тому, что вы перерезали телефонный провод, и аппарат не говорит, и вы думаете, что на другом конце провода все умерли. Контакта нет, но где доказательства, что дух прекратил свое существование? И, кроме того, что означает «прекратил»?

Да если я зажгу здесь свечу или костер, а потом погашу, что произойдет — с точки зрения физики, а не беллетристики? Только изменение формы существования материи. И если дух теряет возможность реализовать и проявлять себя через тело, это вовсе не означает, что дух аннигилировался и испарился. Он возвращается в свойственную ему сферу.

Тело человека ведь тоже не испаряется. Оно возвращается в объятия земли, в объятия матери-природы, в ее круговорот. И ни

один атом нашего тела не погибает, а он будет слит вместе с этим круговоротом мироздания. Но какое основание у нас думать, что мощный фактор — дух человека, который меняет, искажает и украшает одновременно целую планету, который проникает своим острием в прошлое, в будущее, в далекие страны, который может совершать мгновенные акты постижения, который всегда парадоксален, всегда неожидан, — что этот фактор является столь ничтожным, что может быть ниже, чем тело, которое меняет лишь форму существования? Дух тоже меняет. Но как?

Если биосфера сохраняет в целостности жизнь, древо жизни, то для ноосферы важно не древо, важно не целое, важна не сумма только лишь, а важны элементы. Ибо у духа есть одно величайшее свойство, и я думаю, вы все его знаете: его личностный характер. Дух — это не стихия. Сознание, мысль, творчество сконцентрированы вокруг магнитного полюса, который мы называем «Я». <...>

Это великий и важный факт и свойство ноосферы. Когда пытаются отбросить этот факт, то забывают о презумпции существования, о том, что, как говорит Бергсон, надо еще доказать: пусть докажут, что душа исчезает. Тех фактов, которые мы имеем, еще недостаточно, и, наоборот, есть немало фактов, которые показывают иное.

Знаменитый американский психолог Уильям Джеймс проводил массу опытов, в которых ему удалось как-то соприкоснуться с сознанием умерших людей. Его отчеты были опубликованы. Этим занимались многие общества в конце XIX и XX веков. Огромный материал дала парапсихология. Всевозможные открытия и, в частности, одно из удивительных открытий, что дух действует в мире, не зная границ.

Мать может почувствовать трагедию или смерть своего ребенка, если с ним это случилось на другом конце земного шара, почти в то же мгновение. Воздействие духа на дух не экранируется ничем. Любые лучи, любые поля можно экранировать, но нельзя экранировать дух. Кстати, этим объясняется, почему происходит воздействие на расстоянии. Сейчас много говорят о телевизионных сеансах Кашпировского... Казалось бы, нет человека рядом, есть только изображение. Но на самом деле дух — способный гипнотизер. Кстати, что такое гипноз, никто не знает, но фактически это есть

воздействие одного духа на другой. Причем воздействие самое парадоксальное. Хорошее ли, плохое ли — мы не будем сейчас решать. Я говорю о фактах.

Я сам присутствовал на экспериментах Мессинга. При мне — я убежден, что это не фокус, — с завязанными глазами он был способен найти вещь, которую спрятал другой человек. И это не было, как он сам потом рассказывал, <...> фиксацией каких-то микродвижений. Я видел своими глазами, что он не брал за руку этого человека, что он сам с повязкой на глазах шел по сцене и находил этот предмет. Значит, дух действует очень своеобразно, ему не нужны проводники, столь необходимые при движении, скажем, электрической энергии.

Таковы удивительные свойства духа. Нематериальность. Единство, особое единство. Сверхвременность. Потому что время внутри духа течет по-другому. Я объясню вам на простом примере. Когда вы сидите, ждете чего-то, 10 минут вам кажутся вечностью, и наоборот, когда вы действуете. Есть восприятие времени духом, которое не соответствует объективной фиксации длительности времени.

Дух творит. Вы можете сказать, что творят и животные. Да, биосфера творит многое. И соты пчел, и гнезда птиц, и многое другое. Но подумайте о том, можно ли назвать это творчеством, когда инстинктивно, бессознательно, из поколения в поколение, тысячи лет повторяя с неким автоматизмом движения своих отдаленных предков, бобры или пчелы делают все эти движения? А человек создает то, чего не было. Любой из вас признает, что достоинство художника, и поэта, и писателя в том, что он создает небывалый мир — мир, которого не существовало. Даже если он пишет пейзажи реальные, даже если мы видим картину Рериха «Брахмапутра», то это не та Браhmaпутра, которая была бы уловлена объективом фотоаппарата, а это таинственное состояние реки, преломленное через творческое воображение художника.

Только дух способен создавать фантомы, изобретать, склеивать, разрывать. Только дух может трепетать от красоты и величия. В конце концов, высшие проявления человеческого духа — в религиозном творчестве, в искусстве, музыке, любви. И думать, что это мусор

эволюции, что это можно отбросить как нечто не заслуживающее внимания, значит не понимать закономерностей мира, не понимать, как в нем сберегается все самое главное. Личность стоит на вершине. Она любит, она творит, она постигает, познает. И она не гибнет.

Те люди, которые с XVIII века пытались отбросить идею иммортализма, бессмертия, говорили примерно как врач Кабанис: «Мозг производит дух, как желчь производится печенью». Но это лишено смысла. И желчь, и печень материальные вещи, которые можно увидеть и измерить. И в трупе все это можно найти. А попробуйте найти мысль! Можно увидеть все движения нейронов, но никогда не увидеть самой мысли. Разве только что в фантастическом романе.

Далее. Когда человек открывает для себя свою сверхвременность, свою необычность, говорят: «Это бегство от жизни». И я скажу вам откровенно, что считаю главным и наиболее серьезным аргументом, направленным против идей иммортализма, бессмертия, этот нравственный упрек. Нравственный упрек заключается в том, что люди надеются на тот свет и поэтому не хотят ничего делать по-настоящему в этой жизни. Снижается их социальная активность, появляется позиция аутсайдера, позиция мещанина, позиция гедониста и так далее.

Справедливо ли такое обвинение? Я много думал над этим, в течение многих лет наблюдая сотни, может быть, и тысячи людей как священник. И я в конце концов убедился, что это неверно. Это неверно потому, что как раз мысль о том, что человек трудится и в вечности отзовется его дело, она, эта мысль, обогащает жизнь и по эту сторону смерти. Ведь тогда уже нельзя сказать, что все поглотит жерло вечности, бесконечности и смерти.

Мы знаем то, что открывает нам Священное Писание. Оно говорит нам о невозможности для человека (таковы слова апостола Павла) по-настоящему представить и адекватно передать переживания потусторонние. Характерно, что и люди, описанные в книге «Жизнь после жизни», не могли или с большим трудом подыскивали подходящие выражения, чтобы описать свой посмертный опыт.

Я обращаю внимание ваше, каждого из вас, кому приходилось читать Евангелие: ведь Христос там, подразумевая вечную жизнь,

подразумевая бессмертие человека, почти никогда не описывает этого состояния. И почти всегда говорит лишь о том, что человек должен делать в посюстороннем бытии, здесь и теперь, на земле. Значит, нам достаточно знать центральную практическую истину: что мы сеем в этой жизни, то будет прорасти и в вечности. Эхом будет отдаваться в вечности. И это так ясно и так логично.

Мне встречались люди, которые имели серьезные жизненные проблемы, внутренние, нравственные, всякие. И они пытались решить это, уехав из страны куда-то далеко. Но, получая от них письма, я убеждался, что все проблемы остались с ними. Человек несет их с собой. То же самое и смерть. Человек уносит в своем духе все свое: и добро, и зло, и ничтожество, и величие. Естественно, ничтожество будет как бы перегорать, как бы отходить, как бы терять свой смысл. Но что будет с тем человеком, вся жизнь которого погружена была во зло, который сеял зло, который жил этим ничтожеством и элементарными стихиями, элементарными потребностями? Вот все это отрублено в одночасье, и он сразу лишен прежних возможностей. Он не развивал себя духовно. Все те, кто описаны у доктора Моуди, говорят: «Мы убеждены в бессмертии, но мы убеждены, что оно обязательно отражает в себе нашу жизнь, особенно два элемента ее — любовь и мудрость, познание».

Таким образом, учение о бессмертии является важным движущим фактором той ответственности, которую человек несет за себя, за других, за свои деяния, за свои слова. И даже мысли. В человеке спрятаны, скрыты, закодированы величайшие возможности, огромные, превосходящие вообще всю нашу земную жизнь. Поэтому раскрытие этих возможностей ожидается лишь в процессе бесконечной эволюции, бесконечного становления духа. А бесконечное становление здесь, на земле, невозможно.

Основатель экспериментальной психологии Г. Фехнер говорил, что человек живет вовсе не один раз, а три раза. Первый раз он живет девять месяцев в утробе матери; он в одиночестве, и он спит. И в это время создаются органы его тела, которые принадлежат еще биосфере. Потом он рождается, он переживает свое рождение как смерть — вы понимаете, почему. Ребенок задыхается, он отрывается

от матери и, пока у него не раскрылись легкие, с ним происходит нечто подобное агонии.

И вот наступает вторая жизнь. Здесь уже сон чередуется с бодрствованием, здесь уже не одиночество, а общение с определенным кругом людей. Здесь физический биосферный элемент человека расцветает до конца и довольно быстро начинает увядать. Но здесь же развивается, раскрывается, обогащается и растет или, точнее, может расти его духовное начало.

И потом наступает третья жизнь. В ней нет сна, это вечное бодрствование. И она распахнута для бесчисленного количества духовных существ. Пророки, ясновидцы, мистики, да и каждый человек в особые моменты своей жизни могут пережить на секунду такие мгновения, когда «внял я неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье». В такое мгновение кажется, что вся вселенная вмещается в тебя. Соприкосновение этому опыту будущего, космического сознания — это то, что ожидает человека. Но ожидает его не даром, а как результат его упорного труда.

Математически доказать бессмертие души нельзя, как нельзя и опровергнуть. Почему это так? Когда знаменитый русский химик Бутлеров пытался с помощью материалов по медиумизму доказать бессмертие души, комиссия, возглавляемая его коллегой Менделеевым, признала эти факты недостаточно убедительными. Но в отчете Менделеев писал, что доказательств нет, но как человек, выросший в христианской традиции, он предпочитает сохранять веру в бессмертие.

Еще раз скажу, почему нет этих доказательств. Потому что если бы они были ясными и неопровержимыми, то призыв к творчеству, к добру и совершенствованию звучал бы как приказ, звучал бы как навязанное, как жестокая мысль. Человек был бы приперт к стенке и не имел бы свободы выбора, личность была бы унижена. Перед лицом Творца человек только тогда является Его образом, когда он свободно и добровольно идет к Нему навстречу, когда он совершает прыжок через пропасть, когда он осуществляет, как говорил Блез Паскаль, риск веры, идя навстречу Ему.

И поэтому, каковы бы ни были научные данные, которые будут подкреплять наше представление о бессмертии, в основе всего должно быть направление нашей воли, вектор и стрела нашей воли, которая направлена в вечность, к добру, которая идет навстречу призыву Творца, звучащему в Евангелии: «Будьте совершенны». Человек, будь совершенен, бесконечно, как Отец твой небесный, совершенен.

И тогда мы познаем на практике, познаем в глубине нашего духа, что есть бесконечная божественная любовь, которая обнимает человека, которая обнимает мироздание, навстречу которой выходит человек, если он действительно хочет пойти по пути совершенствования. Не своими силами, но силой духа. И тогда мы поймем, что имел в виду наш великий поэт и философ Владимир Соловьев, когда писал:

Смерть и время царят на земле.

Ты владыками их не зови.

Все, кружась, исчезает во мгле,

Неподвижно лишь солнце любви.

ЖИЗНЬ БУДУЩЕГО ВЕКА

Из беседы шестой на «Символ веры», проведенной 16 декабря 1989 г. в ДК фабрики «Дукат»

<...> Меня в юности поразило высказывание Мопассана о женщине, которая погубила себя, бросилась в колодец, и, как он говорит, душа ее, то, что называлось ее душой, «угасло на дне колодца». Это звучало очень мрачно. Но тогда уже — хотя я был еще школьником, — тогда я уже понимал, что угасание — это не аннигиляция, это процесс перехода из одного состояния в другое.
<...>

Самое высокое из созданий Творца, которое мы только имеем в мире, — это личность. Все стихии безличны, в животном проявляются первые зачатки индивидуальности, но творящая личность — это только человек. Об этом говорил Паскаль в своей бессмертной книге «Мысли». Обязательно посмотрите эту книгу, она легко читается, потому что это афоризмы. Он говорит о том, насколько хрупок человек и как мало нужно для того, чтобы

прервать его жизнь, но все стихии мироздания, огромные бездны и скалы, которые могут его раздавить, как муху, в одно мгновение, ничего не стоят перед ним, потому что только человек, он один, может сознавать, что с ним происходит.

<...> Можно понять, откуда наша способность мыслить, — спросите у биолога, и он вам расскажет, как процесс усвоения кислорода начался у первых наземных животных. А мы их наследники. Мы знаем, почему мы поддерживаем свою жизнь с помощью пищи, — эти энергетические процессы совершенно ясны химику, физику, физиологу, биологу. Мы знаем, откуда происходит все в нашей телесной жизни, но только не знаем, откуда появилось духовное «Я», творящее, мыслящее, выбирающее между добром и злом, меняющее облик планеты.

И Священное Писание нам открывает эту тайну. Оно говорит о том, что человек в его духовности создан по образу и подобию Самого Творца; вот где разгадка, вот почему мы иноприродны. Вот почему человек, который дышит, ест, пьет, размножается, как любое другое существо, духовно отличается, качественно отличается от всей природы. Он отражает в себе всю созданную Богом Вселенную: царство минералов, элементы таблицы Менделеева, царство растений. Ведь каждая клетка нашего тела точно повторяет модель клетки любого растения, любого животного — но дух наш есть гость в этом мире, и не просто гость, а перед ним поставлена определенная задача возрастания. <...>

<...> Вот образ для вас: текут реки, моря, поднимается утренний пар, и вот земная вод в виде пара восходит вверх, и вот белые облака уже кружатся и стелются над землей. Какое огромное значение имеют облака для жизни: они несут в себе живительную влагу в те пустынные места, где так мало жизни, в те пустынные места, над которыми раскинулось лишь беспощадное голубое чистое небо.

И история духа имеет свои живительные облака: потоки душ, восходящих вверх (то есть вверх не в пространстве, а в иное измерение), создают бессмертную сокровищницу человеческих душ. Мы называем это высшим измерением жизни. Иные называют его потусторонним, посмертным бытием, в котором тоже развитие, в котором тоже движение, в котором тоже жизнь, но иная жизнь.

<...> Но христианство говорит нам о чем-то большем. Оно говорит нам о жизни будущего века — не просто о естественном бессмертии каждого человеческого «Я» в ином измерении, а о новом этапе космической эволюции. Слово «век» (по-гречески «эон») означает огромное пространство во времени, почти уходящее за пределы истории. Грядущий эон, жизнь грядущего эона — это уже взгляд в отдаленнейшее вселенское будущее, это тот взгляд, который проникает за завесу того, что может сегодня представить ограниченный человеческий рассудок, это не просто естественное бессмертие души, вернее, духа.

Я сразу должен оговориться: речь идет всегда о духе, потому что душа — это психика, которая есть у животных и по-своему — у растений, это реакция организма на окружающую среду; а дух — это то, что творит, то, что является неповторимым, личностным, обладающим свободой. Все религии и философии так или иначе говорят о бессмертии духа, и христианство не открывает нам эту естественную истину. «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» — это упование и эта вера родились не на пустом месте, а родились они в таинствах Пасхи Нового Завета, когда Иисус Христос победил смерть.

Мы говорим о людях, оставивших нам великие произведения искусства, литературы, науки, как о бессмертных по-своему. Поэтому и Пушкин говорит: «Весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет...» Это все остается, но остается временно, потому что нет бесконечной памяти у человечества. Вечной остается жизнь, погибают отдельные организмы, но для человека, для его ноосферы, то есть для сферы духа, важен каждый человек, важна каждая личность.

И когда Христос явился перед учениками, — это не была память о Нем. Память была о пророке Исае, о великих учителях человечества, о великих философах. А Христос вовсе не жил в их памяти — Он явился им живой. Вот что было важно. Бессмертие в легендах и памяти было у Моисея, но никто не говорил, что он явился живым; бессмертным в памяти учеников был и Сократ, но никто не говорил, что он явился живым; наконец, бессмертны в памяти нашей великие святые христианские, и многие их видели во сне, имели с

ними внутренний контакт, но все-таки мы знаем, что они умерли, и гробницы их об этом свидетельствуют, и мощи их явно об этом свидетельствуют.

Христос не ожил, а изменился, поэтому святой апостол Павел говорит, что мы все изменимся. Это трансформация, мутация, новая ступень эволюции. Все души, которые когда-либо были созданы в мире, — мы все изменимся. И тогда нам вновь будет возвращено телесное бытие, но то телесное бытие, которое открылось ученикам в явлении Воскресшего. Апостол Павел говорит, что есть тело душевное, а есть тело духовное: некое иное тело, которое не подвержено в такой степени жестоким, неумолимым законам <...> природы, тело, которое подчиняется духу, поэтому не знает ни старости, ни усталости.

Опыт учеников, видевших Воскресшего, был особенным. Это не было смутное видение, а Он пришел к ним и сел за стол, и показал им знаки на Своих руках, и ел с ними. Но никто и не думал, что Он, может быть, очнулся, что Он ожил, что Он реанимировался, — потому что лицо Его изменилось, они узнавали Его не сразу. Он не входил к ним в дверь, а появлялся сразу в комнате; для Него не существовало тех преград, которые существовали для Него же до того, прежде. И Он сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». Он стал иным.

И апостол Павел, продолжая Его мысль, учит нас, что Христос в этом отношении явился Первенцем, — Первенцем не как Богочеловек, а как человек — как человек, обретший новую жизнь. Среди всех нас Он первый обрел духовное тело, первый вошел в вечность в духовно-душевно-телесном единстве личности. И вот это и есть то, чего желает, чаёт христианство.

«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Тело побеждается, миры побеждаются, и наша душа, скомканная, маленькая и жалкая, вырывается на колоссальную свободу. И между нею в ее нынешнем состоянии и тем раскрытием огромным, которое ее ожидает, такая же гигантская дистанция, как между молчаливым эмбрионом в утробе матери и гением (скажем, Леонардо да Винчи или Эйнштейном), который из этого эмбриона развился.

«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века...» Я убежден, что эта жизнь охватит не только нашу планету, а и то, что в Библии

названо новым небом и новой землей. Я убежден, что столь сложное существо, как человек, его организм, должен был подготавливаться колоссальным количеством процессов, которые происходили в необъятной Вселенной. Для того чтобы создать одно мыслящее человечество, по-видимому, нужно было запустить столь гигантский котел урановый, как наша галактика, а может быть, и все наше мироздание.

<...> Иисус Христос проповедовал нам о Царстве Божием. Не о чем-то другом, а Весть Его прежде всего была о Царстве Божием, «ибо не царствует Бог в этом мире, ибо князь мира сего сатана». Так сказал Господь, и мы сами прекрасно знаем, что в мире действуют слепые разрушительные силы природы и общества, злые страсти распада, ненависти. Бог не царствует, а мир этот — поле боя, в котором участвуют и добро и зло, и стихии, и свободная воля человека.

А что же такое Царство Божие? Это такое состояние бытия, в котором воцарилась полнота жизни и гармония, воцарилась мысль Божия, бесконечно прекрасный замысел Творца. Недаром Господь Иисус говорит, что это Царство приходит незаметным образом. Да, оно давно вошло в мир, потихоньку проникая в него, еще до того, как человек появился: в гармонии частей природы, в ее красоте оно уже присутствует, в духе человеческом, в любви человеческой оно присутствует, в творчестве человеческом оно присутствует, в милосердии человеческом оно присутствует. Царство Божие — это не просто футурология, не просто слова о будущем. Оно уже здесь.

Вот почему Господь Иисус говорит, что Царство Божие внутри вас, «среди вас» — буквальный перевод. Оно вырастает в этот мир. Там, где царствует совершенство, мощь красоты и любви, там Царство Божие все громче и громче заявляет о себе. Это не очевидность, которую можно пощупать руками, это надо уловить интуитивно, постичь сердцем, это то, что открывает нам Христос.

Он говорил нам: «Покайтесь, приблизилось Царство Божие». <...> Принесите Ему стремление изменить свою жизнь, потому что к вам, к вашей душе, к вашей жизни приблизилось это Царство, и оно даст вам силу духа, силу противостояния, силу причастности вечности в этой быстротечной жизни. «Побеждающему дам вкушать небесную

манну, — говорит Христос, — небесный хлеб», и каждый, хоть немножко достигший этого Царства усилиями устремленной любви к Нему, — тот победитель на своем месте. На своем месте в жизни и он получит небесный хлеб жизни.

И потому Царство Божие есть наше величайшее упование и цель. И <...> мы понимаем, <...> почему Богочеловек, придя на эту грешную землю, сказал нам: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его, и все остальное приложится вам».

ВОСКРЕСЕНИЕ

Из лекции, прочитанной 20 февраля 1990 г. в ДК им. А.С. Серафимовича

<...> Если вы обратитесь к христианскому православному Символу Веры, то вы не найдете там слов: «Верую в бессмертие души». Я, может быть, рискну даже сказать, что христианство не верует в это, а просто, по-видимому, считает это чем-то достаточно естественным. И можно к этому прибавить, не исключено — я не настаиваю, но не исключено, — что в ближайшем будущем, в обозримом будущем этот факт переживания сознанием своего тела станет объектом познания уже научного.

В Символе Веры сказано так: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века» — не бессмертия души, а воскресения мертвых. В этом было и остается принципиальное отличие христианского учения об эсхатоне, христианской эсхатологии от эсхатологии всех остальных философских концепций и религиозных учений. Ибо для христианства бесконечно дорого, что человек есть существо воплощенное, во плоти, что Бог внедрил дух в материю, что игра плоти, игра природы, многоцветие материального мира стало тем лоном, в котором искрится дух.

Развоплощение человека есть не только освобождение от немощей плоти, но это есть ущербление человека, ибо человек задуман как существо, вписанное, вросшее в плотское мироздание. «Я связь миров», — говорит поэт. Связь миров — значит, в нас живет и физический мир, и химические тайны, и все элементы, на которых зиждется мироздание. Дух через нас заключает союз со всей природой, неживой и живой. И было бы, по-видимому, ошибкой, с

христианской точки зрения, принимать полностью знаменитую греческую концепцию, что тело — это гробница.

Тело, говорит апостол Павел, — это храм Святого Духа, а раз храм, значит, нечто священное. Значит, природа — это не просто какое-то испытания для нас, тело — это не просто нечто, что должно нас удручать: повесили жернов на шею, а потом дух освободился и полетел, как птица. Нет, здесь есть какой-то великий замысел: воплощенное существо — дух, который может стать, по слову поэта, мессией природы.

Знаменитый американский психолог Уильям Джеймс анализировал множество фактов, связанных с попытками установить контакт с душами умерших людей. <...> И вот что любопытно. Джеймс был психолог-экспериментатор, крупнейший ученый, и он всегда замечал, что, вступая в контакт с душами умерших, не мог избавиться от мысли, что они в чем-то ограничены, в чем-то ущербны, что, в общем, они уже не те. Я думаю, что это можно объяснить по-разному, тем не менее задуматься над этим фактом стоит серьезно.

В Библии сказано, что Господь «пробудит спящих во гробах», — над этим тоже надо подумать. Что значит «спящих во гробах»? Некоторые христианские богословы, протестантские, полагают, что речь идет о бессознательном состоянии душ человеческих после смерти — до конца истории. В конце концов, можно было бы и это принять, в конце концов, время для умершего человека, по видимому, исчезает, во всяком случае, течет иначе. Но у нас есть другие свидетельства.

Есть свидетельства о покойных родителях, которые помнят детей. Я знаю массу случаев, когда умершая мать предостерегала сына или дочь во сне или каким-то иным тайным образом. Есть множество свидетельств о том, что контакт существует. Даже Карл Густав Юнг описывает такие вещи. Он не был христианином; своеобразный философ со своеобразным мировоззрением, он описывает конкретные случаи из своей жизни.

В одной из автобиографических книг Юнг рассказывает, как умер один из его знакомых, и вот он видит во сне, что тот подходит к нему, к его кровати, берет за руку, поднимает, ведет к своему дому, вводит в свой кабинет и показывает книгу. Потом Юнг просыпается, и решает

проверить этот сон, и отправляется в дом своего знакомого. Вдова впустила его в кабинет, он нашел книгу, которую тот указал, и она называлась «Память мертвых» или что-то в этом роде, что-то о мертвых. Юнг понял, что это был сигнал, может, какой-то неумелый, может, немного даже и бессильный, но сигнал того, что «я жив, я есть — вот тебе знак».

Известный английский писатель Клайв С. Льюис во время войны ходил читать лекции, беседовать с людьми онкологического отделения больницы. Там он встретил замечательную женщину, больную раком, они очень подружились, у них была огромная духовная близость, и в скором времени она стала его женой. Они прожили лет пять вместе, и она умерла. И для Льюиса это был невероятный удар — он был человеком уже в возрасте, и он ее безумно любил, именно духовно, душевно. И вот он записал для себя в дневнике страшные слова, они опубликованы посмертно.

Я даже не знаю, насколько имели право люди публиковать это описание его состояния — такое у него было чудовищное отчаяние разлуки. И вдруг все это кончилось — она ему явилась. Он не пишет, как. Он говорит, что она дала <...> знак: <...> я здесь, я о тебе помню. И у него жуткое, тяжелое состояние прошло совершенно. Надо сказать, что состояние Льюиса было настолько отчаянным (а он был человек сдержанный, скептический, не фанатик, не энтузиаст, не фантазер), что должно было произойти действительно что-то подлинное, факт какой-то жизни, который повернул бы его.

Итак, полностью признать мнение, что умершие спят до какого-то финального эсхатологического момента, мы не имеем права. Во всяком случае, не все. И уж если говорить о святых, то они играют какую-то очень важную роль в жизни людей даже через столетия: не только память о них — об этом я не стал бы говорить, — а именно участие. Как бы существуют два мира, — Даниил Андреев об этом очень интересно пишет, — как бы облако, стоящее над страной, над культурой, где сосредоточиваются ушедшие по ту сторону силы духа, носители культуры. Он даже называет их такими словами, как «небесный кремль».

Связь продолжается и осуществляется. И тем не менее в итоге Библия говорит, что, пробудившись, то есть встав оттуда, они,

умершие, воссияют, как звезды. Они обретают новую жизнь, но не чисто духовную, бесплотную, а они перевоплощаются наконец. Мы с вами говорили уже о перевоплощении <...>. Человек создан принципиально как существо инкарнированное, воплощенное, и этим должна завершиться его история на земле. Если смерть тела есть момент развоплощения, то нельзя считать его венцом и финалом нашего бытия. Финал — это «воскресение мертвых и жизнь будущего века».

Вы, конечно, можете спросить, а что это за новое воплощение? Это новый этап эволюции человека в мире. Потому что эволюция прошла несколько важных этапов. Сначала созидание структуры — вы помните, как сказано в Библии, что бездна была вначале и Дух Божий парил над бездной. Бог создает структуры, которые противятся хаосу. Потом он говорит: «Да произведет вода душу живую» — создается новое, небывалое во Вселенной: живые существа, которые еще более побеждают хаос, и наконец — разумное существо, наделенное образом и подобием Творца.

Человек во плоти своей на земле — он должен еще более обуздать хаос, но это тоже пока еще не полностью, это тоже пока еще не совершается до конца. И когда явление Мессии в мире поворачивает тайные рычаги эволюции человечества и мироздания, человек идет к новой, последней фазе своего развития, но это тоже фаза телесная. Апостол Павел говорит нам о том, что человек будет иметь тело духовное — «сома пневматикон».

Что такое духовное тело? Какой-то намек на это дает открывшаяся, вернее, приоткрывшаяся нам реальность духовно-телесного. О ней учили многие Отцы Церкви. Св. Игнатий, недавно причисленный к лику святых, пишет об этом целую книгу. Люди, которые переживали клиническую смерть, рассказывали мне, что они видели свое тело, но это было не то тело, а это было нечто прозрачное, но имеющее какую-то форму, подобную форме человеческого тела. То есть с разрушением материального тела сохраняется некое второе тело, глубинное, и оно-то и должно в будущем, как семя, лежащее в земле, родить новую форму.

Но здесь эволюция уже не просто биологическая или психическая, а эволюция еще этическая, потому что будущее

состояние человека во многом определяется тем, каково было его развитие здесь, на земле. Вот почему для нас так важны именно поступки, мысли, слова человека в этом мире. Не будем рассматривать это в юридических терминах «наказание» и «поощрение» — это неверно. Речь идет о естественных последствиях того, что у нас внутри есть и с чем мы идем в будущую жизнь.

<...> Человек, попавший в непривычные условия, человек, не имеющий уже привычных способов выразиться, жить и действовать, только тогда может сохранить свое «Я», когда оно у него глубоко духовное, насыщенное и богатое. Человек мелкого плана, оказавшись в изоляции от привычной жизни, глубоко страдает, он не знает, куда себя девать, его душа — эмбрион, она не развита.

И вот теперь представим себе, что происходит с человеком, когда он умирает. Он несет с собой все то, что у него есть, что накопил. И это очень важно, потому что из этого складывается наша личность и об этом надо думать сегодня. Чем богаче человек, чем больше он отдавал людям, тем глубже и емче пространство его духа, тем полнее его бытие даже в тот период, когда он спит. Так вот, кто богат духовно, он не спит, он бодрствует, он продолжает участвовать в жизни людей, оставшихся на земле.

И когда Платон говорил, что вся жизнь есть подготовка к смерти, — это, конечно, парадокс, и в прямом смысле это понимать нельзя. Но в этом есть другой смысл. В конце концов, разве мы не знаем, что смерть будет? Знаем. Разве не должен человек размышлять о том, что будет? Должен. Это естественно для мыслящего человека.

И когда Данте изображал загробный мир, он все-таки изображал не столько его, сколько вечные трагедии своих современников и восхождение души ввысь. И я уже говорил вам, что мало найдется слов человеческих, которые могли бы адекватно это передать. Важно, что мы бессмертны, и важно помнить о жизни будущего века.

Жизнь будущего века — это не наши отдаленные потомки, это не наши отблески, нити, которые тянутся в будущее, а это — все мы, все человечество.

Я вспоминаю, как один из героев Пастернака размышлял о том, куда же денутся все эти миллиарды людей. Думаю, что этот герой совершенно не прав, он слабо представлял размеры Вселенной. Если

собрать телесно всех людей, которые когда-либо жили на нашей планете и, образно конечно, поместить их в какой-то резервуар, они не займут и десятой доли одной из галактик, которые находятся в пространстве. Вселенная, быть может, для того огромна, что она уготована для разумных существ, для человечества, для огромного человечества. Это огромный дом, еще не населенный, и поэтому нам рано говорить, что слишком нам тесно, что некуда будет девать Творцу нас с вами. У Него есть место. Недаром Господь Иисус говорил: «В доме Отца Моего обителей много».

И, наконец, <...> практическое: как самим готовиться к смерти, как относиться к людям, которые обречены или умирают. <...> Здесь многое зависит от того, что это за человек. Решение принимают родные и близкие, понимая, что исход один. Правда, никакая медицина не может дать полной гарантии, что человек обречен, и все-таки в принципе человек должен знать.

Почему? Потому что он может подготовиться внутренне молитвой, сознанием, прощением тех, против кого он имеет зло. <...>

В книге Моуди говорится о тибетской «Книге мертвых». Идеи ее нам, конечно, не подходят, но эти тексты читались над усопшими, чтобы они слышали и понимали, что с ними происходит. Как бы некий древний опыт передавался здесь людям, чтобы они, удаляясь от земли, теряя все больше и больше связь с этой земной реальностью, слышали голос, указующий им путь, чтобы они не находились в состоянии шока, изумления полного. Ведь в это время человек все сознает. Он приходит в себя и сознает, что с ним происходит нечто удивительное, и тут ему подсказывается, что все это закономерно. Вот почему мы приходим отпевать людей в храме. Это молитва над человеком, над телом его, и душа его где-то здесь, рядом.

И могу вам сказать, что многолетняя практика мне показала, насколько различны участи людей, потому что одних отпеваешь с необычайной легкостью в сердце, даже какое-то праздничное ощущение, несмотря на то, что человек, может быть, и близкий, и родной — праздник, а других — как будто тянешь какой-то груз невероятный, как будто какая-то упругая среда сопротивляется, как будто здесь вот этот изломанный дух вращается вокруг в состоянии

некоего мучения, которое передается невольно всем присутствующим.

Значит, <...> надо человеку говорить о приближающейся смерти. Но если вы видите, что человек настолько хрупок, что он не выдержит этой правды, надо не обманывать его, а надо сказать ему по-другому. Как Сократ, когда люди плакали перед его смертью, говорил: «Что же вы плачете, разве вы не знаете, что я и раньше был приговорен к смерти, что все мы умрем рано или поздно?»

Значит, надо сказать, что жизнь земная кончается, но для тебя это не кончится, поэтому надо быть готовым, как раньше говорили люди, «привести в порядок свои дела». У одного святого есть даже рекомендации: раз в году устраивать себе подготовку к смерти — исключительно полезно. Надо считать, что вот этот пост — это твой последний пост в жизни.

Что надо сделать? Отдать долги, выполнить то, что не выполнил, помириться с тем, с кем находишься в конфликте, сделать так, как будто у тебя еще есть время, но оно уже ограничено. И — прыжок в бездну, но в бездну, которая нас примет нежно, примет ласково, бездну, в которой мы не потонем, а будем плыть, хотя вначале и страшно прыгать. Когда средневековый человек научился культуре смерти, он, конечно, достиг очень многого. Когда к умирающему приходили дети, родные и он при чтении молитв, при зажженных свечах торжественно прощался с ними, он понимал священность и важность этой минуты. Это не гнусные какие-то стены больничные, где происходит просто физиологический процесс, где смерть унижена, где ее священный характер среди этих инструментов, равнодушия исчезает. Я вовсе не говорю, что не нужны больницы, но даже в больнице возможно и нужно создание какого-то иного, священного отношения к смерти.

<...> Бог говорит: «В чем застану, в том и сужу». И тайна нашего дня и часа нам осталась неведомой. Это очень мудро, ибо человек всегда беспечен. Если бы нам говорили, что вот тогда-то это будет, мы бы откладывали, а надо — сегодня, надо понимать, что каждый день и час есть дар, есть подарок Божий и что мы сеем в вечность своей любовью, своим трудом, своим творчеством. Поэтому призыв к

созиданию и призыв к добру есть одновременно и призыв к вечности. <...>

Я знал людей, которые не боялись смерти по-настоящему. Все эти люди ощущали выполненным свой долг на земле. Они отдали все, что они могли отдать, и это создало у них такое ощущение зрелости, готовности, — как плод, который спокойно может упасть. И в свете вот этого труда, добра, творчества, самоотдачи — в свете этого мы можем говорить, что смерти на самом деле нет<...>

СУДЬБА И ЗАГРОБНЫЙ МИР У ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Из книги "Магизм и Единобожие"

<...> Величайшее всемирно-историческое значение Зевсовой религии заключалось прежде всего в провозглашении примата Света, Разума и Гармонии над Тьмой, Иррациональностью и Хаосом. В этом отношении она является прямой предшественницей учения о Логосе как разумном творческом начале во Вселенной. Но до появления этого учения было еще далеко. <...>

<...> Дух магии пронизал античную религию и пережил самих Олимпийцев. Достаточно даже беглого знакомства с особенностями греческого культа, чтобы в этом убедиться.

<...> Первобытные табу -- запреты -- были весьма распространены в Греции. Нечистыми считались покойники, гробы, оскверняло прикосновение к убитому, как и всякая пролитая кровь, будь она пролита ненамеренно или при защите, будь это кровь человека или животного. <...>

Эта паутина табу порождала конгломерат всевозможных ритуальных "очищений". Очищающей сама по себе была морская вода, перед священнодействием обтирались ею. В случае осквернения жертвенника гасился священный огонь и приносилась кровавая жертва, вероятно, иногда даже человеческая. И после этого возжигался новый огонь, взятый из неоскверненного святилища. Археология подтвердила, что этот обычай относился к микенскому времени.

<...> Весьма разнообразными были методы руководства погодой. По существу своему они не отличались от обычной первобытной магии <...>. Так, в одной местности в Аркадии бросали в воду дубовую

ветку; считалось, что после этого поднимется пар и образуются дождевые тучи.

Можно продолжать этот перечень без конца, но, думается, и сказанного достаточно, чтобы убедиться, как много в религии, названной Гегелем "религией красоты", было дикого и первобытного. Напомним, что все эти магические элементы сохранились до конца истории греческой религии и даже пережили ее. <...>

Самой грандиозной военной авантюрой ахейцев, известной в истории, был знаменитый поход на Трои.

Троя была древней прибрежной крепостью. Находясь у входа в Дарданелльский пролив, она контролировала купеческие караваны, шедшие на восток, и благодаря этому необычайно обогащалась. Ахейцам было очень выгодно захватить эту ключевую позицию. Кроме того, они были прекрасно осведомлены о несметных сокровищах, собранных за толстыми стенами Илиона. А ахейские цари были одержимы настоящей манией золота. Около 1190 года под руководством микенского царя Агамемнона сформировался союз ахейских царей, которые, переправившись через море, обрушились на Трои с превосходящими силами. <...>

Гомер не идеализирует Троянскую войну. Стараясь быть беспристрастным рассказчиком, он великолепно показывает всю ненужность, жестокую бессмысленность разгрома Трои. Гибель смелых и благородных рыцарей -- Ахилла, Патрокла, Аякса, Антилоха, обнищание страны, которую покинуло так много народа, десятилетняя осада, вконец измотавшая и осажденных и осаждавших, кровавые стычки, вопли агонии, погребальный плач и, наконец, пожар и разрушение, толпы пленных, униженных и полных отчаяния, -- вот результаты похода. <...>

В поэме Олимпийские боги с азартом следят за ходом кампании: они спорят между собой, вмешиваются в сражения, вводят в заблуждение, натравливают воителей друг на друга. Споры "болеющих сторон" на Олимпе переходят в ожесточенную брань. Только Зевс старается оставаться "над схваткой". Когда наступают решительные минуты, "промыслитель" вдруг обращается к Силе, стоящей выше его. За шумным мирком олимпийского семейства

проглядывает исполинский лик Мойры -- Судьбы. Взвешивая на ее весах участь героев, Зевс находит правильное решение.

Так выясняется, что боги, как и люди, зависят от таинственного Начала, пребывающего в вечности.

Кто же она, неумолимая Мойра? Глубоко под землей парки ткут нити человеческой жизни. Ничто не может изменить предначертаний Судьбы. Не только Зевс, но и отец его Крон были подвластны ей. Мойра -- это обезличенный и отодвинутый в запредельные сферы образ Великой Матери.

В эпоху войн и захватнических походов вера в Судьбу должна была особенно распространиться <...>, фатализм, как правило, связан с опасностями. Когда вокруг свищут стрелы и человек, который минуту назад говорил с тобой, падает в крови, чувство предопределенности всех событий необычайно обостряется. Это хорошо видно на примере последователей ислама или даже участников минувшей войны. <...>

Гомер не отдает себе ясного отчета в том, как воля богов сочетается с Судьбой. Но порой начинает казаться, что все, что он живописует: борьба, колебания, искушения, победы -- все это, включая и Олимп, лишь театр марионеток. Все заранее предрешиено в недрах Матери. <...>

Тоска и страх как бы загнаны в сферу подсознательного, но от этого они не перестают мучить и томить человека. <...>

Как мог человек спастись от этой безликой и непреклонной Силы? Ему оставалось лишь стремиться проникнуть за темные завесы предвечных решений. Угадывая веления Судьбы, он успокаивался, хотя и ненадолго.

Поэтому нигде не было так развито искусство предсказания, как в античном мире. Оракулы и гадатели были неизменными спутниками жизни и царей, и крестьян, и воинов, и торговцев. Ключ к толкованию таинственной воли богов видели и в снах, и в полете птиц, и в расположении внутренностей жертвенных животных. Мы уже говорили о знаменитейших греческих оракулах Додонском и Дельфийском. Люди были убеждены, что не в ясном "дневном" рассуждении ума открывается Судьба, а в погружении в сомнамбулический мир темных инстинктов и неосознанных чувств.

Дельфийская вещунья Пифия всходила на треножник, на котором, окутанная облаками паров, идущих из расселины, она приходила в состояние исступления. Отуманенная душа приобщалась загадочному бытию Ночи и прорекала веления Неба. В Додоне предсказательницы пили воду из опьяняющего источника. Иные вызывали души умерших, которым были ведомы запредельные тайны.

Люди шли к оракулам, вопрошая обо всем: и о своей участи, и о мелочах повседневной жизни. На табличках, которые были найдены в Додоне, мы видим самые прозаические вопросы: выгодно ли разводить мне овец? кто украл у меня подушку? действительно ли рожденный женой ребенок -- мой? и т. п. Особенно возросла популярность оракулов, когда наступила эпоха ахейских завоеваний. Сколько семей лишалось на многие годы своих отцов, сыновей, братьев! Они уходили в море навстречу опасным приключениям, неведомым землям и жестоким битвам. И многие ли из них возвращались обратно? Сколько было воинов, которые, подобно Одиссею, вопрошали духов о своем будущем!

Неуверенность всегда рождает непреодолимое желание приоткрыть завесу грядущего. В этом отношении наше время ничуть не отличается от Микенской и Гомеровской эпохи. Ведь не случайно в нацистской Германии процветала астрология, а в современной Франции действует (как говорят) более полумиллиона предсказателей.

Гибель близких становилась обыденным явлением. <...> Смерть неотвратима, удар ее окончателен, и оправиться от него невозможно. Всего способен достичь на земле человек, но он бессилён восстановить порвавшийся союз души и тела. <...>

<...> Первоначальное представление ахейцев о посмертном царстве сменяется более мрачным и безнадежным. Пути этой эволюции остаются тайной. Быть может, знакомство с Востоком, исповедовавшим унылую веру в Преисподнюю (Кур, Шеол), повлияло на изменение представлений греков о загробной жизни. Не забудем еще один факт. О чем могли свидетельствовать загадочные феномены, явления умерших, известные людям во все времена? Конечно, не о веселых пирах и охотах, которые любили живописать

на стенах гробниц. Столкновение с жутким миром, называемом на языке оккультизма астральной сферой, могло приводить нередко к самым печальным размышлениям. И прежде всего, как мы уже говорили, возникает стремление "успокоить" умершего. Для этого ему приносят жертвы, устраивают пышные похороны, а тело или предают земле, или сжигают. Последний обычай возник около эпохи Троянской войны и скоро исчез. Но важно, что основным мотивом его было "успокоение" умершего огнем. Здесь вспоминается учение индийцев о том, что кремация облегчает отрыв "внутреннего человека" от еще не совсем угасшей жизненной силы.

В том, как "Одиссея" описывает астральные призраки, каждый, кто знаком с литературой тайноведения и парапсихологии, узнает опытное знание. Погруженные в полубессознательное состояние бледные духи, как нетопыри, витают над ямой с кровью, инстинктивно тянутся к ней. Только кровь может вернуть им сознание. Они бесплотны. Тщетно Одиссеей пытаются обнять любимую мать: она ускользает от него, как туман. Тени издают жалобные стоны. Чертами из кошмарного сновидения рисует Гомер сонное царство Аида -- обиталище теней, его черные подземные бездны, выход которых -- в сумрачной земле киммерийцев, окутанной вечной ночью, где шумят воды мирового Океана. В этом скорбном мире рекут адские реки, голые мертвые деревья и бледные цветы отражаются в них. Здесь обитают чудища и казнятся преступные титаны. Даже боги страшатся клятвы именем подземных потоков. Безысходным отчаянием проникнуто сетование духа Ахилла:

Лучше б хотел я живой, как поденщик работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать...

<...> Когда читаешь описание тусклого и бессмысленного существования умерших в "Гильгамеше" или в "Одиссее", лишней раз убеждаешься в беспочвенности наивных утверждений, что представление о загробном мире родилось как самоутешение человека. Здесь есть что угодно, только не утешение! Не оно, а действительное, реальное проникновение в суть вещей -- исток учения о бессмертии духа. Но во всей полноте бессмертие раскрывалось людям не сразу. Так, соприкосновение с миром

"астральных трупов" породило картину мертвенно-сонной преисподней.

Однако это унылое представление не могло быть всеобщим и долгим. Было слишком очевидно, что неодинаковы люди и не могут быть у них одинаковые жребии. Правда, ахейцы не поднялись до мысли о нравственном воздаянии. Ведь, как мы видели, у них не было твердых понятий о добре и зле. Олимпийская религия имела в этом отношении пагубный пробел. Поэтому, естественно, среди заслуг, выдвигающих человека на первое место, оказалась доблесть. Уже Одиссей, видя в Эребе тень Геракла, знает, что сам он "вкушает блаженство" среди богов. Так древний культ героев оказывается мостом к пониманию посмертного воздаяния. Возникает учение о светлом Элизиуме на блаженных островах, куда уносятся герои. <...> С другой стороны, постепенно появляются первые робкие понятия и о загробном воздаянии за зло. Подземные духи карают за ложную клятву; пес Цербер, муки Тантала и Сизифа, описанные Одиссеем, -- все это первые символы посмертной немезиды в античном мире.

Таким образом, мы видим, что в раннегреческом обществе господствовал смутный и противоречивый взгляд на посмертное существование. <...>

ПАРАПСИХОЛОГИЯ И НЕРАЗРУШИМОСТЬ ДУХА

Приложение к книге "Истоки религии"

Парапсихология как научное исследование феноменов, выходящих за рамки обычных явлений сознания и душевной жизни, возникла сто лет назад, когда английский физик Уильям Ф. Баррет сделал первое сообщение об открытых им фактах такого рода. Однако регистрация их относится к гораздо более раннему времени.

Следует подчеркнуть, что, поскольку здесь мы имеем дело с таким сложным объектом, как внутренний мир человека, проведение парапсихологами "чистых экспериментов" было и остается крайне затруднительным. Но в достоверности их результатов были убеждены многие крупные ученые. Достаточно назвать хотя бы химика Бутлерова, физиков Лоджа, Крукса, Иордана, биологов Уоллеса и Шовена, психиатра Ломброзо. В настоящее время

существует ряд институтов и исследовательских групп в США и Европе, которые изучают парапсихологические явления.

Наиболее достоверный материал в этой области относится к явлениям телепатии, или экстрасенсорного восприятия (ЭСВ). Эксперименты с ЭСВ вызывают оживленную полемику, поскольку их итоги до сих пор не имеют абсолютно доказательного характера. Один из противников ЭСВ Ч. Хэнзел пишет: "Утверждать категорически, что результаты этих экспериментов объясняются обманом, нельзя, но нельзя и считать, что эти эксперименты отвечают целям, поставленным перед собой экспериментаторами, и что они дают окончательное доказательство ЭСВ".

Примечательно, что и материализм уже готов признать парапсихологические феномены, уверяя, разумеется, при этом, что они вполне гармонируют с его доктринами. "При всей спорности вопросов, обсуждаемых парапсихологией, -- читаем мы в "Философской энциклопедии", -- едва ли правомерно рассматривать эту область психологических исследований как враждебную философскому материализму только на том основании, что парапсихология допускает существование неизвестных еще форм чувствительности и, следовательно, возможности расширения средств познавательной деятельности, которые в конечном счете, по убеждению представителей естественнонаучного направления парапсихологии, уходят корнями в сферу чувственного познания".

У нас телепатию изучала лаборатория проф. Л. Васильева, сотрудники которой считали, что их данные вполне доказуемы. Васильев определял телепатию как "особую форму информации или общения живых существ, выражающуюся в непосредственном (то есть без посредства известных нам органов чувств) влиянии нервно-психических процессов одного существа на нервно-психические процессы другого существа".

Наряду с экспериментами фиксировались и многочисленные случаи спонтанной телепатии. Формы этого рода ЭСВ весьма разнообразны. Это -- и острое ощущение несчастья, случившегося с близким человеком, находящимся на большом расстоянии, и предчувствие надвигающейся катастрофы, и многое другое. Замечено, что одни люди бывают более способны к ЭСВ, чем другие.

Многие ученые и мыслители считали возможным привлечь ЭСВ для изучения проблемы посмертия. К этому их побудил тот факт, что среди явлений спонтанной телепатии встречались и такие, которые указывали на возможность контакта с сознанием умершего.

В качестве примера приведем случай, сообщенный Л. Васильевым. Документ, подтверждающий его, взят из архива Института мозга в Ленинграде. В нем Б.Н. Шабер сообщает:

"В декабре 17-го числа 1918 года в 8 1/2 час. утра я увидел на стене, в которую упирались мои ноги (я лежал на кровати), овальной формы светлое пятно, которое на моих глазах стало расти, превратившись в светлую фигуру девушки. В этом видении я узнал свою лучшую подругу Надежду Аркадьевну Невадовскую, находившуюся в то время в г. Петрограде. Улыбнувшись мне, она произнесла какую-то фразу, из которой я уловил только последнее слово: "...тлена". После этого фигура девушки стала как бы уходить в стену и затем исчезла. Точный мой рассказ о происшедшем был в т о т ж е д е н ь (Разрядка моя. -- А. М.) зафиксирован на бумаге и скреплен подписями шести лиц... 23 декабря 1918 года мною было получено письмо от матери Нади, Евгении Николаевны Невадовской, письмо, в котором она извещала меня о смерти Нади, последовавшей в 8 ч. 25 мин. утра 17 декабря 1918 года. Последние слова покойной были: "Боря, нет праха, нет тлена". Факт получения письма и суть его содержания зафиксированы подписями шести вышеупомянутых лиц". К этому сообщению прилагались документы, подтверждающие сообщение Б. Н. Шабером видения 17-го числа (среди подписавшихся были математик и юрист, подписи были с адресами и печатями), а также документ, подтверждающий получение письма из Петрограда от матери умершей.

Другой пример:

"Я жила в Якутске, -- сообщает учительница, член КПСС. -- В 1916 году 1 февраля у меня умер отец, незадолго до этого получивший право выезда из Якутска, куда он был сослан. 31 января мы получили от него из Иркутска поздравительную телеграмму (по случаю дня рождения моего брата). В пять часов утра я увидела сон, будто отец умер и лежит на столе... Я сказала об этом мачехе (мама у меня

умерла, и была мачеха), она меня отругала. А днем получили телеграмму, что папа в 5 часов утра скончался..."

Подобных случаев зафиксировано множество даже за небольшой срок существования парапсихологической науки. Здесь приведен в первую очередь этот -- как признанный достоверным в книге материалистического автора. Сам профессор Л. Васильев дает довольно точную обобщенную формулу таких явлений, которую можно представить в таком виде: "Если данное лицо А. умирает, то другое лицо В., связанное с ним духовными узами, может переживать чувство или получить зрительный или слуховой сигнал о случившемся".

О том, что в момент расставания с телом сознание переживает особый подъем и нередко выявляет скрытые возможности духовного видения, свидетельствует работа современного американского парапсихолога Карла Осиса. Он собрал среди 640 медицинских работников анкеты с ответами на вопрос, что переживают люди с незамутненным, здоровым сознанием в момент смерти. Ответы были поразительны. Оказалось, что более характерно для последних минут у большинства не состояние страха смерти, а особое возвышенное состояние, граничащее с экзальтацией. Иногда они видели образ духовного мира, но чаще всего -- умерших родных, который "пришли за ними". По ощущению умирающих, близкие помогают им перейти грань жизни и смерти.

Но все это еще не говорит о настоящем посмертии. Подобные факты можно истолковать как проявление ЭСВ в момент крайнего напряжения всех душевных сил. Более интересными были бы свидетельства о проявлении сознания у уже умерших, а такие свидетельства есть.

Спонтанный характер эти факты носят, как правило, в тех случаях, когда в жизни умерших имела место какая-нибудь трагедия, например, самоубийство или преступление. С этим связаны упорные легенды и предания о призраках и "беспокойных домах".

Вот характерный пример такого явления:

Один врач, путешествуя по Германии, остановился в гостинице. Ночью поднялся шум. Врач вышел и увидел смущенного хозяина, который просил его осмотреть больную женщину. Тот отправился в

указанную комнату, где собирался народ. Женщина билась в нервном припадке. "Она что-то бессвязно бормотала, порой вскакивая и пугливо озираясь по сторонам. Вдруг она остановила взгляд своих расширенных от ужаса глаз на противоположном углу комнаты. "Ja, ja, er ist da, -- кричала она, -- gehe von mir". -- "Что вы там видите, чего вы испугались?" -- спросил он ее по-немецки. "Это он! Он является сюда каждую ночь, вот уже три дня подряд, и все рассказывает мне свою страшную историю". -- "Кто такой? Кто он?" -- спросил я. "Он, он, окровавленный, страшный. Он говорит, будто 60 лет тому назад, когда на месте этого дома стояла корчма и мимо проходила большая проезжая дорога, он был убит хозяином, который зарыл его тело под этой комнатой. Он просил меня освободить его отсюда. Ему здесь душно, его что-то давит; на груди у него лежит что-то тяжелое..."

Утром женщина ничего не помнила из своих ночных переживаний. Но врач предложил хозяину вскрыть пол в комнате. Под полом была вырыта глубокая яма, в которой обнаружили разбитый кувшин с 30 золотыми и серебряными монетами старого образца, а еще глубже -- останки полуистлевшего человека (А. Лямин).

История знает также немало подобных примеров. Один из них произошел с М.В. Ломоносовым, который, возвращаясь из Германии, видел во сне отца, выброшенного мертвым на один островок, который Ломоносов знал с детства. Приехав в Петербург, он узнал, что отец пропал без вести в море. Тогда ученый послал на родину письмо с описанием острова. Сон оказался вещим. Труп отца Ломоносова был найден на указанном острове и предан земле.

Подлинный документ с этим сообщением хранился у известного историка М. Погодина и был опубликован в его книге "Простая речь о мудреных вещах".

Многие из этих случаев были тщательно проверены исследователями, и достоверность их подтверждена. Особый род ЭСВ, связанного с сознанием умершего, проявился в так называемом медиумизме, когда человек, находившийся в состоянии транса, оказывался способным воспринимать сознание другого, уже умершего. Эти факты не отвергаются и многими объективными

материалистами. Так, один из них, К. Ламонт, вынужден пытаться объяснить их по-своему.

"Происходящие явления, -- говорит он, -- это одно дело, а толкования, даваемые по поводу их в том смысле, что они будто бы подтверждают существование бессмертия -- это дело другое... Может быть, медиум погружается в великое безличное море сознания или резервуар памяти, который содержит в нетронутом виде прошлую психическую жизнь каждого индивидуума. Так же хорошо известно, что человеческие существа излучают энергию, и высказывалось предположение, что каким-то образом медиумы чувствуют и толкуют устойчивые следы человеческих вибраций, которые оставили свой отпечаток на материальных объектах. Этим можно было бы объяснить появление призраков перед особо чувствительными людьми... Или, как предполагает Г. Дж. Уэллс, может быть, есть посмертное существование фрагментов (?) личной воли и памяти...

Профессор Броуд, английский философ, предлагает подобную же теорию. Он полагает, что после смерти может существовать некий "психический фактор", прежде бывший элементом живой личности умершего. Этот "майндкинд" ("психический элемент"), так он называет его, может оказаться временно соединенным с организмом медиума, находящегося в трансе".

В этих гипотезах интересно не легкомысленное суждение о "фрагментах" сознания (будто оно есть какой-то предмет, который можно резать) и не гипотеза о "безличном море сознания", а само признание фактов ЭСВ.

В связи с этим нужно отметить выдвинутую недавно советскими учеными гипотезу, согласно которой "в процессе существования организма может формироваться его своеобразный т.н. биоэнергетический "образ", сохраняющийся в дальнейшем вне зависимости от организма, а также и после прекращения его деятельности" (А. Ромен).

* * *

Известный свет на проблему посмертия могло бы пролить описание опыта тех людей, которые пережили клиническую смерть. Обычно утверждают, что после этого состояния человек ничего не помнит и, следовательно, смерть есть конец личности. Но это было

бы равносильно утверждению, будто человек, который не помнит своих снов, действительно их не видит. Между тем известно, что это не так. Сновидения -- неотъемлемая часть сна и даже, как полагают, необходимая для его правильного течения. Следовательно, "беспамятство" тех, кто пришел в себя после клинической смерти, ничего не говорит о состоянии сознания в этот момент.

Но в то же время, подобно тому как иные люди хорошо помнят свои сны, известно и немало случаев, когда человек, вернувшийся к жизни, помнит ясно свое минувшее состояние. Приведем здесь лишь один из них, известный лично автору со слов человека, пережившего этот своеобразный опыт.

Шестидесятилетний инженер Я.А. Абрамов страдал воспалением тройничного нерва, и ему была сделана операция с трепанацией черепа.

"Операция происходила под местной анестезией, -- рассказывает Я. А., -- и я в продолжение всего времени сохранял полное сознание. Анестезирующей жидкостью мне облили бритую голову, и ее поверхность потеряла чувствительность. Я лежал на столе, притянутый к нему ремнями. Чувствовал, как профессор провел скальпелем по черепу и загнул назад, на затылок, прорезанный кусок кожи. Слышал, как отрезанная кожа коснулась ушей. Начали сверлить череп, чтобы между образовавшимися отверстиями его пропиливать. Хотя я и не чувствовал резкой боли, но состояние было очень тяжелым и нервы напряжены... Я услышал голос: "Давление крови катастрофически падает". Другой голос: "Сердце останавливается". Больше я ничего не слышал и на мгновение как бы потерял сознание... Но здесь начинаются мои собственные ощущения и переживания.

Я чувствую, что я приподнимаюсь над моим телом. Впрочем, я не прежний: я состою из какой-то прозрачной материи, как из стекла или густого воздуха, но в прежней форме моего тела. Отделившись от тела, я становлюсь на свои новые ноги. Вижу -- рядом лежит мое неподвижное старое тело со свисшей вниз рукой. Около него суетятся доктора.

От моих болей и нервного напряжения ничего не осталось. Я чувствую необычайную легкость, тишину в сердце, покой и радость.

Это было такое блаженное состояние, которое невозможно описать и которого я никогда не переживал на земле. Думаю: "Как мне теперь необычайно хорошо".

Немного постояв, я решил выйти наружу. Я прохожу через ширму и через закрытую дверь на балкон. Ничто не мешает моему движению через материальные тела. В то утро была пасмурная погода. Когда же я вышел на балкон, то вижу сияющее золотыми лучами солнце и безоблачное небо. Небо не обычное, а какое-то искрящееся лучезарными блестками. Все время переживаю какую-то особую радость и думаю: "Как здесь все прекрасно. Вот она -- вечность, здесь нет более времени". Потом я возвращаюсь назад в операционную комнату. Снова вижу свое мертвое тело и суесящихся около него докторов. Вдруг все оборвалось..."

Электрическим током сердце заставили биться, и операция прошла благополучно. Согласно протоколу операции, клиническая смерть длилась семь минут. То, что этот случай не единичный, подтверждают работы американского философа и психиатра Раймонда Моуди. Их результаты подытожены в двух книгах: "Жизнь после жизни" и "Размышления о жизни после жизни". В течение ряда лет автор опрашивал людей, переживших клиническую смерть. Из них более ста помнили свои переживания. (Отметим, кстати, что и сновидения человек запоминает довольно редко, хотя видит их каждую ночь.) Исследователя поразило сходство рассказов у людей, имевших разные профессии, вероисповедания, взгляды, характеры и оказавшихся на грани смерти в результате самых разнообразных причин. Большинство ощущало себя проходящими через какой-то темный туннель; многие отчетливо видели свое тело со стороны (как в свидетельстве Я. А. Абрамова) и помещение, где оно лежало, слышали слова медицинского персонала. Они видели умерших родных, которые, как им казалось, пришли поддержать их. Главным переживанием клинической смерти была встреча со "светящимся существом". В соответствии со своими понятиями, они называли его по-разному, но все свидетельствовали, что из этого средоточения света изливались потоки невыразимой любви и счастья. От него исходил безмолвный, но ясно воспринимаемый вопрос: готов ли человек к смерти? Иные, находившиеся в состоянии клинической

смерти дольше, видели целые миры запредельных существ. Речь в данном случае едва ли может идти о предсмертном психозе, поскольку переживание оказало стойкое положительное влияние на нравственную жизнь "воскресших". Все они перестали бояться смерти, изменили свое отношение к окружающим, осознали важность "любви и познания". Нужно подчеркнуть, что Р. Моуди исключил свидетельства людей с поврежденной психикой или испытавших воздействие наркотических препаратов.

Независимо от Р. Моуди аналогичные результаты получила еще раньше исследовательница Элизабет Кюблер-Росс.

Таким образом, новейшая техника реанимации поставила вопрос о посмертном сознании в плоскости экспериментального изучения.

<...>

* * *

В заключение нашего краткого экскурса необходимо отметить, что бессмертие (как факт духовный) устанавливается не естественнонаучным путем. Но поскольку неразрушимость "Я" может отражаться в научно познаваемой сфере, нет причин отвергать значение науки для исследования этого вопроса.

Разумеется, идея сохранения духовного средоточия личности не выводится из ЭСВ и других парапсихологических явлений. И все же, если эти явления получают окончательное гражданство в науке, бессмертие будет для нее более очевидным. Не исключено, однако, что естествознание окажется здесь перед порогом, который опытное исследование перейти не сможет. В любом случае учение о неразрушимости "Я" основывается не на науке, а прежде всего на выводах разума, интуиции, веры в свете Откровения.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ И ОККУЛЬТИЗМ

Из лекции, прочитанной 9 февраля 1990 г. в ДК им. А.С. Серафимовича

Со смущением я подхожу сегодня к этой теме, во-первых, потому, что она волнует и занимает сегодня очень многих людей, но, к сожалению, занимает не так, как хотелось бы. Во-вторых, эта тема необъятная, поэтому будут затронуты только некоторые аспекты этой серьезной проблемы. В-третьих, я боюсь разочаровать тех, кто в

порыве такого правоверного энтузиазма хочет услышать от меня анафемы или призывы, столь любезные охотникам на ведьм.

Нет, я принципиальный защитник терпимости, веротерпимости, и ко всем взглядам стараюсь относиться достаточно объективно. Поэтому я буду вам рассказывать о воззрениях, которые не разделяю, отнюдь не клеймя их и не унижая. Точно так же я, вероятно, разочарую тех, кто хочет услышать от меня, что христианство готово на какой-то синкретизм, компромисс, синтез с рядом восточных идей, которые несовместимы с ним. Одним словом, я бы хотел коснуться вопросов, которые сейчас стали актуальными, острыми, обсуждаются повсюду, волнуют людей. Но сначала -- в контексте основной нашей темы: бессмертия души.

Как мы уже с вами говорили, учение о бессмертии является характерной особенностью всех религиозных воззрений и значительной части философских систем. <...>

Среди различных концепций и различных точек зрения на формы бессмертия мы встречаем одну, получившую распространение в конце прошлого века и вот сейчас в широких кругах у нас в стране, да и в Соединенных Штатах. Это теория, которая у греков называлась "метемпсихоз", в Индии называлась "сансара", обычно называется "переселение душ", или "реинкарнация", или "реинкарнация". Когда говорят о перевоплощении, надо помнить, что этот взгляд очень редко встречается в истории духа, это своего рода исключение, потому что девяносто процентов мировых религий и философий стоит вне этой доктрины.

Она возникла в ограниченном регионе, среди определенного этнического окружения, в районе между Индийским субконтинентом и Австралией. Впоследствии, когда племена ариев пришли в Индию, около 2000-го года до н. э., они постепенно заимствовали концепцию переселения душ, но сами предки их этой доктрины не знали. Древнейший памятник религии тех времен Ригведа еще не знает теории переселения душ. И только в начале первого тысячелетия до н. э. в Упанишадах, в частности, в Брихадараньяки-Упанишаде впервые упоминается эта концепция.

Что же такое переселение душ? Это учение имеет три формы. первая форма -- та, которая имеется в древнейших текстах Упанишад.

Почему там возможно это представление? Потому что, согласно учению древних индийцев, в мире существует только Бог -- и человека нет, и никого нет, кроме Него. Только Бог рождает из Себя мироздание и снова в Себя забирает, втягивает. Подобно тому как солнце выбрасывает из себя протуберанцы, подобно тому как из океана рождаются волны, разбиваются о скалы и снова уходят в море, все явления мира возникают, рождаются из недр Божественного и погружаются в Него обратно.

Довольно условно говорить о перевоплощении каких-то душ, потому что, в конечном счете, перевоплощается не человек, а Брахман, Единое Божественное. Он входит в этот мир, и каждый из нас, согласно этой концепции, есть лишь всплеск этого Брахмана, каждый из нас единосущен Божеству, и только надо опознать в себе эту тайну и помнить, что рано или поздно ты вернешься в это состояние. Тогда будет ясно, что перевоплощение души в других людях, в животных -- это все временные этапы, все это часть грандиозных игр мирового океана, грандиозных моментов воплощения Абсолюта. В этой картине есть свое величие.

Но христианство иначе смотрит на вещи. Есть ли здесь что-нибудь общее с церковной точкой зрения? Да, несомненно, есть. Прежде всего, глубинная традиционная христианская точка зрения полностью согласна с учением <авторов> Упанишад и других философов о том, что Божественная тайна невыразима, неместима в наши понятия, что Божественное -- это то, что находится по другую сторону частных, конкретных человеческих мыслей, слов и определений. И если в Упанишадах мы находим такую мысль, что высшая божественная Личность -- Атман -- может определяться только отрицательно, что Он есть "не то, не то и не то", то же самое говорят и христианские богословы: Бог не может быть целиком и адекватно втиснут в прокрустово ложе наших земных человеческих мышлений и представлений.

Далее, христианство полностью разделяет взгляд, который проповедует Восток, о том, что духовное, безусловно, важнее материального, что духовное -- это некая высшая ступень развития бытия и что дух должен господствовать над телом, что "не хлебом единым жив человек". Здесь общность налицо.

Кроме того, в Упанишадах есть понятие "мокша" -- спасение. И это разделяет христианство. Человечество, мир находятся в страдающем, болезненном состоянии и нуждаются в избавлении, спасении, а тот, кто не отдает себе отчета в этом, тот и будет прозябать во мраке. "Мокша" в Упанишадах -- это великая жажда спасения. И я думаю, вы знаете, что христианство, которое ставит в центр своей проповеди учение о Спасителе и о спасении, конечно, является религией спасения.

Но есть здесь разница: для Востока спасение заключено прежде всего в осознании единства человека и Божества, полной тождественности. Возникли определенные методы и упражнения -- так родилась и техника йоги, -- для того чтобы это осознание в себе вызвать и реализовать. Собственно, главная беда человека, согласно Упанишадам, в "авидьи", то есть в неведении: человек не знает, что он часть Божества, частица.

Для христианства человек не частица, а творение, он не был -- и стал. Между бездной Абсолютного и нами -- относительными -- нет перехода, нет того изливания силы, которая бы превратилась в человека и мироздание. "В начале сотворил Бог небо и землю". "Небо и земля" -- символ, образ Вселенной. Не излил из Себя, не исторг из Своих недр, а сотворил: "Да будет свет", "Да произведет вода душу живую", то есть Абсолютное не рождает, а творит. Вот здесь -- важнейшее, принципиальное, качественное отличие.

Мы не единосущны Богу, мы -- творение. "Твое творенье я, Создатель, Твоей Премудрости я тварь, Источник жизни и Податель, Душа души моей и Царь", -- так говорит пророк. Когда древний боговидец Моисей спросил у Бога: "Кто Ты есть? Как имя Твое?", Он ответил: "Я Сущий, Я Тот, Кто есть. А тебя нет как бы, твое бытие рождено потому, что Я дал тебе бытие".

Согласно Упанишадам, единственным субъектом мира является только Бог. Согласно христианскому воззрению -- только Бог, Творец, и второй, "малый Бог" -- созданный Им человек. Не частица, не изливание, а новая воля, противостоящая Ему, причем свободная, способная восстать против своего Создателя, противиться Ему и если прийти к Нему, то свободно. Спасение без свободы не может осуществляться. <...>

Так вот, если учение о спасении как таковое нас роднит, то понимание спасения у нас совершенно разное. Для христианства спасение есть приобщение к Божественной жизни, но не растворение в ней. Для авторов Упанишад, для великих мудрецов Индии и тех, кто следовал за ними, высший этап спасения -- полное исчезновение личности, ибо личность человека есть временный всплеск на поверхности бытия, а на самом деле есть только одна Личность, к Которой надо вернуться, -- это сверхличность Бога.

В Евангелии мы находим совершенно противоположную точку зрения: Господь говорит о том, что душу каждого видит ангел на небе, то есть дорог Ему каждый, созданная личность абсолютно драгоценна для Творца, она не является только частью чего-то. Вот какое огромное различие!

Итак, в брахманизме, в Упанишадах перевоплощение возможно потому, что Абсолют как бы входит в этот мир и играет в нем, играет, превращаясь в людей, зверей, растения и так далее. Но потом он должен вернуть все обратно.

Есть в Индии другой вид учения о перевоплощении -- буддийский, созданный в рамках великой религиозно-философской системы, основанной Гаутамай Буддой. Это пессимистическое воззрение. Согласно учению Будды, личности не существует. Личность -- это "скандха", это сумма некоторых элементов, которые потом продолжают существовать, но как таковая личность исчезает. Перевоплощение в буддизме, строго говоря, является лишь данью традиционным индийским взглядам, а в действительности, как подчеркивает один из крупнейших наших буддиологов Отто Розенберг, перевоплощаются лишь те элементы, дхармы, которые когда-то из состояния покоя были выведены, и вот они входят в мир, создают людей, мир, души. Потом это распадается, но зло, сотворенное людьми, переходит в следующее воплощение. Того человека уже нет, но его зло, его болезнь идут из поколения в поколение. И самое великое счастье -- <...> прекратить этот поток бесконечных возвращений. Спасение для буддизма -- в том, чтобы пресечь жажду жизни, "тришну", в том, чтобы выйти за пределы этого тяжкого бытия. Поэтому, в конечном счете, буддизм является учением о развоплощении.

Христианство есть учение о воплощении, о том, что Бог приходит в этот мир, и Он освящает небо, и землю, и звезды, и плоть человека. Воплотившийся становится одним из нас, и кровь человеческая струится в жилах Богочеловека. Личность не разрушается, разрушается в ней только зло. Но если разрушается зло -- это становится колоссальной опасностью для личности, ибо чем больше зла в личности, тем меньше от нее останется, выражаясь образно. Ибо все должно пройти через огонь. Естественно, речь идет об огне не физическом. Входя в атмосферу земли, метеорит накаляется и сгорает. Входя в атмосферу миров иных, в душе сгорает все злое, все темное, все черное, и полнота бытия человека в посмертии в значительной степени зависит от того, сколько, выражаясь опять-таки метафорически, останется после этого сожжения.

И, наконец, мы имеем третью модель учения о перевоплощении -- эволюционистскую модель, которая развилась в конце XIX века. Это модель теософская. Она игнорирует буддийский пессимизм, она построена не на научном оптимизме и прогрессе XIX века. Возникла эта модель в теософском движении и в его ответвлениях, направленных на все таинственное и в высшей степени связанных с интересами людей. <...>

Теперь я <...> расскажу об истории теософского толкования перевоплощения.

В конце прошлого века распространение вульгарного материализма в Европе привело к заинтересованности многих слоев общества в таинственных феноменах, спиритизме, оккультизме, суевериях. И вот в 70-х годах прошлого века возникло теософское движение (от слова "теософия" -- божественная мудрость). Основали его русская путешественница и писательница Елена Петровна Блаватская и группа ее приверженцев, в частности, полковник Олькотт.

Жизнь Елены Петровны -- это приключенческий роман, хотя в ее биографии много неясностей. Это была, безусловно, выдающаяся, одаренная женщина -- оккультно одаренная: у нее были элементы ясновидения, она активно занималась спиритизмом. Ее очень рано выдали замуж за генерала Блаватского, от которого она быстро сбежала, много странствовала и в конце концов основала в Америке

это общество. Потом они перебрались с Олькоттом в Атьяр -- это в Индии, предместье Мадраса, и там основали всемирное общество. Девизом общества было: "Нет религии выше истины".

В задачи общества входило исследование восточных и мировых религий, борьба за братство всех религий, в конечном счете цель -- это соединение всех религий в одну. И, в частности, изучение различных феноменов оккультных, развитие в людях способностей йогических и так далее. Надо сказать, что успех Елены Петровны был недолгим, уже в пожилые свои годы она чувствовала одиночество и неудачи. Об этом очень ярко пишет один из ее бывших сподвижников писатель Всеволод Сергеевич Соловьев.

Они познакомились в Париже и много лет встречались, переписывались. Когда Блаватская умерла, он написал довольно подробные документированные воспоминания, которые называются "Современная жрица Изиды". Надо сказать, что он проявляет к ней явную симпатию, хотя и обвиняет во всевозможных мошенничествах и попытках создать феномены там, где их нет. Даже если незначительный процент того, что Соловьев пишет, правда, это, конечно, горько читать и сознавать. Я читал произведения Блаватской, они написаны очень интересно, но, к сожалению, там много спорного.

В частности, увлекательная книга "Пещеры и дебри Индостана", с точки зрения современного индолога, просто невежественна. Многие Елена Петровна идеализировала, много и фантазии в ее рассказах. В общем, к ним надо подходить очень осторожно. Другая ее книга, "Тайная доктрина", была опубликована на русском лишь частично. Это невероятная мешанина из надерганных отовсюду безо всякой системы сведений, пятьдесят процентов их сегодня уже устарело. Часть этой книги была напечатана в журнале "Наука и религия" в 1988 году. Основная идея книги заключалась в том, что всегда была только одна религия, она тайно передавалась какими-то адептами, а все, что мы имеем многообразного, -- это уже выдумки жрецов, которые морочили людям голову. Теософия на том и стояла.

Главное, что сохранила Блаватская из учения Индии, -- это учение о перевоплощении. Как она его излагала? Как форму самоспасения мира, как развитие каждого из нас через различные тела. Человек

благодаря закону возмездия, закону кармы, в следующем своем воплощении получает возмездие за то, что он совершил плохого в предыдущей жизни, и дальше, и дальше, и дальше за ним идут его дела, добрые и злые. Тем самым, переходя из тела в тело, как из квартиры в квартиру, человек очищается, во всяком случае, может очиститься и может достичь некой высоты.

Мы скажем без всякой утайки: христианство не может принять этой теории самоспасения. Во-первых, потому, что для него личность -- это цельное: не может быть личности, которая потом живет в другом месте, в другом теле. Тело -- это не гостиница, это нечто таинственное, связанное с нами навсегда. И у человека, как учит Церковь, есть духовное тело, невидимое тело, которое с ним связано полностью; как бы ядро и зерно всего нашего существования -- душа и тело вместе. Интересно, что некоторые люди, которые пережили посмертный опыт, видели подобие какого-то тела полупрозрачного, как стекло. Святитель Игнатий Брянчанинов специально собирал свидетельства Отцов Церкви о существовании этого "сома пневматикон", тела духовного у человека. Это духовное тело может впоследствии получить совершенно иную жизнь.

Кроме того, в учении Блаватской фактически отрицалось уникальное значение Иисуса Христа для нашего спасения. Она писала одному человеку, что верит в Христа, но только не в исторического, не в Иисуса Назарянина, который жил в Палестине, а космического, который есть один и тот же: и Кришна, и Будда, и другие великие учителя. Движение Блаватской вероятно бы заглохло, если бы в конце ее жизни к ней не присоединилась другая замечательная личность, на сей раз англичанка, Анни Безант (она умерла в 33-м году). Жена англиканского пастора, она разошлась с ним.

Она несла в себе глубокий протест против сухости и фарисейства английского благочестия и бросилась в объятия социалистов. Это была энергичная женщина, очень талантливая, и она почувствовала, что задыхается в этой политической кухне. И она искала выход. Судьба свела ее с Блаватской. И Анни Безант пишет в автобиографии, что когда она вошла к Елене Петровне, то сразу почувствовала, что выход найден. Елена Петровна после краткой беседы спросила: "Не

хотите ли присоединиться к нам?" -- "И мне, -- пишет Анни Безант, -- захотелось поцеловать край ее одежды". Так изболелась душа по чему-то духовному. И она сразу бросилась в объятия теософии, "божественной мудрости".

Теософское движение перешло в Россию в начале нашего столетия. Первое теософское общество было открыто в Калуге, и местный священник отслужил молебен на его торжественном открытии. В Калуге уже был Циолковский, он все это воспринял довольно чутко, недаром у него были такие книги, как "Нирвана". В Калуге же печатались главные теософские работы в России, было издано очень много как произведений Елены Петровны Блаватской, так и других женщин, которые были инициаторами движения.

Надо сказать, что в теософии господствовали женщины: Каменская, Писарева и другие. И вот этим прекрасным женщинам все более и более хотелось, чтобы наконец совершилось еще одно воплощение Христа. Поскольку они были уже убеждены, что Он неоднократно воплощался, то почему бы Ему не воплотиться теперь, в XX веке? И как бы проявив нетерпение некоторое, они захотели приблизить это великое событие. Они уверили себя и потом других, что вот этот Божественный Учитель воплотился в индийском мальчике, принявшем имя Альцеон (индийское имя его было Джибту Кришнамурти).

В 12-м году, когда начались по всей Индии, Англии, Америке собрания теософского общества, которое провозглашало, что через Кришнамурти говорит Сам Небесный Учитель, самому Кришнамурти было около двадцати лет. Я помню его фотографию (он умер совсем недавно, лет восемь тому назад, в Америке). Это был прекрасный индийский юноша, в белой тоге, с длинными волосами, и... были цветы, музыка, и Учитель Небесный говорил через него. На самом деле, как отмечает Всеволод Соловьев, теософское движение превратилось с пропаганду, а пропаганда -- это уже что-то такое... В пропаганду модернизированного вида буддизма, очень далекого от настоящего буддизма, с явным антихристианским уклоном. Правда, Анни Безант старалась этот антихристианский уклон как-то сгладить.

И вот в 1912 году была произведена первая попытка изменить курс теософии. Немецкий специалист по Гете, филолог Рудольф

Штайнер вышел из теософского общества в знак протеста против этого Кришнамурти и создал другое общество -- антропософское. (Штайнер умер в 26-м году.) Антропософская доктрина была попыткой христианизировать теософию: опираться не на индийский, а на христианский опыт. И многое в этом отношении было Штайнером сделано, и много было достижений. Его горячим приверженцем был русский поэт Андрей Белый, очень высоко его ставил Максимилиан Волошин, его жена Маргарита Васильевна Сабашникова потом стала горячей штайнерианкой и, покинув мужа, уехала туда, где жил Штайнер и его группа. Сейчас мы не будем удаляться в эту сторону, я все это отметил только для того, чтобы сказать, что Штайнер сохранил перевоплощение как принцип эволюции. Более того, оно стало для него как навязчивая идея: перевоплощаются люди, животные, земля, луна, Юпитер, все планеты, солнце... Штайнер был замечательный человек -- великий организатор, художник, музыкант, оратор, много писал. О нем есть великолепные воспоминания Андрея Белого, недавно их издали на Западе. Рудольф Штайнер писал, что, познавая сверхчувственные миры, мы можем получить такие же объективные сведения, как будто мы были в путешествии по Гренландии или где-то еще. Сравнение неудачное, потому что в Гренландию можно попасть, ее можно сфотографировать, измерить, и с вами ничего не произойдет, разве только что замерзнете немножко. Между тем, соприкосновение с духовными мирами для человека не может пройти безнаказанно, без последствий.

<...> Штайнеру не удалось приблизить теософию к христианству, потому что для него в его видениях, так сказать, Христос стал Богом, исходящим с Солнца, солнечным Божеством. Это, так сказать, локальное планетарное явление, конечно, не может быть сопоставимо с тем, что мы открываем в Евангелии.

Другой вариант попытки приблизить теософию к европейскому сознанию был предпринят другой замечательной русской женщиной, Еленой Ивановной Рерих. Елена Ивановна тоже была необычайно склонна к буддизму. Женщина необыкновенных талантов и жизнеутверждения, она с мужем проделала колоссальное путешествие, она любила природу, человека, жизнь. Восток ее и

Рериха как-то гипнотизировал, они всегда оба воспринимали Азию в какой-то романтической дымке. Когда смотришь на волшебные полотна Рериха-отца, то думаешь, что, наверное, таких пейзажей нет в природе, это все его видения, но чудные видения. Но как быть, как приблизить?

Они путешествовали в 20-е годы. Мир в то время шел к "светлому будущему" -- коммунизму, и казалось, что это-то и есть "то самое". И тогда Елена Ивановна пишет книгу, небольшую, -- "Основы буддизма", в которой пытается доказать, что марксизм и буддизм -- это почти одно и то же. Анонимно печатает книгу в Улан-Баторе, ее распространяют по Верхнеудинску (в Улан-Уде). Когда я там был, мне рассказывали, что это все ламы придумали буддийские, чтобы как-то, так сказать, найти общий с большевиками язык. Никто не знал, что это идея Елены Ивановны. Они с мужем путешествовали по Гималаям и привезли оттуда в Москву в конце 20-х годов ларец с посланием индийских махатм, то есть великих мудрецов.

Надо сказать, что еще Елена Петровна Блаватская всегда ссылалась на некоторые указания таинственных мудрецов, которые с Гималаев ей подавали сигналы. Эти махатмы передали Советскому правительству текст, в котором одобрялось и разрушение церквей, и разрушение культуры -- разрушение старого мира во имя какого-то светлого будущего. Когда я читал этот текст -- вы можете его найти в биографии Рериха, изданной в серии ЖЗЛ, -- то меня, признаться, передернуло... Если это махатмы, то какие-то очень сомнительные махатмы. Шамбола с коммунизмом сливались в одно целое. Все это было страшной эклектикой. Необычная каша, потому что, с одной стороны, -- политический миф, с другой стороны, -- народные легенды, с третьей -- какие-то непроверенные слухи о каких-то обитателях Тибета. Все это, конечно, питало воображение, захватывало, играло на чувствах... Таинственность <...> привлекала.

В своих книгах, которые Елена Ивановна называла Агни-йога, она пыталась активную христианскую этику внедрить в восточный созерцательный мистицизм. Когда читаешь ее писания, писания Блаватской, Кришнамурти, Анни Безант, то невольно приходишь к выводам, к которым пришел известный русский философ Борис Вышеславцев (он умер в Париже, в эмиграции. Надеюсь, что он скоро

вернется на родину в своих книгах). Он писал, что надо знакомиться с Востоком по его подлинным древним памятникам, не нужны переделки, которые имеются в теософии. Это почувствовал и сам Кришнамурти, тот юноша индийский, которого хотели сделать новым мессией. В 29-м году он порвал с теософским обществом, уехал в Соединенные Штаты, где стал религиозным писателем пантеистического толка, что, в общем, в Америке всегда было любезно.

Итак, мы можем сказать, заключая этот очень беглый обзор, следующее. <...> Для христианского сознания уникальность каждой личности исключает идею странствия душ, но для христианского сознания остается очень важным учение о перевоплощении совсем в другом смысле. В каком? Христос говорит нам: "Если человек хочет идти за Мной, он должен отказаться от себя, отдать себя и взять свой крест".

Уметь перевоплотиться в другого человека не метафизически, а нравственно, через любовь и сострадание, через умение выйти из тюрьмы и клетки собственного "я", чтобы <...> сопереживать другому человеку, слиться с ним, не потеряв при этом своего "я". Ибо тот, кто отдает себя, тот и приобретает. Перевоплощение как бы приземляет, делает вещественной идею бессмертия души. Между тем, тайна здесь выходит за пределы земного существования, речь идет не о повторях, а о непрерывном развитии человеческой личности, и, сколько бы ни было миров, человек развивается в каждом. Ведь мы на самом деле берем отрезок нашего земного бытия только как момент развития, потому что человек -- могущественное и священное создание.

И вот этот наш "пробег" по миру является важным элементом нашего вечного духовного развития и раскрытия. Для этого не нужно иметь несколько жизней, каждый может выполнить то, что он задумал, в этой жизни. <...>

О ПЕРЕВОПЛОЩЕНИИ

Из приложения к книге "У врат молчания"

За последние сто лет неоднократно возникали попытки построить религиозную систему, которая включала бы в себя все или

большинство верований человечества. Таковы, например, учение Толстого, идея "религии духа" у Радхакришнана, теософская доктрина или концепция "Розы мира" у русского поэта и окултиста Даниила Андреева.

Эти попытки, как правило, игнорируют глубокие и принципиальные различия между религиями, но само по себе стремление найти нечто общее в духовных прозрениях человечества вполне оправданно. Думается, однако, что нет никакой нужды измышлять некую искусственную "панрелигию", когда возможность универсального синтеза уже заложена в христианстве. Будучи завершением долгого пути богоискания, оно органически включает в себя многие духовные ценности предшествующих ступеней религиозно-исторического процесса. И это относится не только к Ветхому Завету, вере Израиля, но и к внебиблейскому миру, в том числе к индийскому кругу идей. Христианство не может относиться к этим учениям исключительно негативно. Помимо многих второстепенных черт сходства, мы находим в индийском мирозерцании пять существенных принципов, которые роднят его с христианским видением Бога, мира и человека. В самой сжатой форме эти пункты могут быть выражены следующим образом:

1) Апофатизм -- учение о том, что высшая Реальность в своей последней глубине непостижима и неопределима. Это учение было впервые ясно провозглашено Упанишадами и нашло свое выражение в буддизме (ибо Нирвана <...> в конечном счете есть не что иное, как обозначение Абсолюта); оно разделяется библейской традицией (понятие о "кадош Ягве") и Отцами Церкви.

2) Отрицание высшей ценности земных благ недвусмысленно утверждается Евангелием, хотя и не носит там столь крайней негативной формы, как в индийских религиях.

3) Признание высокого достоинства личной аскезы в духовной жизни. Эта сторона религиозной этики развита в опыте и учении христианских подвижников (традиция Добротолубия).

4) Понятие о карме, которое в самом общем виде сводится к тому, что все действия, совершаемые человеком в земной жизни, не могут оставаться без последствий, а влекут соответствующее воздаяние.

Христиане именуют это учение верой в нравственный миропорядок, или правду Божию (библейское понятие "эмет").

И, наконец, 5) понятие о спасении как главной цели религии, нашедшее столь сильное выражение в буддизме, является одним из краеугольных камней Библии.

Невзирая на то что в Индии эти пять принципов нередко принимали весьма далекие от христианства очертания, они тем не менее составляют прочный мост, соединяющий восточный религиозный опыт с Евангелием.

К указанным пунктам иногда пытаются присоединить шестой -- доктрину перевоплощения, или реинкарнации. Существуют ли для этого основания? Действительно ли христианство может и должно принять догмат реинкарнации как составную часть своего взгляда на посмертную судьбу человека? Таков вопрос, которому посвящен предлагаемый очерк. Менее всего он претендует на полноту освещения; автор намечает лишь самые общие, предварительные контуры проблемы.

1. Аспекты теории

Теория перевоплощения не представляет собой чего-то единого. Мы встречаем ее в трех аспектах, или формах: брахманской, буддийской и теософской (или популярной).

1) В понимании брахманизма сансара <...> неотделима от признания единосущия "я" с "Я" вселенским. Это учение кардинально отличается от библейского. Последнее не только настаивает на трансцендентности Божества (что является аксиомой в индийских религиях), но и утверждает онтологическую нетождественность Творца и творения.

С другой стороны, Упанишады, в сущности, не говорят о перевоплощениях личных "я", ибо личные "я" -- лишь всплески единого Атмана. Именно он, а не кто другой, входит в мир, дробясь на индивидуы, с тем чтобы в конце концов вернуться в изначальное нерасчлененное Единство. Верховное начало, Брахман (он же Атман), является, по словам ведантистского философа Шанкары, "вечным зрителем того, что происходит в трех временах (настоящем, прошедшем и будущем)".

Здесь также выявляется существенное различие между индийским и евангельским пониманием личности. В христианстве каждая личность, хотя и не является "частицей" Абсолюта, а только -- тварью, обладает безусловной ценностью. Это ясно выражено в притче Христа о Пастыре, разыскиющем одну пропавшую овцу (Мф 18, 12). Для брахманизма и Бхагават-Гиты личность, в силу ее тождества с Абсолютом, сама по себе теряет ценность.

Этим тождеством, повторяем, фактически сводится на нет сама идея перевоплощения конкретных личных "я", ибо в космических циклах есть только одно действующее Начало: Атман-Брахман.

2) Согласно буддийской теории, личность есть не субстанция, а лишь известное сочетание дхарм. Такая скандха есть, строго говоря, только обманчивый феномен. Скандхи образуют нечто подобное океанским течениям: они несутся в безначальном бытии, и их движение определяется законом кармы. Личности здесь нет.

Приведем <...> слова О. Розенберга о буддийской теории перевоплощения: "Не какая-либо "душа", -- говорит он, -- переходит из одного тела в другое или из одного мира в другой, а... один и тот же внеопытный комплекс дарм, проявляющийся в данное время как одна личность-иллюзия, после определенного промежутка времени проявляется в виде другой, третьей, четвертой и т.д. -- до бесконечности. Следовательно, ничего, собственно, не перерождается, происходит не трансмиграция, а безначальная трансформация комплекса дарм, совершается перегруппировка элементов-субстратов, наподобие того как в калейдоскопе те же частицы группируются в новые, более или менее похожие друг на друга фигуры".

Из этого, по словам известного буддолога А. Пятигорского, вытекает идея "об отсутствии памяти как у конкретного живого существа (отождествляемого в буддизме с отдельным потоком сознания) -- о "начале" психического процесса (то есть самого себя), так и у мира живых существ -- о начале своего существования".

Но если так, то следует признать, что с человека снимается нравственная ответственность за предшествующие состояния потока дхарм; сохраняется лишь неведомое простым смертным проявление слепых кармических законов. Между индивидами, на время

образованными одним и тем же потоком, нет, по сути дела, никакой живой связи.

Типологически буддийское учение о сансаре близко к брахманскому: в обеих версиях нет места личности, а есть лишь "воплощения" некоего внеэмпирического целого (Брахмана-Атмана или потока чистых непроявленных дхарм). И тут и там перед нами чисто философские гипотезы, пытающиеся объяснить феномен человеческих судеб.

Увязать эти теории с христианским подходом к личности, посмертию и воздаянию едва ли возможно, невзирая на то что Евангелие не дает никакой разработанной доктрины о составе человека и его "я".

В Церкви существует несколько равноправных концепций относительно природы человека, но единственное, что является для нее безусловным, -- это признание за личностью субстанциальной цельности и духовной ценности, ибо она создана по образу и подобию Творца. Об этом говорят слова Христа, относящиеся к "малым сим" и "меньшим братьям". Именно ввиду этого высокого достоинства личности на вопрос, можно ли включить в евангельское мирозерцание доктрину сансары в ее брахманском и буддийском вариантах, мы вынуждены дать отрицательный ответ.

3) Но те, кто все же пытается соединить Евангелие с перевоплощением, исходят, как правило, не из классической индийской метафизики, а из популярного понятия о перерождении, которое было широко распространено в Индии и оттуда заимствовано оккультными и теософскими школами XIX и XX вв. Речь идет о неоиндуистском оккультизме, о теософии Блаватской--Безант и антропософии Рудольфа Штейнера. Они действительно в прямом смысле исповедуют доктрину о многократных воплощениях индивидуальной души.

Одной из характерных черт этих учений является также попытка соединить теорию сансары с эволюционной. Они усматривают в реинкарнации восхождение истинного "я" к высшим ступеням. "Бессмертная суть человека, -- утверждает один из этих авторов, С. Чаттерджи, -- проявляясь на низших планах вселенной, проходя через длинный ряд изменяющихся личностей, то мужских, то

женских, развивает в себе -- благодаря разнообразию приобретенных опытов -- два ясно различимые вида добродетелей. Все добродетели более мужественные, более энергичные, как храбрость, смелость, развиваются во время мужских воплощений. Добродетели более мягкие, нежные и в то же время более глубокие и сильные -- плод женских воплощений".

Свойственная человеку приземленность духа препятствует ему вообразить реальность каких-то иных измерений бытия, поэтому теософская теория реинкарнации привлекает многих тем, что таинственное и трудно представимое посмертие вводится ею в рамки привычного и осязаемого. К тому же в свете этой доктрины тайны жизни якобы становятся объяснимыми и понятными. "Мрак неизвестности, -- утверждает Леон Дени, -- рассеивается перед доктриной о многочисленных существованиях. Существа, которые отличаются от других своей интеллектуальной силой или добродетелями, более жили, более работали, приобрели более опыта, более глубокие свойства и познания". Особенно соблазнительна простота, с какой тут решается вопрос о причинах страданий и одаренности. Легко может показаться, что адепт учения о реинкарнации получил в руки ключ от всех загадок бытия. И поэтому справедливо замечание Бердяева, считавшего, что "популярность теософии и антропософии связана именно с учением о перевоплощении".

Отсюда понятно, почему все учителя "тайноведения" делают особое ударение на реинкарнации. Сквозь ее призму рассматривается и история духа, и само мироздание. Так, антропософия распространяет перевоплощение на планетарную эволюцию: перевоплощаются уже не только люди, но и все живые существа, и земля, и луна, и солнце.

Если принять такую универсальность реинкарнации, то следовало бы ожидать, что это учение исповедуют приверженцы многих или, по крайней мере, основных религий. Для теософов это особенно важный аргумент, так как они учат о единой истине, содержащейся во всех верованиях мира. "Идея Кармы и Перевоплощения, -- говорят они, -- составляет основу морали во всех древних св. писаниях Востока". Поэтому необходимо подробнее

остановиться на этом утверждении и проверить, насколько оно соответствует действительности.

2. Реинкарнация и религии мира

Известный теософский писатель Эдуард Шюре в своей книге "Великие посвященные" проводит ту мысль, что все основатели религий были провозвестниками одной и той же истины. Более того, нередко можно слышать утверждение, будто Моисей и Кришна, Будда и Христос являются "аватарами", воплощениями единого духовного существа. "Тот, кто есть Кришна, в то же время -- и Шива, и Божественная Мать, и Христос, и Аллах" (Провозвестие Рамакришны).

Встанем на эту точку зрения, сколь бы спорной она ни представлялась. Приняв ее, естественно было бы ожидать, что в таком кардинальном вопросе, как посмертная участь человека, религиозные вожди и учения являют единодушие. Пусть с разными оттенками и с разной степенью приближения, они должны были бы учить о реинкарнации или хотя бы содержать прямые намеки на нее. Так, например, истина монотеизма, открытая в Ветхом Завете, в той или иной степени брезжила и в других религиях цивилизованных и "примитивных" народов.

Но теория перевоплощения находится в совершенно ином положении. Религии Шумера, Египта, Вавилона, Хетты, Ассирии, Финикии, Ханаана, Ирана, Рима и Китая ничего не знают о реинкарнации. Мы слышим о райской стране египтян Ялу, об обителях умерших: Куре, Шеоле, Аиде, Елисейских полях, но о перевоплощении или хотя бы о возможности его древние тексты этих народов не говорят ни слова.

Это, разумеется, не могло не смущать теософов и побуждало их тщательно выискивать в древних учениях хотя бы малейший намек на свою излюбленную теорию. Результаты их поисков оказались поистине ничтожными. Так, они ссылаются на слова Геродота, считавшего Египет родиной доктрины метемпсихоза. Однако египтологи установили, что Геродот ошибочно истолковал некоторые египетские тексты. В 76--88-й главах Книги Мертвых упоминается о том, что душа во время своих загробных скитаний превращается в различных животных: барана, крокодила, ястреба. Но указанные существа в глазах египтян были воплощениями богов, и

превращение в них людей есть не инкарнация, а обожествление, вхождение в блаженную жизнь. Таким образом, как говорит Ланге, "мы ни в коем случае не должны видеть в этом странствия души". Среди многочисленных памятников религиозной письменности Египта, касающихся посмертия, мы не находим ни одного указания на веру в переселение душ. Всюду говорится лишь о загробном мире, о суде над душой и о ее странствиях в потусторонних обителях. Более того, египтяне связывали бессмертную часть человека с ее материальной оболочкой -- отсюда мумификация, статуэтки-двойники и особенно тщательная забота о гробницах. Все это было бы бессмысленно при вере в перевоплощение.

Кроме египетской религии пытались найти учение о реинкарнации и в Ветхом Завете. Полагали, что о нем свидетельствует несколько мест Библии.

Так, Бог, посылая на проповедь пророка Иеремию, говорит ему:

Прежде, нежели Я образовал тебя во чреве,

Я познал тебя (то есть возлюбил, избрал для себя -- А. М.),

И прежде, нежели ты вышел из утробы,

Я освятил тебя (то есть сделал посвященным Богу -- А. М.).

Иер 1, 5.

Но, как явствует из текста, речь здесь идет вовсе не о перевоплощении, а о божественном предведении: Бог предназначил Иеремию к служению еще до того, как тот родился.

В псалме 89 мы читаем:

Ты возвращаешь человека в тление

и говоришь: возвратитесь, сыны человеческие!

В этом также усматривали намек на реинкарнацию. На самом же деле приведенные слова лишь перифраз другого библейского изречения (Быт 3, 19), касающегося смертности человека, который, умирая, "возвращается в землю".

Далее, в книге пророка Малахии есть такие слова Божии: "Вот Я пошлю к вам Илию пророка перед наступлением дня Господня, великого и страшного" (Мал 4, 5). Однако и здесь напрасно видят указание на перевоплощение. Из Библии явствует, что в Израиле существовала вера в то, что пророк Илия не умирал, а был взят Богом

с земли. О вторичном явлении пророка перед Судным днем и говорит текст пророка Малахии.

Итак, все усилия найти в Ветхом Завете учение о реинкарнации оказались тщетными. Нет его и в ортодоксальном иудействе послехристианского периода. Так, в Талмуде развивается учение, близкое к мнению Отцов Церкви, относительно того, что вплоть до всеобщего воскресения сохраняется некая связь души с элементами распавшегося тела.

Сложнее обстоит дело с греческой религией. В отличие от верований Китая, Рима и Передней Азии, она действительно в некоторые периоды и в некоторых школах признавала метемпсихоз. Но, как справедливо подчеркивал С. Франк, вера в переселение душ среди греков "была всегда лишь случайным и исключительным явлением".

В ахейскую и гомеровскую эпохи мы не обнаруживаем еще никаких следов учения о метемпсихозе и даже вообще о воздаянии; посмертная судьба человека не связывается с его поступками. Царям и героям сооружают гробницы, полагая, что участь могучих и смелых после смерти будет более счастливой. Постепенно появляется представление о блаженной стране, где живут "герои", избегшие преисподней. Но для большинства людей единственным концом оставалось пребывание в царстве Аида, откуда нет возврата.

Около VI в. до н. э. в Греции распространяется экстатический культ Диониса, в котором впервые явственно звучит мотив бессмертия души. Теософия Орфической секты питалась духом и идеями дионисизма, и в ней уже вполне недвусмысленно принимается метемпсихоз. Орфизм развивается в учение Пифагора, которое давно поражало исследователей сходством с индийскими учениями. Пифагор проповедует "неубиение живых существ", тело именуется гробницей, "вспоминает" свои прежние жизни, как Будда, современником которого он был. Существовали легенды, согласно которым Пифагор побывал на Востоке и принес оттуда свое учение. В связи с этим нередко высказывалось предположение, что метемпсихоз пифагорейцев есть прямое заимствование из Индии.

Вне всякого сомнения, Платон склонялся к метемпсихозу под влиянием пифагорейской теософии. Но уже Аристотель отказался от

идеи переселения душ, и после него она надолго исчезает из греческого мышления. Только тогда, когда началось прямое проникновение восточных религий на Запад, когда буддийские миссионеры пришли в Афины (III в. до н. э.), доктрина реинкарнации вновь появляется на свет, на этот раз уже в теософии гностиков. Один из основателей этого учения, Аполлоний Тианский (I в. н. э.), путешествовал в Индию и беседовал с брахманами.

Но и в эту эпоху, как и в классическую, доктрина метемпсихоза не получила большого влияния в античном мире и редко выходила за пределы узких философских кругов.

* * *

Для теософии было в высшей степени важным найти указания на реинкарнацию в Евангелии. Единственным местом в нем, которое, на первый взгляд, может быть истолковано в этом смысле, являются слова Христа об Иоанне Крестителе: "Если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти" (Мф 11, 14).

Но, во-первых, как мы говорили, Библия понимает здесь не реинкарнацию Илии, а явление неумиравшего пророка. Во-вторых, сам Иоанн отрицал свое тождество с Илией (Ин 1, 21). В-третьих, приведенные выше слова Христа имеют совершенно иной смысл: согласно пророчествам, пришествие Мессии должно быть предварено появлением пророка Илии, призванного помазать Избавителя на служение. Этот аргумент книжники выставляли против мессианского достоинства Иисуса. Поэтому Христос и указывает на Крестителя-Предтечу как на пророка, выполнившего миссию Илии. Кроме этих слов, в Евангелии нет больше ни одного изречения, которое могло бы дать повод к истолкованию в духе учения реинкарнации.

Теософия признает Христа великим учителем человечества. Но она не может объяснить, почему в таком случае Он не только ничего не говорил о странствиях душ, но и указывал на единичный характер жизни каждого человека на земле (ср.: Лк 16, 19). Для теософов так и остается непостижимой загадкой, как могло Евангелие умолчать о перевоплощении. Апостол Павел, например, говорит о трансформации цельного человеческого существа в конце мировой истории, но не о метемпсихозе. Он учит не о смене тел, но об

изменении самой природы тела: "Сеется тело душевное, восстает тело духовное" (1 Кор 15, 44). А в Послании к евреям прямо сказано, что "человекам положено однажды умереть" (Евр 9, 27).

Один из первых христианских богословов Афинагор (II в.), продолжая библейскую традицию, решительно отклоняет платоновско-спиритуальную антропологию. Для него человек -- это не только "душа", но -- целостное существо, в состав которого входит и телесная природа. Залогом бытия человека в вечности он считает не бессмертие лишь души, а воскресение, то есть возрождение человека как многопланового создания. "Если нет воскресения, -- говорит он, -- то не останется природа человеков как человеков". Разумеется, будущее тело Афинагор не представляет как точное повторение тленного тела. Оно соответствует особому просветленному состоянию материи: это -- "сома пневматикон", тело духовное, по терминологии апостола Павла. Естественно, что учение о восхождении человека в вечность несовместимо с теорией метемпсихоза, которая решительно отделяет телесную природу человека от духовной.

Теософия ссылается на учителя Церкви Оригена для доказательства того, что в первые века своей истории христианство принимало идею реинкарнации. Но на самом деле Ориген высказывал лишь предположение о том, что до рождения души предсуществуют в высших сферах. Это мнение Ориген не считал догматическим и выдвигал его лишь как частную гипотезу. Как бы ни оценивать подобную гипотезу, ее нельзя отождествлять с метемпсихозом, против которого Ориген высказывался довольно ясно.

Это неприятие реинкарнации, вытекающее из христианского видения целостного человека, было свойственно и всему святоотеческому богословию эпохи Вселенских Соборов. Так, св. Григорий Богослов мнение о том, "будто бы душа постоянно меняет разные тела, каждое сообразно прежней жизни", считал "пустой книжной забавой".

И в заключение остается добавить, что и последняя по времени мировая религия, Ислам, так же как и христианство, не признает теории переселения душ.

Таким образом, мы убеждаемся в том, что среди "исторических" религий (если не считать некоторых частных направлений греческой мысли) доктрина реинкарнации исповедуется только религиями Индии.

Но и в Индии она заявила о себе сравнительно поздно и далеко не сразу стала всеобщей. Ее не было у древних арьев, по воззрениям которых души праведных попадали в светлые обители богов. Ранневедическая религия знала о загробном возмездии за грехи. "Мы слышим, -- говорит Радхакришнан, -- о Варуне, низвергающем грешника в мрачную бездну, откуда нет возврата".

Появление среди индо-арьев учения о сансаре можно приурочить ко времени между XV и IX вв. до н. э., т.е. к столетиям, отделявшим Риг-Веду от ранних Упанишад. Первое упоминание о сансаре, как уже было отмечено, мы находим в Брихадараньяке (III, 2, 13; IV, 4, 5). С тех пор эта доктрина настолько укоренилась в индийском мышлении, что стала его неотъемлемой чертой. Даже Будда не смог отказаться от нее, несмотря на то что она вступала в некоторое противоречие с его собственным учением. Отрицая устойчивое "я", он тем не менее сделал уступку идее сансары, допустив кармическое перерождение потоков дхарм.

Откуда же пришло к индо-арьям учение о перевоплощении?

Существует предположение, что оно было заимствовано ими у доарийского населения Индии. Вполне возможно, что у дравидских племен оно сохранилось с первобытных времен. Это косвенно подтверждается тем, что в примитивных культах вера в перевоплощение встречается гораздо чаще, чем среди "исторических религий". Наиболее яркую форму она имеет у австралийцев, этнически родственных коренным обитателям Индостана.

* * *

Весьма вероятно, что на возникновение этого верования у первобытных племен повлияло сходство между потомками и предками. Особенно должны были поражать воображение древнего человека общие черты у родственников в третьем колене. Рождение человека, разительно похожего на умершего деда, невольно могло приводить к мысли, что в новорожденного перевоплотился усопший.

Так, в африканском племени Иоруба родившегося ребенка было принято встречать словами: "Ты вернулся!"

Другим источником верования в переселение душ мог быть тотемизм, т.е. понятие о мистической связи племени с животным-предком. У некоторых австралийских кланов существовало поверье, будто их члены -- воплощение тотемистических предков. Считалось также, что тотем может воплощаться в священных животных. Обладая острым чувством одухотворенности природы, первобытные люди плохо осознавали качественное различие между духом человека и психикой животного. Это питало веру в оборотней и вело к беспрепятственному перенесению человеческого "я" в звериную оболочку.

Тотемизм и анимизм, однако, несут в себе еще только зародыши теории реинкарнации. Как подчеркивал С. Франк, существует принципиальная разница между этими верованиями и теорией сансары. Вера в возможность для человека перевоплотиться в другое существо еще не тождественна учению о переселении душ в строгом смысле слова. "Под ним, -- говорит Франк, -- разумеется вера, что нормальной и необходимой формой посмертного существования души является ее переход в другое живое тело -- в тело другого человека, животного или растения, вера в странствование, "блуждание" (таков смысл индусского слова "сансара") души -- от одной телесной смерти к другой через разные органические тела. Такого рода вера составляет в истории религиозных представлений скорее исключение, чем общее правило".

Действительно, даже в своей зачаточной форме вера в реинкарнацию носит весьма ограниченный, местный характер: в самой Австралии, где она наиболее распространена, она является всеобщей. А у полинезийцев, ведда, бушменов, пигмеев Африки, почти у всех индейцев и многих других народов, сохранивших черты первобытной культуры -- она отсутствует. Нередко, когда старые исследователи утверждали, будто они обнаружили эту веру у того или иного племени, потом оказывалось, что они были введены в заблуждение тотемистическими мифами, неверно истолкованными.

Подведем теперь окончательный итог. Учение о реинкарнации свойственно некоторым "первобытным" племенам (в зачаточной

форме), индийцам и дионисическо-орфической традиции Греции. Всем же остальным национальным и мировым религиям, возвышенность и истинность которых теософия не отрицает, это представление чуждо. Здесь есть над чем задуматься. Как могло случиться, что тысячелетние верования, жрецы, учителя и пророки человечества могли отрицать реинкарнацию, если бы она являлась всеобщим и непреложным законом человеческого бытия?

Не получив опоры в мировом религиозном сознании, сторонники доктрины ссылаются на другой аргумент: на таинственные явления и загадки жизни, которые, по их мнению, могут быть объяснены якобы только с позиции их теории.

3. Загадки жизни и личности

Мы не собираемся здесь "опровергать" гипотезу реинкарнации. К каким бы рациональным доводам ни прибегали ее сторонники, она все же принадлежит к области веры, где рационалистические доказательства неуместны, а опровержения бесплодны. Наша задача -- лишь показать, что в религиозном сознании, отличном от индийского и теософского, имеется совершенно иная интерпретация тех фактов, которые выдвигаются для доказательства реинкарнации, и отметить те принципы христианства, которые не позволяют включить в него доктрину перевоплощения.

Обратимся теперь к самим фактам.

1) Будда, Пифагор, Рамакришна и другие имели, как говорят, способность вспоминать свои прежние жизни. Но это легко объяснить тем, что они (пусть и по-разному) верили в перевоплощение. В глубинах подсознания человека, как показал Юнг, скрыта своего рода "коллективная память" многих поколений. Люди, отличающиеся особо напряженной духовной жизнью, могут оказаться способными проникать в эту сферу "родовой памяти", могут выходить далеко за пределы своего личностного сознания и в свете собственных убеждений истолковывать это как воспоминание о "прежних жизнях". Наличие "коллективной памяти" вполне подтверждается учением о духовном единстве человечества как "целокупного Адама".

2) Перевоплощение, утверждают теософы, придает эволюции "благой смысл", ведь большинство людей не успевает полностью

реализовать свои возможности; только перевоплощение дает простор для разнообразной деятельности на протяжении многих жизней.

Здесь, между прочим, обнаруживается еще одно отличие теософии от классических индийских религий. Для последних сансара есть зло, она продолжает то бытие, которое следует угасить; для теософии же и антропософии переселение душ -- это, напротив, эволюционный, "прогрессивный" принцип, содействующий самоискуплению человечества. Эта эволюционистская черта, чуждая пессимизму Будды и брахманов, возникла под прямым воздействием дарвинизма и западной веры в прогресс.

Но если человечество уже десятки тысяч лет развивается, перевоплощаясь, то оно давно должно было бы взойти на большую духовную высоту. Между тем трудно согласиться с тем, что такой прогресс имел место. Даже "техническая революция" есть локальное явление, занимающее ничтожно малый отрезок времени во всеобщей истории: двести-триста лет на фоне пятидесяти тысяч лет. (Причем интересно, что этот прогресс происходил как раз не в тех странах, где верили в перевоплощение).

Приверженцы реинкарнации отрицают возможность того, что раскрытие богатств человеческого духа может протекать в иных мирах, хотя существование таких миров признают. Возникает вопрос: какие же основания не верить в возможность развития духа за пределами земного плана жизни? Не должен ли именно там открыться новый простор для совершенствования? "Существование человека в этом плане мира, -- справедливо говорит Бердяев, -- есть лишь момент его духовного пути... Популярное учение об одноплановом перевоплощении, в сущности, остается в этом времени, которое мыслится бесконечным и не знает выхода в вечность".

3) Человек, согласно теософскому учению, страдает из-за последствий своей кармы: грехи, совершенные в предшествующих инкарнациях, отражаются на последующих. Такой взгляд примиряет человека с любым страданием и с любой несправедливостью. Но если принять его, то становится ясным, что кармический закон лишает человека свободы и, следовательно, нравственной

ответственности. Личность может сознавать, что несет последствия своих ошибок, или же, по принципу "солидарности", -- свою причастность к "грехам отцов", но если обычные люди не помнят о своих прежних инкарнациях, то они не могут сознательно отвечать за поступки существ, о которых ничего не знают. "Что хорошего, сударь, было бы, -- говорил Лейбниц, -- если бы вы стали китайским императором, при условии, что вы забудете, кем вы были? Разве это было бы не то же самое, как если бы Бог в момент, когда уничтожил вас, создал в Китае императора?" Иными словами, даже если и признать перевоплощение, то отсутствие памяти о прежних жизнях наглухо отделяет человека от его предыдущей жизни и тем самым снимает с него ответственность за нее. И таким образом человек превращается из свободного существа в слепую игрушку закона.

Библия не только отвергает такое понимание судьбы человека, но и не позволяет видеть в его страданиях обязательно "кару". Именно об этом говорит книга Иова, которая вся посвящена теме страдания и возмездия.

Теория перевоплощения упрощает эту проблему, заключая трагичность бытия в рамки рационально понятой схемы. Перевоплощенец не может вместе с Иовом восстать против зла, а будет скорее на стороне его друзей, которые упорно настаивали на том, что бедствия всегда есть лишь наказание за грех.

Человек, по учению христианства, приходит в падший мир, мир, который "во зле лежит", и приходит как активно действующее существо, участник борьбы добра и зла. Даже реальность высшего Промысла не парализует его свободы. Трагичность несовершенного мира есть та среда, в которой выявляется и призвано возрастать духовное начало человека. Говоря о Промысле, современный христианский философ, Р. Гуардини, пишет: "Цепь вещей, событий и требований смыкается вокруг тебя и на тебя смотрит. Смотрит на тебя "оно" -- положение, -- да нет же: это совсем не "оно", а Он!.. Ни в чем не старайся себя уговорить, оставайся правдивым, но будь пробужденным, прислушивайся, и в один прекрасный день тебе станет ясно: это Он смотрит на тебя, к тебе обращается и ждет твоего ответа. И теперь ты вступаешь живым в это единство и действуешь на этом основании вследствие того обращения к тебе и того ожидания

твоего ответа. Вот это и есть Промысл. Тут уже ты не только думаешь, но и действуешь. Тут открытость и готовность... Это значит, что Промысл -- не готовый заведенный механизм; он совершается творчески, из новизны свободы Божией, но "также" и из новизны нашей маленькой человеческой свободы". Другой современный христианский писатель, касаясь рассказа Ивана Карамазова о том, как помещик затравил собаками мальчика, говорит, что от Ивана ускользнуло самое важное: все это событие происходило среди людей и осуществлялось волей многих людей, которые знали, что они должны делать и чего не должны; но они или оставались пассивными, или же приняли участие в злом деле.

Свобода -- нелегкий дар, ее даже называли даром страшным. Но без нее невозможно осуществление подлинного человека.

4) Выдвигают еще один аргумент как доказательство реальности переселения душ. "Нельзя сказать, -- писал Р. Штейнер, -- что различия людей в духовном отношении происходят только от различия окружающей их обстановки, их воспитания и т.д. Вовсе нет; ибо два человека развиваются в одинаковых условиях среды и воспитания и т.д. совершенно различным образом. Поэтому необходимо признать, что они вступили на жизненный путь с совершенно различными задатками".

Действительно, казалось бы, чем если не перевоплощением объяснить раннюю одаренность таких, скажем, людей, как Паскаль или Моцарт? Тем не менее вывод этот не столь безусловен, как представляется на первый взгляд.

Неравномерность дарований среди людей очевидна, однако она в значительной степени может быть объяснена без помощи реинкарнации, в свете того, что нам известно о комбинациях генов и других биологических факторах наследственности. Это, впрочем, внешняя, чисто природная сторона дела. Неравномерность даров и способностей имеет духовный смысл. Именно благодаря ей становится возможной тесная органическая солидарность и взаимосвязь между людьми. В живом организме специализация, взаимодополняемость и координация частей и функций есть признак высокоразвитой структуры. Человечество не только как идея, но и как реальность есть организм. Нет человека, который мог бы быть

абсолютно независимым от единого Адама. Это, в частности, подтверждается теми случаями, когда дети, вскормленные животными, вырастали вне общества: даже после своего возвращения к людям полноценными они не могли уже стать.

От самого рождения своего люди нуждаются друг в друге, нуждаются в тех, кто производит их на свет, воспитывает, учит, оказывает то или иное влияние, доставляет радость, приобщает к своему опыту. Даже те, кто, казалось бы, сами ничего не могут дать другим (например, тяжелобольные), имеют свою миссию в мире, так как нужны тем, кто о них заботится.

Разумеется, внутри этого всечеловеческого организма отношения могут носить аномальный характер. Но это есть лишь болезнь организма, а не его естественная природа. Задача религии и нравственности как раз и заключается в том, чтобы бороться с этими искажениями первоначального облика человечества.

Поэтому когда мы сталкиваемся с фактом неравномерности и разнообразия талантов, совершенно излишне объяснять его перевоплощением. К тому же, если предположить, что задатки ребенка есть наследие минувших жизней, то неизбежно встанет вопрос: как же появились те или иные задатки у первых человеческих существ на земле? Ведь они не могли быть совершенно идентичными во всех отношениях: точных повторений природа не знает. А раз неравномерность существовала с самого начала, то, следовательно, причины ее нужно искать не в процессе перерождений.

5) Говорят, что на перевоплощение указывает смутное ощущение, возникающее иногда у людей, будто место или ситуация, в которых они оказались, были уже знакомы им прежде. Но это явление психологи объясняют особым ассоциативным процессом, при котором одна напоминающая о прошлом деталь способна вызвать комплекс воспоминаний, создающих иллюзию, будто мы уже однажды были в этой обстановке. С другой стороны, это явление "объясняется тем, что человеческий дух, отражающийся сейчас на земном сознании человека, живет вне времени и пространства и потому может как вспоминать бывшее, так и предвидеть будущее, ибо все земное, как бывшее, так и будущее, есть в то же время и

единый мир настоящего, т.е. вечного. И поэтому очень часто в жизни у человека обостряется "память будущего", т.е. он во сне или даже наяву, сознательно или чаще всего бессознательно запоминает будущее и потом, конечно, легко "вспоминает" его (арх. Иоанн Шаховской).

б) Указывают на то, что гипнотические эксперименты могут обнаруживать в человеке как бы вторую, а иногда и третью, четвертую личность. Однако этот факт может быть объяснен телепатией, которую защитник идеи перевоплощения Рамачарака определяет как "получение каким-нибудь лицом, сознательно или бессознательно, колебаний или волн мысли, посылаемых, сознательно или бессознательно, умами других людей".

7) Современные буддисты ссылаются на физический закон сохранения как на доказательство перевоплощения. Но, во-первых, если принять эту аналогию, переход человеческого духа из одной формы бытия в другую совсем не обязательно должен означать новое воплощение на земле. А во-вторых, указанный закон действует в уже сотворенном мире; сам же творческий акт стоит за пределом тварных законов, он сверхрационален и неподведомствен научному знанию. Поэтому, какую бы из христианских теорий происхождения души мы ни приняли, сам момент создания неразрушимого человеческого "я" выпадает из общего естественного процесса, и аналогии из физического мира к нему неприложимы.

Таким образом, мы видим, что аргументы, приводимые апологетами реинкарнации, далеко не носят обязательного характера и предполагают уже наличие веры в переселение душ. Нам остается лишь показать, как эта вера соотносится с христианским Откровением.

4. Идея реинкарнации и христианство

Христианство противостоит как антиперсонализму, свойственному Индии, так и крайнему "индивидуализму" одинокого замкнутого "эго". Евангелие парадоксально соединяет, казалось бы, несовместимое: "я" и целое. Говоря о бесконечной ценности каждой души, Христос в то же время сравнивает своих последователей с ветвями одной виноградной лозы. Существенное единство душ в Антропосе-Адаме не обезличивает человека. Он создан по образу и

подобию Божию; и как в Божестве единая Сущность сопряжена с реальностью Лиц-ипостасей, так и целостность Антропоса не поглощает его малые "ипостаси". Связующим звеном этой двойственной (лично-целостной) природы Антропоса является любовь. Евангельское учение о любви к ближнему "как к самому себе" есть указание пути к расширению границ личности до вселенского охвата. Любовь уничтожает изолированность "я". Когда Исаак Сирианин говорит о "великой жалости", пронизывающей душу, болезнующую за всю тварь, за бессловесных и даже демонов, он свидетельствует об этой изумительной открытости к миру, которую приносит евангельская любовь. Подобное же "выхождение из себя" неотделимо и от чувства ответственности за других: за минувшие поколения, за все человечество. Об этом чувстве хорошо умел говорить Достоевский.

Тот, Кто взял на Себя грехи всего мира, был Живым Воплощением этого идеала любви.

* * *

Таким образом, христианство может принять в теории реинкарнации лишь мысль о глубокой связи, существующей между личными "я". Но оно раскрывает эту таинственную связь через таинство евангельской любви. В ней, по словам христианского философа Б. Вышеславцева, "взаимопроникновение душ несомненно существует, но оно не есть "перевоплощение" одной индивидуальности в другую, которое просто невозможно, ибо индивидуальность есть эта индивидуальность, а не другая. Оно есть нечто гораздо более чудесное, именно жизнь и действие одной индивидуальности в другой и через другую в силу взаимной проницаемости духов".

Не менее важна и другая сторона проблемы. Учение о перевоплощении вытекает из философии крайнего спиритуализма, свойственного Индии и платоновской традиции. Для этого воззрения материя есть зло. тело -- гробница или тюрьма, а подлинную ценность имеет лишь дух.

Между тем христианство есть религия Воплощения и Воскресения. Пасхальный рассказ Евангелия свидетельствует об этом с необычайной силой: Богочеловек, победитель смерти, явившись

ученикам, показывает им, что Он -- не дух, и в знак этого садится с ними за трапезу. В Его прославленном теле, уже не подверженном распаду, одухотворяется и обретает нетленную красоту сама материя.

"Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века" -- таково исповедание Церкви, которое говорит не о спасении от мира, а о спасении, освящении, просветлении Вселенной. "Я поклоняюсь материи, -- дерзновенно говорит св. Иоанн Дамаскин, -- через которую совершилось мое спасение, что же ее не как Бога, но как полную божественного действия и благодати".

Здесь проходит водораздел между христианством и спиритуализмом. "Христианская культура построена прежде всего на признании святости плоти, святости природы, святости космоса (обожение плоти). Религии Индии имеют другую систему ценностей, чем христианство, это не ценность воплощения, преобразования и воскресения, "победы над смертью", а противоположные ценности: развоплощения, отрешения от плоти, приятия смерти как угасания" (Б. Вышеславцев).

Несовершенство, распад, дисгармония есть лишь временное состояние твари. Оно будет, согласно библейской эсхатологии, преодолено новым творческим актом, когда явятся "новое небо и новая земля".

Смерть, которая все еще царит в мире, не может остановить самый принцип телесности, некую "форму" каждой индивидуальности. Эту форму апостол Павел называл "телом духовным". Свободное от тления, оно получит новую полноту бытия в исцеленной материи Воскресения.

Индийское мышление рассматривает мир как бесцельное кипение, тяжкий сон, иллюзию духа. Поэтому оно допускает, что дух проходит через множество жизней, оставаясь чуждым миру. Для христианства же человек целен, его личность создана в синтезе духа и плоти. В этом синтезе осуществляется и теснейшая связь человека со Вселенной, которая не позволяет видеть в нем лишь скитальца в лабиринтах материи.

По учению Нового Завета, восхождение человека к высшей ступени "теозиса", обожения, станет в то же время и обновлением

природного мира. Поднимаясь к Царству Божию, человек увлекает за собой мир, который так же, как и Адам, есть создание Творца.

То, что мы переживаем, созерцая красоту и стройность мироздания, указывает на священную тайну, пронизывающую плоть, материю. По словам апостола Павла, "вся тварь" томится, ожидая грядущего космического свершения. Следовательно, и в природных началах есть, как и в человеке, нечто уготованное для вечности.

Тем, чей пыливый взор хочет проникнуть в тайны Грядущего, остается простор для размышлений над характером связи между смертным эмпирическим телом и "телом просветленным"; но главным для нас является то, что "Первенец из мертвых" утвердил живую преемственность "ветхого" и преображенного, открыл перед нами реальность бессмертия не только духа, но и всей целостной личности человека, соединяющего в себе различные измерения бытия.

О ДУХОВНОМ ЦЕЛИТЕЛЬСТВЕ

Из лекции, прочитанной в ноябре 1990 г. на курсах врачей по обучению методам нетрадиционной медицины

Друзья мои! Вам, врачам, слушателям курсов по обучению методам нетрадиционной медицины, необходимо не только хорошо освоить свою профессию. Когда хирург делает операцию, главное, чтобы он имел твердые знания, твердую руку, четкие движения, навык и так далее. Когда же мы с вами обращаемся к такому особенному феномену, как биолечение, психолечение, или -- я до сих пор не знаю, как это назвать, но вы понимаете, о чем я говорю, -- нетрадиционным формам лечения, то здесь вступают во взаимодействие, в теснейший контакт дух -- внутренняя, духовная сущность пациента -- с духовностью лечащего человека. Таким образом, здесь есть элемент и донорства духовно-душевного, есть и элемент какой-то глубокой внутренней связи, которая в этот момент или на какой-то период обязательно возникает между врачом и пациентом.

Поэтому для всех тех, кто хочет помогать людям подобным лечением, недостаточно выучить или усвоить какие-то приемы, а необходимо постоянно и упорно работать над совершенствованием

своего внутреннего "я". Могу назвать это даже таким выпрненным словом, как внутренний подвиг. Без этого ничего не получится. Или получится что-то совершенно неожиданное и, быть может, негативное.

Мы с вами должны отдавать себе ясный отчет в том, что мы идем частично вслепую. Это глубинная, неисследованная, неизученная -- по крайней мере, в значительной степени -- область, и когда человек ее поднимает, расширяет, активизирует и использует для помощи другим людям, это исключительно ответственный момент. Потому что четкой теории у нас нет. Ни в церковной традиции, ни в большом наследии парапсихологии и всевозможных формах биолечения единой и четкой теории нет.

Конечно, вы можете спросить меня: а разве не было открыто нечто подобное мудрецам, святым, пророкам, древним целителям? Да, что-то им было открыто. Но то, что касается практической нравственной деятельности, мы должны постигать сами, своим умом, своим сердцем. Человек -- активное существо, и ему даны от Бога дарования для того, чтобы он постигал мир и служил своим ближним. Было бы очень мрачно и печально, если бы все то, что мы познаем с помощью науки, разума, опыта, -- все давалось бы нам в готовом виде. Боюсь, тогда у человека давным-давно бы атрофировалась всякая способность к духовной и умственной активности. Он бы сидел и ждал, пока ему свыше будет все это дано, и он никогда бы не стал духовно богатым, духовно активным человеком, борцом, а был бы только существом-потребителем.

Итак, перед чем мы стоим сегодня? Мы стоим сегодня перед фактом, что внутреннее поле человека (слово "поле" я употребляю, так же как и вы, условно: этот физический термин, быть может, совсем и не подходит, но мы его используем как удобный термин), внутренняя потенция нашего духовного поля -- это та арена, на которой формируется и гармонизируется несколько ярусов человеческого бытия. Мы все это можем назвать духовностью человека, то есть особым свойством, которое в Библии обозначается как "образ и подобие Творца".

Человек -- смертное, ограниченное во времени и пространстве существо. Но оно несет в себе вот этот образ, и поэтому человек

может отраженным светом светить вокруг. Вспомните, как прекрасно сияет ночью на чистом небе полная луна. Но нет на ней света, это мертвый камень. Почему же она так сверкает? Почему она освещает ночную землю? Потому что на нее падают лучи солнца. Почему человек несет в себе этот заряд духовности? Потому что он пришел к нему из вечности. Поэтому мы должны отнестись к нему с необычайной бережностью.

И первое правило для вас, которое пришло к нам из самой глубины веков, из глубины человеческого духовного опыта, первое правило заключается в том, что всякое духовное упражнение, общение, тем более лечение предполагает как свое условие интенсивную нравственную работу над собой.

В чем она заключается? Не только в том, что человек исполняет какие-то правила, что-то делает, а от чего-то воздерживается. Гораздо больше. Вероятно, вы все помните библейское сказание о первом человеке, об Адаме, который нарушил запрет, вкусив от плода. Что означает это сказание? Оно часто в нашем сознании засорено всякими легкомысленными и глупыми шутками, а ведь там отражено глубинное свойство человека, а именно: ложное самоутверждение. Человек захотел сделать что-то исключительно для себя.

В Библии сказано, что человек был создан, получив свыше право владеть миром: "Сотворим человека... и да владычествуют они..." А вкушение от запретного древа означало особую власть, автономную, власть для себя. И тот, кто делает что-нибудь на свете только для себя, уподобляется вот этому первочеловеку, или всечеловеку. Он ставит в центр свое "я".

"Я" -- это святое дело, "я" -- это средоточие личности. Но когда оно выставляется вперед, когда оно старается либо подавить окружающее, либо занять не подобающее ему место, когда возникает культ своей личности, быть может, бессознательный, <...> -- это главный мотив огромного количества зла, которое существует в мире. Если вы хорошенько подумаете и проанализируете многочисленные формы человеческого зла, вы увидите, что корень его почти всегда произрастает из самости. Самость человека, ячество... Обратное этому -- умение отдавать и служить.

Кто из вас не хочет быть счастливым? Евангелие отвечает нам, что счастье человека достижимо, но прежде всего тогда, когда человек -- открытое существо, когда он становится открытым существом, когда чужая боль его ранит, когда чужая радость вызывает не зависть, а сопереживание.

Зависть -- великая и страшная сила. Она потрясает народы и целые общества. Мы иногда недооцениваем ее. Иные люди хотели бы, чтобы все жили плохо, лишь бы кто-то не жил хорошо. Мы все отлично знаем, что это во многих из нас прячется. Так вот, если человек обладает парапсихологическими способностями (а они есть, конечно, у всех, но у некоторых людей они более развиты, некоторые люди более одарены этим, как и любой талант не в одинаковой мере дается людям), нередко, в себе развивая эти способности, изучая их в себе, как вы, он должен очень строго относиться к своему нравственному миру и часто, очень часто задавать себе вопросы: "Для чего это делается? Умею ли я быть открытым людям? Или я делаю это из тщеславия, для самоутверждения ложного?" Такая проверка должна быть строгой, честной и постоянной. Это, безусловно, одно из важнейших условий гармоничного развития духовного, психического и парапсихического обучения.

Человек должен стараться помочь другому, делиться с ним своим даром. Я повторяю то, с чего я начал: если врач обычный имеет лекарство и дает его больному, нравственного процесса тут может и не происходить, а вот если вы хотите помочь иначе, это необходимо - вы ведь отдаете какую-то часть своей духовной и душевной энергии.

Вы можете меня спросить: "А такое донорство не опасно ли?" Ваши учителя и преподаватели могут вам об этом рассказать более подробно. Безусловно, известный риск здесь есть, но я говорю вам с полной ответственностью, что человек, который устанавливает для себя вот этот принцип открытости и отдачи, в значительной степени гарантирован и застрахован от тяжелых негативных результатов этого процесса, часто непредсказуемого. Вы ведь и сами не знаете, что может произойти. Но этот принцип ограждает пациентов от малоизученного влияния, это ограждает вас, лечащих, от обратного восприятия их отрицательного поля.

На человека влияют различные силы: есть атмосферные условия, есть условия генетические -- каждый из нас несет в себе генетический како-то код, есть воздействие космических лучей, магнитных полей и много другого. Но есть и воздействие на человека неких трансфизических измерений, которые совершенно реальны. Это первый уровень реальности, <он> стоит за материальной реальностью, которую мы можем пощупать, взвесить и изучить с помощью приборов.

Трансфизическая реальность -- это отнюдь не Царство Божие или "тот свет". Это первый и ближайший к нам пласт бытия. И надо сказать, что опыт поколений и опыт наиболее умудренных людей подсказывает, что этот пласт -- весьма двусмысленное и опасное состояние, где все происходит как во сне, где все двоится, троится, где нас легко может увлечь на какие-то темные неведомые тропинки блуждающий огонек. Этот опыт, в отличие от высшего духовного мистического опыта, мы условно называем опытом оккультным, опытом восприятия низших трансфизических сил, граничащих с духом и с тонкой материей.

Каждый из вас, вероятно, может вспомнить в своей жизни такой опыт. Когда вы входили в помещение и не видели еще никого из людей, но уже чувствовали там некую нагнетенность, -- это и было присутствие поля, негативного поля, лишаящего покоя и сна. И наоборот, могло быть совершенно неожиданное ощущение, что здесь легко и хорошо, хотя людей вы не видите. Такого рода воздействию становится особенно подвержен тот, кто развивает в себе парапсихические способности. Обычный человек для его же пользы заслонен, огражден от этой сферы, и она не прорывается в его сознание и непосредственные ощущения.

Вы же, врачи, делаете первый шаг, который так или иначе приводит вас в соприкосновение с этой областью. И здесь необходима крайняя осторожность. Только свет высокого нравственного напряжения, свет честности, свет открытости высшему может оградить вас от вовлечения в некий темный круговорот.

Я знаю много людей, которые случайно соприкоснулись с этой сферой, стали к ней тянуться как к чему-то экзотическому,

любопытному, таинственному. Это, разумеется, понятно, потому что таинственное всегда манит человека. Почему у нас так интересуются НЛО или снежным человеком? -- Тайна... Тайна всегда сигнализирует о том, что есть еще последняя и Высшая Тайна, и к этому душа человека тянется.

И второе правило, которое я хочу вам здесь напомнить, состоит в том, что надо избегать воздействия из праздного любопытства, только потому, что это кажется необычным, интересным, как-то отличающимся от повседневного. Это не игрушки. Это я могу сравнить только, скажем, с ученым или лаборантом, который действует в лаборатории, где стоят пробирки с болезнетворными бактериями. Он должен помнить, что, разбив одну из пробирок, он может разнести вокруг заразу и сам заразиться. Он должен понимать, что у него руки должны быть чистые и без ранок и царапин, и нужно принимать всевозможные меры предосторожности. Это второй принцип.

Наконец, есть еще один принцип. Я касаюсь уже только людей, сознательно верующих. Почему я подчеркиваю "сознательно верующих"? Потому что бессознательно верующими являются все люди. Бессознательный опыт человека всегда связывает нас с высшим смыслом бытия. Отдаем ли мы себе отчет в этом или не отдаем, но мы потому и можем жить, что мы чувствуем себя связанными с этим высшим началом. Религиозная вера осмысливает это, находит для этого слова и формы. Инстинктивное ощущение иногда может подменять эту веру многочисленными формами идолопоклонства.

Наше столетие -- это столетие идолопоклонников. Никогда еще с первобытных времен человек с таким безумным исступлением не поклонялся тому, чему поклоняться не должно. Что бы это ни было: политические лидеры, иллюзия прогресса, популярные актеры, -- все это в нашем обществе очень часто занимало место идолов. Последствия всегда были печальными или глубоко трагическими. Так вот, повторяю, человеку сознательно религиозному следует помнить, что его помощь людям, парамедицинская помощь, есть служение, в процессе которого он не может целиком только из себя извлечь все эти силы. Но он может получить новый заряд духа, если он

бескорыстно, внутренним порывом самоотдачи служит людям или хочет служить.

Разумеется, многие из вас могут меня спросить, мол, а не чреваты ли эти формы взаимодействия какими-то темными демоническими феноменами? Да, безусловно, это возможно. Более того, к величайшему сожалению, я наблюдал в течение многих лет чаще воздействие темного поля. Если бы наш внутренний мир имел какую-то зримую для глаза окраску и мы посмотрели бы, что поднимается, как облака, над скопищем людей, над большими городами, мы бы увидели, я думаю, темные и мрачные извержения каких-то демонических вулканов.

Заметьте, человек внутренне совершенно по-разному чувствует себя в лесу и в городе. И дело не в шуме машин и не в том только, что воздух задымлен. Было время, когда воздух был чище, но все равно разница оставалась. Потому что лес менее наполнен этими испарениями человеческих страстей, именно испарениями...

Так вот, соприкосновение с демоническим, темным является опасностью и угрозой для современного человека. И для тех, кто вступил на путь духовной терапии, душевной парапсихической терапии, соблазн велик. Недаром столько было кудесников, магов, прорицателей, которых привлекали к себе, например, Гитлер и многие иные вожди нашего столетия. Недаром этот политический демонизм окутывал нашу землю черным облаком так долго и еще не иссяк. Ваше призвание -- противостоять этому черному облаку, нести в себе свет. Особенно это касается христиан.

Господь Иисус говорит нам: "Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и славили Отца вашего Небесного". Каждый человек, каждый христианин может стать носителем любви и света Христова. И тогда, обладая какими-то возможностями помощи человеку: моральной, материальной, душевной, психической или даже парапсихической, -- он выполняет высшую волю, он -- служитель, жизнь его обретает новый, еще более глубокий смысл и красоту. Потому что он становится посланником великого Царства Света, Правды и Вечности.

И, наконец, последнее. Многие из вас, вероятно, могут поддаваться искушению добиться массовости эффекта воздействия. Но всегда

помните: и один человек, которому вы помогли, уже оправдал ваши усилия. Потому что каждый человек -- это целый мир, это уникальное, неповторимое существо, образ и подобие Божие.

И дело совсем не в статистике. Попробуйте сместить все акценты и подумать так, как будто речь идет о вас лично: вас надо спасти, поднять от тяжелой болезни, избавить от какого-то тяжелого недуга. Вы знаете, что вокруг вас все вращается, что для вас это вопрос альфы и омеги, жизни и смерти. И это справедливо, потому что каждый человек таков, и каждый человек перед Богом драгоценен.

И врач, любой, кстати сказать, -- он исполняет волю Христа, Который заповедал нам идти и исполнять волю друг друга. Он сказал: "Идите и исцеляйте".

Сам Христос был целителем. Конечно, не в этом была цель Его жизни на земле. И до Него были целители, и после Него были святые, которые исцеляли, и Сам Он говорил, что если будете иметь веру, вы будете творить больше. Но Его исцеления были знаком для всех нас. Это были акты милосердия. Он дал пример и образец, и поэтому Он и Церковь Свою создал как целительную. Поэтому у нас есть среди семи таинств Церкви одно таинство, специально посвященное исцелению человека. Оно называется соборованием, или елеосвящением, когда мы, семь священников (но сейчас практически семь не получается), молимся над больным специально, чтобы он был поднят от болезни. Иногда после этого таинства человек очень быстро умирает. Это происходит в тех случаях, когда исцеление заключается именно в уходе из этой жизни, когда у измученного организма уже нет сил и возможности поднять себя.

Протестантские церкви, хотя у них нет таинства елеосвящения, также устраивают общие молитвы об исцелении. И сегодня, в наши дни и в нашей стране, постоянно происходят эти массовые молитвы, и довольно многочисленные, и вполне достоверны исцеления людей. Конечно, человек неверующий скажет, что это самовнушение. Но это пустые слова. Никто, ни один физиолог, психолог, медик на самом деле не знает, что такое внушение, что такое гипноз, что такое самовнушение. Пока это наукой не доказано. И природа этих вещей нам неизвестна. А мы знаем только одно, что человеческий дух --

гораздо более сильное, мощное и многогранное начало, чем мы в своей жизни привыкли считать.

Так вот, главное для вас -- это служение человеку: не человечеству, не отвлеченному понятию, а живому, конкретному человеку. "Как вы сделали одному из братьев Моих меньших, так сделали и Мне", -- так говорит Господь Иисус. Тем самым всякое облегчение страданий становится подлинным богослужением. И чувство важности, глубинности, священности этого факта должно вас наполнять. Вы должны чувствовать, что все это не так просто. Это не только желание усилить свое могущество, чтобы все говорили: "Ах, как она (или он) прекрасно лечит и исцеляет!" Ничего в этом нет удивительного. Больных много, и все побегут за вами, если вам удастся удачно лечить людей. Люди побегут за любым целителем, даже если он будет целить руками, ножом, заклинаниями, -- все равно, потому что больному безразлично. И не надо поддаваться на это.

Надо помнить, что ваше призвание -- оно особенное, что человек, который будет вашим пациентом, должен получить от вас не только здоровье физическое, но и начать процесс духовного и душевного выздоровления, потому что значительная часть наших болезней является следствием нашей греховности, ее порождением, прямым или косвенным.

В Евангелии Христос говорит одному больному, которого исцелил: "Не греши, чтобы не случилось с тобой худшего". Если вы как следует подумаете, то вы убедитесь, какая связь здесь великая. А значит, здесь мы с вами подошли вплотную к тому, с чего я начал: с нравственного идеала, с нравственного перерождения, нравственных целей. Можно сказать, что людям труден этот нравственный рост. Конечно. Но разве вы не знаете, что все великое и прекрасное всегда было трудным? И тот, кто захочет, всегда найдет в себе резерв, неисчерпаемые духовные силы. Это то, что Новый Завет и Церковь называют благодатью. Это сила, которую дает Бог открытому сердцу, стремящемуся помогать другим людям. <...>

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Почему людей так притягивают таинственные феномены?

Вы все знаете, как увлекают нас загадки древних цивилизаций, рассказы о пришельцах, снежном человеке. В чем дело? Почему? Казалось бы, бегают где-то какая-то обезьяна по снегам, ну, обитают какие-то иные существа на других планетах. <...> Или лохнесское чудовище. Сколько о нем писалось! Я вполне допускаю, что некоторые особи вымерших динозавров могут сохраниться на отдельных участках земли, и, конечно, как биолог я бы многое дал, чтобы увидеть хоть одного такого динозавра. Но ведь не все люди так любят животных и не всех так волнует участь давно вымерших пресмыкающихся; тем не менее вокруг лохнесского феномена создается масса легенд. <...>

Я глубоко понимаю и почти одобряю стремление людей, интерес людей к таинственному. Что это такое? Это упрощенная форма нашего подсознательного и верного ощущения, что мир, жизнь, бытие построены на тайне. Когда тайна для нас исчезает, мир и жизнь становятся и пошлыми, и плоскими, и лживыми, потому что тайна есть. Я думаю, что в лохнесском ящере тайны нет, вокруг него есть аура тайны, а он есть загадка. Поясню различие между загадкой и тайной.

Загадка -- вещь принципиально разрешимая. Если лохнесского ящера поймают или по-настоящему сфотографируют, -- конец загадке, она разгадана: вот плезиозавр, который умудрился дожить до наших дней. Это, кстати сказать, нормальное явление: в море, где условия не очень сильно менялись за миллионы лет, до сих пор сохранились древнейшие животные, которые жили задолго до ящеров, за десятки и сотни миллионов лет. Так вот, это загадка. И, вероятно, снежный человек -- тоже загадка.

Но есть вещи, которые являются тайной. Это о ней говорил Гете, что постичь ее никогда до конца нельзя одним рассудком, к этому требуются еще вживание, чувства, интуиция, озарение. Творчество поэта -- тайна! Творчество художника, музыканта -- тайна! Любовь -- тайна! Красота -- тайна! Сколько бы мы ни раскладывали на составные элементы -- а мы можем это сделать, -- всегда от нас ускользнет что-то главное. Так вот, тайна -- это то, что никогда не может быть полностью исчерпано только рассудочным,

аналитическим путем познания. А загадка -- только то, что еще не раскрыто, что пока не познано.

Мы все, люди всей земли, сознательно (как религиозные люди) или бессознательно (как люди вне религии) убеждены, что мир построен на тайне, что в глубине его есть тайна. Вот почему любой повод используется для того, чтобы прикоснуться к тайне. Вот почему люди любят все таинственное, вот почему непонятные явления так удивительно притягательны, удивительно волнующи. <...>

Есть еще одна тайна, о которой я хочу сказать несколько слов. Человек всегда знал, а иногда постигал на опыте, что кроме осязаемого мира есть мир невидимый. Само мышление есть тайна, само переживание в глубине души есть тайна, и, наконец, особые формы сознания, то, что называется на казенном ученом языке "интраверсия мистическая" -- вхождение внутрь, тоже есть тайна.

Целые поколения мистиков открывали колоссальные миры с помощью концентрации сознания, сосредоточенности. Опыт человечества показал, что мы окружены не только воздухом, электромагнитными волнами, космическими лучами и так далее, но что мы погружены в среду, еще неведомую науке, в среду нефизическую, трансфизическую, запредельную. Она пронизывает все, и мироздание имеет множество планов таинственного бытия. <...>

Что вы называете трансфизической реальностью?

Трансфизической реальностью я называю всякую реальность, которая стоит "транс-", то есть по ту сторону того, что может быть измерено нашей аппаратурой, нашими органами зрения и так далее. То есть это реальность за пределами физического.

Первая трансфизическая реальность, которой мы все обладаем каждый день, -- это само наше сознание, наша мысль, наш дух. Нет такого аппарата, который мог бы определить, пощупать дух. Мы можем с помощью аппаратуры изучать биотоки мозга, можем изучать множество физиологических процессов, происходящих в центральной нервной системе, но центральная нервная система -- это видимая вещь, ее можно отпрепарировать на образце, а дух, волю -- не отпрепарировать. Однако он есть, он-то и есть самое

главное в человеке. Нервная система есть и у обезьян, и у кошек, и у муравьев. Трансфизическая реальность -- это дух в нас и вне нас.

Когда мы соприкасаемся с различными проявлениями этой реальности вне нас, то многое зависит от того, под каким знаком она идет. Какова ее духовность. Она ведь поляризуется. И надо чувствовать, какое это поле: отрицательное или положительное. Есть элементарный критерий для проверки того, с каким знаком был полюс. Если вы пережили какое-то необычайное состояние света, подъема, а в итоге -- похмелье, оскомины, тяжелое настроение, значит, это было не то. Если вы пережили что-то такое даже бледное, не слишком эффектное, даже совсем не почувствовали ничего, но потом ушли с чувством просветленности, облегчения, подъема, значит, это -- Божие.

Что такое ад?

Тот, кто читал Достоевского, Кафку, Камю, кто сам переживал тяжкие состояния оторванности от мира, черноты небытия, тот знает, что понятие "ад" не создано воображением каких-то садистов, а родилось из глубокого духовного и душевного опыта людей. Ад -- это то, что человек уносит с собой после разрушения тела, если душа его черна.

Что необходимо сделать в тот момент жизни, когда хочется наложить на себя руки?

Пятьдесят раз произнести Иисусову молитву, каждый раз делая земной поклон. И это уйдет... Это проверено.

Имеет ли значение состояние души умирающего человека для его посмертной судьбы?

Люди, с которыми я беседовал и которые пережили клиническую смерть, были реанимированы и помнили (далеко не все помнят: это как сновидения, которые мы видим, но не всегда помним) <...> о том, что они пережили. Они видели и свое тело со стороны, и врачей, и медсестер, которые были вокруг, и помещение, и все остальное. Но человек в этот момент переживает такие возвышенные состояния, что ему совершенно не до окружающего. Он сразу поднимается на какой-то другой уровень, и он сразу выше этого, намного, намного выше. У него не появляется никакого агрессивного состояния. Но я думаю, и вот обратите на это внимание, если умирающий человек

обременен жестокой ненавистью, какими-то тяжелыми переживаниями, это для его души опасно. Объясняю.

Вы, вероятно, слышали о давно уже изучаемом наукой феномене беспокойных домов и призраков. Еще с конца прошлого столетия британское Общество психических исследований изучало эти феномены. Я читал многие их отчеты. Даже если только четверть того, что там написано, может быть очень точно проверена, это уже все достаточно серьезно. Очевидно следующее: что когда происходит вот такое негативное, душа вместо дальнейшего развития в иных измерениях оказывается как бы прикованной к месту, которое связано с ее негативными переживаниями. И поэтому, как бы вращаясь вокруг этого места, она создает эффекты призраков, каких-то непонятных звуков, стона и страдания.

Что есть сатана? Альтернатива Иисусу Христу или карательный орган при Нем?

Ну, во-первых, не последнее. "Карательные органы" -- это из другой оперы. Альтернативой Иисуса Христа является антихрист. Это дух -- дух, который действует в истории. Христос -- это свобода! -- Он есть порабощение. Христос -- это любовь! -- Он есть ненависть. Христос -- это вселенскость! -- Он замыкается в групповом, в клановом, в национальном и так далее. Христос -- это ненасилие. Антихрист -- насилие. Христос -- истина. Антихрист -- ложь. Пользуясь вот этими критериями, мы можем всегда угадывать дух антихриста и его носителей. Что есть сатана? Это совершенно особая тема. Но я хотел бы, чтобы вы задумались над вопросом, вернее, над тезисом. Человек, который не видит красоты мира и его гармонии, -- он слепой человек. Это еще Эйнштейн говорил. Но столь же слеп человек, который не видит в мире смерти, убийства, разложения, распада. И вот, по учению христианской философии, те силы, которые ведут к распаду, к смерти, к гибели, на уровне сознания -- к греху, на уровне истории -- к антихристу, -- это и есть силы сатаны. Они, конечно, носят личный характер, как и все духовное.

Почему считается, что дьявол боится креста? Боится ли он вообще чего-нибудь?

Боится! Но не креста в прямом смысле слова, <не его> изображения -- это было бы слишком магическим <...> Он боится

молитвы, веры и любви. Потому что сам он есть ненависть, мрак, смерть.

Расскажите, что такое судьба.

Коротко: генетика -- это наша судьба. Вот вы получили от родителей черные глаза -- это судьба, вы не можете заменить их, если только искусственные вставить. Дальше. Во внутриутробном развитии эмбрион, и в какой-то фазе из него развивается мужчина или женщина. Стал, например, мужчиной -- это тоже судьба. Есть множество факторов, которые влияют на жизнь человека и составляют сумму того, что мы называем судьбой.

Но судьба -- это не есть жесткая необходимость, детерминированность. Напротив, дух бросает вызов судьбе. И дух человеческий с помощью Духа Небесного -- он может взять судьбу в свои руки. Мы знаем много святых людей, которые от природы должны были быть желчными, раздражительными, злобными. Это была их судьба -- по наследственности, по типу темперамента, по типу конституции и характера, по болезням, которые их мучили. Был один святой, у которого была болезнь почек и печени. Это обычно делает людей <...> желчными. Он жил в эпоху очень смутную: общественные кризисы, перевороты, конфликты и войны. Но он сохранил невозмутимую кротость среди всех бедствий. Он бросил вызов судьбе. И он ее победил.

Христианин побеждает судьбу. Не абсолютно: он не меняет себе глаз, не меняет типа своего темперамента. Но он направляет все то, что есть, включая воздействие космическое, направляет на главное. Воздействия космические, которыми занимается астрология, также не абсолютны, как и все остальные воздействия. Мы знаем только, что в момент рождения человека, когда он наиболее беззащитен от влияния окружающей среды, какие-то еще неведомые нам силы, поля, и влияния, и материальные потоки действуют на него.

Человек впервые выходит в этот мир из лона матери, и на него сразу воздействия обрушиваются. Но обрушиваются не случайно. Как-то это все экранируется. В частности, это экранируется планетами нашей солнечной системы. Их конфигурация каждый раз разная, и отсюда имеет значение, когда родился человек, в какой астрономический период. Правда, для того чтобы это точно

вычислить, необходимы очень сложные и точные расчеты -- совсем не те, которые приводятся в журнале "Крестьянка" или "Наука и религия". Это упрощенные до предела, сделанные в основном для забавы людей расчеты. Настоящий научный астрологический расчет гораздо более сложный. Но я еще раз повторяю, это не рок.

В одной довольно обширной американской книге по астрологии я нашел множество таблиц, где показывалось, что полководцы рождались под одним знаком, проститутки -- под другим, поэты -- под третьим и так далее. Но это означает лишь одно, что данная конфигурация в этот период способствует развитию каких-то свойств, но не жестко. Не все люди, которые родились в этот период, стали полководцами, проститутками или поэтами.

Значит, доброе можно воспринимать и развивать, негативное надо преодолевать. Так что судьба -- это не хозяйка наша, это только наши "выходные данные", исходная позиция, а во что все это выльется, зависит во многом от нашей духовной развитости и доброй воли, веры, надежды и любви.

Как относится Православная Церковь к астрологии? Есть ли расхождения по этому вопросу с католичеством? Отличается ли это отношение в настоящее время от существовавшего в средневековье?

Вы знаете, я бы мог ограничиться даже одним словом, хотя мне бы этого не хотелось. Я бы сказал: никак. Потому что в Православной Церкви нет такой директивной энциклопедии, в которой на все вопросы можно было бы найти ответы, и если вы берете эту энциклопедию, открываете ее на букву "А", то находите "Астрология", и там сказано: "Не занимайся!" Этого нет, конечно. Астрология допустима, если она не притязает быть эрзац-религией, как это часто у нас бывает. Если взять ее научное ядро, то в чем оно заключается? В том, что при рождении человека конфигурация планет нашей Солнечной системы экранирует те или иные физические или какие-то еще воздействия, действует на новорожденного и таким образом накладывает свою печать на его характер, хотя там есть печать и генетики, и патологий различных, и так далее... Значит, есть еще некое космическое воздействие. Ничего особенного в этом нет. Если это будет доказано тщательно, статистическими и прочими

исследованиями, то мы будем считать, что да, есть у нас некоторая предрасположенность, вроде наследственности.

Можно ли считать, что эти факторы являются роком? Христианство знает, что существует нечто роковое в жизни. Скажем, ты получил глаза черные в наследство, ты не можешь их перекрасить. Но на самом деле в нравственной жизни, в духовной жизни человек-христианин бросает вызов року.. Он не имеет права сказать: "Вы знаете, отец у меня был вспыльчивый, поэтому я не могу себя удержать". Таким образом мы всякую ответственность за свое поведение с себя снимали бы. Или, например, я родился под созвездием Водолея или каким-нибудь другим, и уже никуда не денешься. <...>

Астрология как псевдорелигия, конечно, является просто вредной. И католичество так же на это смотрит, здесь различий нет.

Что касается вопроса о Средних веках, то в Средние века астрология была не в почете. В эпоху Возрождения -- вот тогда-то и началось... Тут и католики интересовались, и у нас интересовались довольно усиленно. Иван Грозный, в частности, без конца вопрошал астрологов, и всякие неоязычники... И Гитлер без конца вопрошал астрологов. Когда вера начинает колебаться, -- поскольку человек является религиозным по своей природе, -- ее обязательно сразу заменяет эрзац. В Третьем Рейхе это была астрология. Я очень удивляюсь, как это у нас ее не ввели в свое время...

Как Вы лично относитесь к астрологии?

Астрология возможна как наука. Тогда она говорит о том, что на нас влияет космос -- материально и, возможно, духовно. Но она может стать и суеверием. Каким образом? Вот в статьях Глобы очень правильно сказано, что когда человек считает, что астрология его связала по рукам и ногам, что он уже детерминирован, что никуда не денешься, что выбора нет, вот тут начинается суеверие, <...> начинается рабство.

Не исключено, что кроме влияния наследственности, кроме <...> различных физических <факторов> на человека влияет и космос. Но это вовсе не значит, что человек -- раб. Как человек, который имеет тяжелый характер, может стать святым, как человек, который ленив, может в конце концов побудить себя к творческой деятельности, так

любой из нас свободен -- свободен все-таки выбирать свою жизнь с Богом, бороться. Иначе это будет капитуляцией перед роком, перед судьбой, будь это звезды или наследственность. И мы будем кивать, что "во мне проснулся мой злой дядюшка"... Как в известной сказке Шварца, когда король говорил: "Вот сейчас во мне заговорила моя тетка, исключительно злая женщина". Значит, мы уже ни за что не отвечаем, мы на самом деле оказываемся просто марионетками в руках различных сил, в том числе и созвездий.

Вы говорили, что в христианстве нет понятия судьбы. Но Бог может смотреть на мир с некой точки зрения над временем, следовательно, видеть его прошлое и будущее. Как бы Вы объяснили это противоречие?

Это вопрос очень хороший. Но я должен вас предупредить, что на одной чистой логике здесь невозможно стоять. В нашем измерении (попытайтесь проникнуть!) -- в нашем измерении действует свобода, нет жесткого предопределения. Но в другом измерении видно все. И эти вещи интегрировать одной формулой нельзя. Так действует принцип дополнительности в физике, так действует он и в теологии. Принцип дополнительности утверждает, что нельзя некоторые вещи описать одной формулой.

Почему Церковь осуждает занятия спиритизмом?

Мы с вами уже говорили о том, что люди, пережившие клиническую смерть, видели ближайший план бытия. Я знал одного ученого, который записал пунктуально, добросовестно, как с ним произошел произвольный выход в астральный план <...>. Это было очень неприятное ощущение. Есть люди, которые усваивали практику восточных мудрецов и могли достигать произвольного выхода в астрал, -- опасное упражнение. Так вот, многовековой опыт показывает, что этот соседний с нами план не только таинственен, но и опасен, обманчив, труден для человека и что Творец недаром его от нас закрыл.

Он открывается человеку или в состоянии очень большой святости, или в состоянии безумия, когда "стенка" ломается и вдруг что-то прорывается. Человек должен быть огражден от этого. Как мы ограждены от черной бездны космоса голубым куполом тверди небесной, так мы ограждены от таинственного, опасного для нас, в

чем-то страшного и туманного мира -- астрального. Контакт с этим измерением рождает всевозможные феномены, которые поражают воображение человека. И тут чаще любопытство, порой добросовестная любознательность бегут впереди наших достижений.

Человек стремится исследовать эти области, но мы ставим вопрос: "Готов ли человек к этому?" Он оказался не готовым исследовать даже структуру атома, потому что обратил его против себе подобных. Так не опасно ли человеку вторгнуться в такую сферу, чтобы выпустить неких демонов? Есть экология природы, но есть и экология духа. Вот почему Церковь возбраняет человеку заниматься спиритизмом и всевозможными оккультными вещами. Почему? Только чтобы подавить его любознательность? Нисколько. Наоборот, любознательность поощряется, наука для Церкви есть познание Божиих тайн. Но мы не способны без тяжких последствий для себя и для общества проникать в эти сферы. Это не табу, это не слепой запрет, а это предостережение христианства: мир не готов к познанию этих тайн.

Есть ли связь между идеями Бердяева и философскими взглядами Рериха? Если да, то в чем?

Тут довольно большая противоположность. Бердяев был самым крупным русским критиком теософии, антропософии и всех оккультных доктрин. На русском языке нет более сильной критики. Он считал, что вся теософия, во всех ее проявлениях, неантропологична. Он говорил, что в теософии так же мало Бога, как в антропософии мало человека, потому что теософия подменяет Бога безликим каким-то Началом, а антропософия разделяет человека на ряд измерений, бесконечных перевоплощений -- в конце концов личность исчезает. Поэтому он считал всякий оккультизм антиперсоналистическим, то есть противящимся личности.

Как Вы относитесь к индийской йоге?

Это очень важный шаг на пути духовного развития человечества, но для христиан там ценное больше всего -- их физические упражнения.

Занятия хатха-йогой не противопоказаны. Но когда мы берем другие традиции, мы берем иное отношение к Богу. Должна быть

единая христианская традиция.

Ваше мнение о книге "Роза мира"?

Двойственное, потому что я глубоко верю в подлинность интуиции и мистического опыта Даниила Андреева, но я их отличаю от той литературной, поэтической формы, в которую они облечены.

Почему Церковь запрещает гадание, астрологию и так далее?

Гадание есть проявление неверия. <...> Кьеркегор написал прекрасно, и Шестов повторял эти слова: когда Бог призвал Авраама, сила его веры была в том, что он пошел, не зная, куда и зачем идет. Бог призвал -- и он пошел. Он не гадал. Вот это и есть вера.

Не думаете ли Вы, что, отрицая сегодня существование внеземных цивилизаций, Церковь немного отстает от жизни?

Как раз наоборот. В Ватикане недавно была конференция, на которой теологи высказались в пользу существования внеземных цивилизаций, а вот многие наши советские ученые отрицают это. По-видимому, они отстают от жизни.

Человек, видевший НЛО, никогда не поверит в библейского Бога.

<...> По-моему, никакой связи нет. Бог создал такую сложную вещь, как, скажем, кристалл, цветок, живой организм. Почему Ему не создать НЛО? То есть, тех, кто управляет ими?

Почему Библия ничего не говорит об обитателях других небесных тел?

Прежде чем обвинять Библию, нужно доказать, что таковые обитатели на самом деле существуют. Между тем подлинно научных доказательств мы до сих пор не имеем. Даже наличие органической жизни в нашей планетной системе не доказано. Всевозможные мудрые марсиане оказались плодом мудрых фантастов, а, как показали фотографии американского космического аппарата, Марс, вероятно, и в прошлом не имел атмосферы. Что же касается других звездных систем, то возможности контактов с ними минимальны. Расстояния до них поистине астрономические.

Но предположим, что все же где-то во Вселенной есть разумные существа. В общем, это -- вполне вероятное предположение, пусть и недоказанное. Трудно согласиться с мыслью, что человек Земли -- уникал мироздания, хотя, впрочем, и это вполне возможно. Итак, допустим на минуту, что разумные существа в космосе есть. Что это

могло бы доказать? Что принесло бы принципиально нового? Ничего. Лишь увеличилась бы вселенская семья людей.

Но, может быть, это вовсе не люди? В последнее время выдвигались самые разные гипотезы о возможных формах разумной жизни (С. Лем и др.). Но в любом случае их структура остается "человеческой" в широком смысле (то есть структурой духовно-телесного существа). Пусть жители иных миров вместо нашего биологического тела имеют другое -- но они все равно л ю д и, то есть разумные существа, обладающие физическим строением.

Если окажется возможным контакт с людьми Земли, то произойдет, говоря словами П. Тейяра де Шардена, "встреча и взаимное обогащение двух ноосфер".

Двести лет назад вопрос об обитателях планет уже вставал перед философами и учеными. И Ломоносов, соглашаясь с тем, что на Венере могут быть люди, заключил свое рассуждение выводом: "При всем том вера Христова стоит непреложно". Этими словами закончим и мы <...>.

Иногда я вижу будущее и каждый раз пугаюсь этого. Что это? Как это объяснить?

Я знал одну женщину, которая постоянно видела события, которые должны были происходить через месяц. Так она видела своего будущего мужа, так она увидела какого-то ребенка погибшего. Она помогала искать пропавших детей. В чем тут дело? Это очень трудно нам осмыслить, но попытайтесь. Представьте себе хотя бы в малейшей степени то священное измерение, где времени нет, -- а ведь Божественное измерение именно таково. Условно говоря, в нем все, что совершается на земле, видится целостной картиной. Не последовательное движение событий, а целостная картина. Из этого видения как бы некое поле сходит на человечество частично. Отсюда возможность пророчеств, предсказаний, которые были всегда известны в истории человечества.

Многие люди имеют спонтанные способности как бы подпрыгивать над временем, спонтанно -- это не от нас зависит, -- и видеть то, что еще должно произойти. То есть чуть-чуть подниматься в измерения, где будущее уже есть. Если вы не видите сразу всего процесса, вы видите отрезок, значительно больший, чем ваш опыт в

этой реальности. Ничего страшного, ничего, так сказать, тяжкого, дурного в этом нет. Этому надо не бояться, а просто знать, что это свойство индивидуальное: как говорят, Лев Толстой видел инфракрасные лучи, которые человек обычно не видит. Это свойство вашей души. Только используйте его во благо. Это ваш дар.

Как Вы относитесь к Ванге?

Что тут относиться? Дар прозрения издавна был известен человеку. Если она человек одухотворенный, благочестивый, -- это хорошо. Я ее не видел, судить не буду. Но есть такой дар, существует.

"Феномен доктора Кашпировского в свете современной психологии" -- под таким заголовком выходящая в США на русском языке газета опубликовала статью на выступления Кашпировского перед американской аудиторией. Суждение о Кашпировском колеблется от обвинения в шарлатанстве до признания богом на земле. Известно, что у нас некоторые служители культа называют его сатаной. Что Вы можете сказать об этом?

Я сторонник объективного и спокойного подхода ко всем вопросам. Я сам был свидетелем тому, что сеансы Кашпировского давали и позитивные -- поразительно! -- позитивные результаты, и столь же очевидно негативные. Если бы меня спросили: что Вы думаете об этом феномене? -- я бы ответил: не знаю. То есть, я знаю, что такие вещи существуют; они требуют внимательного рассмотрения, изучения. Сам Анатолий Кашпировский наверняка не знает, в чем дело. Он работает вслепую, <...> не знает природы всех этих явлений. Короче: здесь все в тумане. И подобные вещи требуют не сенсационного, телевизионного подхода, <...> а серьезного, глубокого психологического, аналитического научного -- так сказать, комплексного подхода; это надо изучать. А назвать сатаной -- это ведь дело плевое. Почему не назвать <так то>, что тебе не нравится, или что-то необычное? Вы знаете, что электричество тоже считали сатанинской силой <...> -- это пережиток зоопсихологии в человеке. Всякий зверь боится непонятного и незнакомого. Вы, наверно, знаете, как совершается охота на волков? <...> Вешают красные флажки, и волк боится, потому что для него это неизвестное что-то, он не знает: а вдруг это выстрелит? Правда, сейчас уже волки сообразили, кажется. Так вот, боязнь неизвестного, чужого,

непонятного -- она не должна быть свойством человека. Наоборот: человек должен стремиться познать неизвестное, углубиться, у него должен быть интерес. И в животном мире такой интерес есть у одного из видов, хорошо вам знакомых, -- у крыс. Вот потому-то они являются главными соперниками homo sapiens на нашей планете, и ничто их не может вывести. Вымрет человечество, а крысы останутся, потому что они интересуются окружающим миром. И идут на риск! <...> У них так называемый <...> исследовательско-ориентировочный инстинкт <...> настолько силен, что преодолевает инстинкт самосохранения. <...> Поэтому они побеждают. И человек должен, если уж он так разучился быть смелым, <...> учиться хотя бы у крыс, не стыдиться. Потому что иначе он попадет сам в неизвестную ловушку.

<...> Я считаю, что гипнотические способности есть у каждого психотерапевта, иначе он никуда не годится как психотерапевт. Вероятно, у Кашпировского (Чумака я не смотрел) <...> это хорошие способности, прекрасные. Но можно ли вот так всем подряд смотреть по телевизору и полезно ли -- это для меня вопрос, большой вопрос. Потому что могут быть совершенно неожиданные и негативные результаты. Короче, к этому нельзя подходить легкомысленно. И я прошу каждого из вас, кто почувствовал при сеансе какой-то дискомфорт: немедленно прекратите и больше не делайте этого. Кашпировский за это не отвечает.

В N12-м "Журнала Московской Патриархии" <за 1989 г.> опубликована статья, призывающая не верить различного рода экстрасенсам, парапсихологам и психотерапевтам. Существуют ли среди духовенства различные точки зрения на Чумака и Кашпировского?

Понимаете, я не спрашивал, но я считаю, что должно быть различие. И потом, те, кто там пишут эти статьи, -- я не уверен, что они изучают этот вопрос тщательно. Просто отмахнутся, и все. Так было.

Возможно ли духовное целительство психически больных пациентов?

Это вопрос довольно сложный. Я вам скажу, почему. Когда человек болеет соматически, сознание его может работать

нормально. И здесь происходит встреча двух волей. Христос поэтому и говорит исцеленной женщине: "Вера твоя спасла тебя". Потому что она должна была идти навстречу Его потоку. Они должны были соединиться. У человека с душевным заболеванием воля очень часто находится в состоянии неуправляемом. И внутренне стать в позицию глубочайшей открытости ему труднее, чем человеку со здоровой психикой, но с тяжелым физическим заболеванием. Однако у людей, личность которых наиболее сохранна, возможно такого рода исцеление. Но я думаю, что здесь необходимы особенные условия: может быть, действительно молитва всей церкви. Я такие случаи знаю, но я согласен с вами, что излечения психических заболеваний встречаются значительно реже, чем исцеления болезней соматических.

ИСКУШЕНИЯ САТАНЫ

Из статьи «Познание добра и зла»

<...> Предвижу, что те, кто хотя бы поверхностно знаком с Библией, могут спросить: почему же в ней говорится, что Творец запретил человеку вкушать от Древа познания добра и зла? Но Древо это отнюдь не символизирует только нравственные понятия, которые Бог якобы скрыл от людей. В Библии «познать» — значит владеть, а «добро и зло» — идиома, обозначающая все созданное. Речь идет о притязании человека властвовать над миром независимо от Бога, распоряжаться им по своему усмотрению. В том числе — по-своему строить этические принципы. Это и означает желание «быть как боги»...

Понять, каким образом в человеке возобладали самость, своеволие, ложное самоутверждение, не так уж трудно. Ведь, по словам апостола Павла, трагедия Адама повторяется в каждом из нас. Это исконный недуг человечества, преодоление которого возможно лишь на путях возрастания в нем черт богоподобия, возрастания, сменившего у Homo sapiens биологическую эволюцию. Процесс этот сложен и исполнен драматизма. Слово «дух» Библия нередко употребляет в негативном смысле. В силу заложенной в него свободы человек может направлять свою духовность ко злу. Вот почему Библия уделяет так много внимания борьбе между духом корыстной

самости и духом открытости к Богу и Его Завету. Вот почему в ней встречаются мрачные страницы, порой пугающие и отталкивающие тех, кто впервые ее открывает. Ведь Библия не только книга о вере и о Боге, но и о нас, людях; и изображает она нас с беспощадной правдивостью.

Библейские пророки изобличали попытки «задобрить» Небо в утилитарных целях. Жертвоприношение убийцы равносильно кощунству, учили они. «О человек! — читаем мы в Книге пророка Михея. — Сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим». Пророки заповедали любить Создателя всем сердцем и ближнего — как самого себя.

Эти фундаментальные основы этики освящены, закреплены и углублены в Евангелии. В сфере нравственной оно продолжает пророков, хотя многие из широко признанных в древности этических норм Христос отклонил. В частности, это касается клятвы и долга «священной мести». Юридическому правилу справедливости «око за око» Он противопоставил умение прощать (шекспировский Гамлет об этом либо не знал, либо не помнил). Свою заповедь о высшей самоотверженной любви Христос называет «новой». Его завет «отвергни себя» направлен против самого средоточия греха — эгоцентризма.

Однако мы уже знаем, что на протяжении истории люди, формально принимая христианство, нередко искажали его нравственный смысл. Они превращали Весть о любви в орудие социального и духовного подавления. Эту тенденцию Достоевский олицетворил в образе Великого Инквизитора. Значение этого образа выходит далеко за пределы трагической измены Евангелию внутри церковной ограды. Великий Инквизитор имеет множество перевоплощений. Меняются лишь эмблемы — кресты, звезды, погоны, — но суть остается той же.

Сумрачный герой Достоевского верно уловил, что диалог в пустыне указывает на важнейший водораздел, пролегающий между Христом и Его антиподом. Многие в евангельской этике проясняются, если подойти к ней в свете этого сказания о трех путях жизни, которые были предложены Христу искусителем и которые Он осудил.

«Преврати камни в хлебы». Таково было первое искушение. Оно означало, что во главу угла нужно поставить обещание материальных благ. Получив их, род людской обретет покой и счастье. Этот соблазн был и остается постоянным спутником развитых цивилизаций. Логика его проста. Накорми человека, и он будет готов на все. Без усталости ищут все новые и новые источники пропитания.

Но, быть может, это вовсе и не соблазн? Ведь и Христос не сказал, что человек может обходиться без «хлеба». Не Он ли однажды накормил голодную толпу?

Да, конечно, ответив Сатане библейским изречением: «Не хлебом единым будет жить человек...», Христос признал, что «хлеб» необходим. Но не только он.

Когда люди захвачены всепоглощающей погоней за материальными благами, они упускают нечто бесконечно более важное. Становятся ненасытными. Бегут за призраком, который так никогда и не приносит им счастья, полноты жизни. Тупики современного мира — красноречивое тому доказательство.

Подлинному христианству чужд однобокий спиритуализм. Оно учит, что любовь к ближнему требует заботы и о его материальных запросах. Один из христианских мистиков говорил: если ты, созерцая тайну Всевышнего, вознесся духом на «седьмое небо», а рядом с тобой — человек, который нуждается в пище, сойди с «седьмого неба» и накорми его. Во все времена церковные общины и монастыри заботились о «хлебе», о делах практического милосердия. И сегодня борьба с нищетой и голодом в мире является священным долгом христиан. Героиня Сопротивления русская монахиня Мария, которая положила все свои силы на спасение обездоленных, и современная калькуттская подвижница мать Тереза — это лишь наиболее известные примеры такого служения. Однако оно питается духовными, мистическими источниками. Несет любовь, пронизанную верой. Помнит, что человек нуждается и в другом, небесном Хлебе.

Соблазн заключен в абсолютизации материального, когда человек, по выражению Николая Бердяева, ищет не смысла жизни, а только благ жизни. Возмездием за это становится потребительство, рост эгоизма, притупление чувств, опустошенность. К требованию «хлеба» добавляется требование «зрелищ», этого эрзаца духовности.

А затем приходит час безумства, наркотиков, разложения. Такова расплата за третирование высшего начала в человеке. Ее едва ли предвидели создатели различных утопий...

Христианская аскетика исходит из ценностей, неведомых Великому Инквизитору. Она направлена на развитие в человеке его духовного ядра, что невозможно без контроля над инстинктами. Обуздывая их, она укрепляет в человеке те начала, которые отличают его от животного. «Общее правило физического поста, — говорит Владимир Соловьев, — не давай пищи своей чувственности; полагай границы тому убийству и самоубийству, к которым неизбежно ведет погоня за материальными удовольствиями, очищай и перерождай свою собственную телесность». Это, конечно, не значит, что Евангелие осуждает или унижает «плоть». Освящая плоть, природу, материальный аспект жизни, христианство недвусмысленно указывает на превосходство высшего, духовного начала.

Во втором искушении Сатана предложил Христу привлечь людей Своей властью над законами природы. И опять-таки сила лжи заключалась в том, что она содержала частичную, искаженную правду.

Библия учит, что человек призван «владычествовать» над природой. Но когда эта власть становится самоцелью, когда она осуществляется автономно, лишь ради самоутверждения, не сопровождаясь духовным совершенствованием, она становится разрушительной. Насилует природу, которая в свою очередь мстит за себя...

Техническая цивилизация начинает с задачи сделать жизнь удобней и создать быт более достойный человека, но кончает тем, что ставит под угрозу само существование людей, жизни, Земли. Средства вытесняют цель. Люди становятся придатком мертвой «эволюции машин», угрожающей тотальной дегуманизацией.

В рассказе Рея Брэдбери «Будет ласковый дождь» мы видим сверхблагоустроенный дом, где на каждом шагу хозяев ждут услужливые механизмы. Но самих хозяев уже нет. Они исчезли, погибли, задушенные искусственным миром, который предназначили для себя. Раньше только фантасты говорили о бунте роботов. Сегодня мы знаем, что бунт этот уже начался. Утерев

духовные цели, человек теряет и контроль над силами природы, которые надеялся подчинить.

Техника есть человеческий способ приспособления к окружающей среде. Павел Флоренский называл ее «органопроекцией». Он имел в виду, что с помощью техники люди снабжают себя отсутствующими органами: полета, быстрого движения, дальновидения, манипуляции грузами и микрообъектами. Но когда в жизни человека главное место начинают занимать приспособительные функции, он фактически устремляется назад, в царство животных и растений. Техника, сама по себе нейтральная, становится троянским конем, который скрывает в себе источник гибели.

Из житий святых известно, что их понимали и слушались живые существа. Эти сказания содержат в себе как бы намек на возможность иного отношения между человеком и миром.

Третье искушение связано с другой формой насилия — с властью человека над человеком. Сатана предлагает Христу пойти по путям «царств мира сего», по путям диктаторов и тиранов, которые заставляли людей обоготворять себя. Но Христос отверг путь насилия.

Богopodobие человека проявляется в даре свободы. Личной свободы. Духовное становление человека есть одновременно и развитие в нем свободы. Поэтому и само Благовестие Христа оставляло за человеком право выбора. Не навязывало ему Истину. Принятие ее должно быть свободным актом воли.

Власть насилия, «вождизм» руководят животными сообществами. Соблазн уступить этим биологическим законам жизни означает опять-таки регресс, возврат от человеческого к звериному.

«Князья народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою», — говорит Христос ученикам. В Его Церкви должна быть одна власть — власть любви и служения.

Однако Великий Инквизитор считает этот завет наивным заблуждением. Он циничный реалист. Он презирает людей и хочет спасти их от самих себя насильно. Порабощая их якобы для их же

собственного блага. И замысел этот был осуществлен. В средние века — властителями клерикальными и светскими, а в наши дни — в разных вариантах на огромном пространстве от Мадрида до Пекина. Почти все было именно так, как задумал Инквизитор. В одном лишь он ошибся: счастливее мир не стал. Напротив, он тонул в море неисчислимых бедствий, пережил едва ли не агонию. Попытка «исправить подвиг Христа» оказалась миражом...

В этих трех искушениях содержится суровое предостережение человеческому роду. И напрасно перед лицом катастроф XX века многие сетуют: «Как Бог допустил?»... Да. Он допустил: допустил нашу свободу, но не оставил нас во тьме неведения. Путь познания добра и зла указан. И человеку самому пришлось расплачиваться за выбор ложных путей.

Я думаю, всем памятен зловещий образ манкурта в романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок». Манкурт был лишен памяти, он не мог оглянуться и осознать себя. Если мы останемся такими манкуртами, если не поймем, что цивилизация в целом катится в пропасть, мы не сможем остановить ее движения вниз.

Библия повествует о том, как вавилонский царь Валтасар увидел на стене таинственные знаки. Он пировал, уверенный, что трон его прочен, как никогда. И только пророк пояснил ему смысл огненных слов: царство Валтасара обречено. Однако тиран не опомнился и продолжал свой пир. Той же ночью в столицу вступил враг, и Валтасар был убит.

Эта история чем-то напоминает нынешнюю ситуацию. Над миром уже вспыхнули тревожные знаки. Кольцо сжимается. Вопрос в том, найдет ли в себе мир силы для покаяния, придет ли в себя, расшифрует ли смысл знамений, услышит ли голос пророков. А если это произойдет, от людей потребуются не только вера, но и действие.

Разумеется, здесь можно возразить: для подобного поворота нужно, чтобы все вняли пророческому голосу веры; а между тем есть немало людей, которые не желают или не в состоянии его услышать.

Это, конечно, так. Но когда в больном организме есть здоровые участки, они могут целительно повлиять на все тело. Даже для тех, кто далек от Благой Вести христианства или даже вообще от веры в

верховный Источник различения добра и зла, рост очагов духа, пусть и непрметных, не пройдет без благотворных последствий.

«Свет во тьме светит», — читаем мы в Евангелии.

Этот свет утверждает достоинство человека. Он говорит о радости любви, свободного служения ближнему, самоотдачи. Он открывает перед личностью горизонты бессмертия. Он озаряет труд, познание, творчество, наполняет вечным смыслом красоту мира.

История имеет смысл, и я верю, что в ней не погаснут живые огни добра и правды.

Они всегда были. Они есть. Они будут.

А значит, у нас есть еще надежда.

О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Из беседы с прихожанами в Новой Деревне

Прежде чем говорить о добре и зле, нужно заметить одну интересную деталь о феномене зла, тайне зла. Когда зло сталикивается с человеком, то производит совершенно различные эффекты. Мы знаем людей, которые в результате переживаний, страданий, кризисов впадали в полную бездуховность, атеизм и так далее. И наоборот, знаем столько же, если не больше, скорее больше, людей, которые, пройдя через отрицательный опыт, как-то духовно углубились.

Однажды юного Мережковского, впоследствии великого писателя, отец привел к Достоевскому; Федор Михайлович прочитал стихи мальчика и сказал сердито: «Плохо, совершенно плохо! Страдать надо, страдать!» Отец засмеялся и сказал: «Нет, уж пусть лучше не пишет, только бы не страдал!» Но Достоевский был прав: люди с абсолютно безмятежной жизнью — они не имеют какого-то глубинного измерения, понимания других людей — «сытый голодного не разумеет».

Но опыт кризисов, опыт переживаний делает нас открытыми другим людям. Поэтому тема о зле — огромная, трагическая, мучительная. И вы напрасно думаете, что в христианском мышлении она настолько разработана, что я сейчас готовую схему зачитаю, и вам только останется ее усвоить. Это не теория и не гипотеза, а это

для нас всех остается проблемой, причем проблемой не столько в области философии, теории, а проблемой жизни.

В Евангелии Христос никогда не говорит о происхождении зла, о его сущности и смысле; Он говорит только о том, как мы должны жить в мире, где зло царствует, властвует, где оно существует. Это «правило игры» нашего мира. Тем самым Он показал, что метафизика зла, то есть теория его происхождения, здесь вторична, а главное — это человек, который ему противостоит.

Можно сказать больше: каждому из нас хотелось бы, чтобы высшая Творящая Любовь истребила, искоренила зло из мира в одно мгновение, как бы по волшебству. Но нам предлагается совершенно другое, то, что соответствует достоинству человека. Нам предлагается, чтобы мы как часть творения, в котором есть зло, — чтобы мы соучаствовали в борьбе со злом, чтобы сама природа, сама тварь в нашем лице поставила злу плотину.

— Что заложено в человеке сначала? — спрашиваете вы.

Всюду, не только в человеке, но и в структуре материи, в структуре жизни, в структуре духовных таинственных измерений заложено добро, вернее, то, что мы называем добром. Творение в принципе гармонично, а зло — это не есть какое-то самостоятельное начало, а это порча, карикатура, извращение.

Если машина барахлит, где-то испорчена, то это есть дефект этой машины. Так вот, зло в нашей душе, в обществе, в природе — это есть дефект творения, а не какая-то изначальная данность. Но тем не менее, причина этого не случайна, не поверхностна, а очень глубока.

Если не касаться сейчас дефектов в природе, а касаться только того, что относится к нашей жизни, то мы можем констатировать, что этот дефект присущ всему нашему виду, всему человеческому роду. И он возник изначалью, очень рано. Современные ученые, психиатры, психоаналитики, исходя из совершенно других соображений, согласны с этой мыслью. Сравнивая психику человека и животного, они пришли к выводу, что человек все-таки аномальное существо, что в нем нарушен какой-то баланс.

У животного все отправления тела, все психологические реакции на окружающий мир нормальны. Оно выражает свою радость, свой страх, оно ищет пищу, оно бежит от опасности: все у животного на

своих местах. Животное никогда не станет искать боли ради какого-то мазохистского удовольствия, никогда не будет испытывать радость оттого, что оно причиняет другому боль. Садизм животному чужд. Когда вы видите кошку, которая играет с мышкой, не думайте, что она садистка, это совсем другое. Для нее это все равно, что для нас — антрекот, но она учится в этой игре. Для нее это гимнастика, упражнение. Недодушенную мышь она приносит своему котенку, и он учится ловить эту недодушенную мышь — это все входит в закономерности ее жизни, ее психики, это все нормально, органично.

У человека же возникает масса патологических связей, когда он может мучить не из какой-то целесообразной мотивировки, а просто потому, что у него возникла душевная аномалия и он испытывает удовольствие оттого, что страдает другой. Вы все это знаете, каждый в своей микроскопической или более крупной доле.

Скажем, есть люди, которые не успокоятся, пока не доведут члена своей семьи до слез. И потом вдруг наступает успокоение, они готовы его чуть ли не целовать. Что же происходит? Происходят неверные связи — это неправильно построенные соотношения в душе, которые дают вот такой парадоксальный, нелепый эффект. Так вот, ученые пытались понять, почему же самое разумное существо из всех, которых мы знаем на земле или, может, даже во Вселенной, — во всяком случае, пока мы знаем такое единственное разумное существо, — почему это существо ведет себя безумнее любого таракана или любой лошади? И вывод такой (это гипотеза): человек на своей животной стадии находился в тесной связи с природой, он был органической частью природы, какой является любое другое живое существо. И вот, когда в нем проснулось духовное начало, когда в нем проснулся его разум, когда в нем проснулись человеческие свойства, они его оторгли от природы. Он стал пасынком природы, он стал гадким утенком, он стал каким-то непонятным существом, которое и чуждо природе, и в то же время оторваться от нее не может, но всеми своими фибрами он с ней связан. И вот это состояние оторванности от природного материнского лона, по мнению психоаналитиков, создает такой глубокий внутренний дискомфорт, дисгармонию, хаос в

человеческой душе. Отсюда и возникает то, что мы на языке богословия называем грехом.

В этой гипотезе есть много верного: люди городской цивилизации, очень оторванные от природы, чаще более издерганы, более извращены, более измучены: отсутствие природы и экологический кризис очень тяжело сказываются на людях. Вы знаете сами, как теперь сильна тяга людей куда-то на лоно природы и с каким умилением иногда пишут о грибах, о травах в разных журналах. «Назад, к природе!» И это возникло не сегодня...

Вспомните хотя бы всю русскую литературу. Куда стремится Алеко? Из условностей города он бежит в дикую жизнь цыган. У него ничего не получается, потому что он тащит за собой бушующие страсти. Мцыри бежит тоже в горы, где он вместо того чтобы звонить в колокола, дерется с барсом. Все герои Толстого тянутся к природе как к пристанищу. Вспомните мысли князя Андрея о дубе... Очень много об этом написано у Тургенева. Так что это явление не новое...

Но на самом деле объяснение это упрощенное и недостаточное. Дело в том, что, если бы речь шла только об отрыве от природы, нарушения больше бы касались нашего физического состояния. Между тем человек современный, цивилизованный, городской физически не хуже, чем человек прошлого, «природный». Мы должны отбросить прежний миф о том, что в древности были какие-то великие богатыри, что первобытные люди были, как на картинах Васнецова, этаким мощным великанам. И в средние века — посмотрите в музеях на их рыцарские доспехи: да они не налезут ни на одного современного молодого человека!

Высокие, сильные люди были необычайной редкостью. Такие, как Рамзес II или Петр I, — это просто мутанты. Человек был парализован множеством болезней, он очень рано старел. Вы помните старушку Ларину. Какая она была старушка? Наверное, ей было лет тридцать. Люди очень быстро теряли зрение, зубы, ничего этого нельзя было восстановить. И поэтому человек современный, городской — он физически достаточно хорошо развит.

Дело в его духовном состоянии. И для нас ответ древней библейской мудрости совершенно ясен: человек оторвался не только от природы и не во-первых от природы — он оторвался от

самого Источника жизни, от духовного Источника жизни. Болезнь поразила его духовное существо. Это то, что мы называем первородным грехом человека, или грехопадением. С этим человек живет (любой из нас), как он живет с данными своей наследственности, как он живет со своей причастностью к роду человеческому.

И он воюет в себе с этим, воюет в окружающем мире и призван это одолевать. Сам, с помощью свыше, но сам! В этом величие человека, в этом его положение как царя природы.

Заложено в нас не зло, а бесконечные возможности. И человек современный на самом деле так же далек от подлинного замысла Божия о человеке, как какой-нибудь австралопитек, бегавший по саванне три миллиона лет тому назад, далек от Гете или Толстого. Эволюция человека как биологического вида кончилась. И те из вас, кто как-то касался биологии, это хорошо знают.

Началась эволюция духовная. Она идет мучительно и трудно, как и всякая эволюция. И святые, великие герои духа, являясь теми опять-таки духовными мутантами, составляют духовный авангард человека. Они идут впереди, и мы равняемся по ним, как бы устремляясь во все проходы, которые образуются на пути человека. Это не может произойти быстро, это не может произойти благодаря изменению внешних условий.

Два слова о внешних условиях. Страшно соблазнительно было думать, что духовное начало в человеке освободится от подавляющих его страстей и безумств, если человека вернуть в естественные природные условия. Известный французский писатель, оказавший огромное влияние на Европу, на философию Индии, на все человечество, человек большего влияния, чем многие предполагают даже, — Жан Жак Руссо — считал, что надо вернуться к исходному первобытному состоянию, назад к природе. И об этом говорили тысячи его последователей, говорят и теперь.

Но история показывает, что изменение условий, даже самые благоприятные условия совсем не делают человека другим. Мы находим святых и настоящих людей во всех цивилизациях, во всех странах, во все века. И мы не можем сказать, что дикарь лучше цивилизованного человека. У дикарей тоже есть свои преступники,

свои негодяи, а у цивилизованных людей есть негодяи и свои прекрасные представители человеческого рода.

Значит, идет духовная эволюция, а всякая эволюция есть борьба — борьба за существование, но только уже за духовное существование. И мы ее осуществляем внутри себя, мы обязаны ее осуществлять. Вот что самое главное. Мы боремся за себя. И вот это и есть ответ на вопрос о взаимодействии добра и зла в мире. Добро (мы условно здесь употребляем этот термин), добро — это то, что прекрасно, то, что созидает, то, что движет вперед, то, что наполняет. Это и есть жизнь. Понимаете? А зло — это есть смерть, то, что тормозит развитие, то, что извращает, уводит в сторону, то, что дегуманизирует человека, то, что делает его уже не человеком. Зло — это грех, это есть гротеск.

Количественные соотношения сил добра и зла совершенно невозможно учесть. Нет такой статистики. Потому что это не вещь, которую можно сосчитать. Это настолько живое динамическое целое, что каждый в себе, даже просто в себе, не может сказать, что у меня 30 процентов добра и 70 процентов зла. Даже если он так скажет, это будет неточно и неверно. И, наконец, совершенно неверно считать, что зло — это животное, а добро — это разумное начало в человеке. Это, конечно, упрощенно. Конечно, разум — это есть настоящее человеческое. Но когда мы хотим пить — это же в нас животное говорит! Ну и что ж тут плохого, когда мы хотим есть, спать? Это говорит животное, и никакого зла в этом нет. То есть, то, что в нас есть органическое, биологическое, — это может быть святым, прекрасным: прекрасным как некий инструмент, служащий высшей цели.

Какой-нибудь мотор является злым или добрым? Да никаким он не является! Если этот мотор работает на машине скорой помощи, он может быть добрым? Если он работает на танке, который давит людей, он становится злым? То же самое и наше животное начало. Оно может быть употреблено во зло и в добро. И, конечно, самое главное здесь — осознать иерархию этих понятий.

В каждой конструкции, чтобы она стояла прочно, должна быть опорная точка, должна быть некая ось. В каждом сообществе должен

быть центр. В человеке должен быть Царь, Господин, Владыка. Вот это и есть наш Дух, наш Разум.

О сотворении человека в Библии сказано, что Бог создал человека, чтобы он владычествовал над гадами, над рыбами, над всякими тварями. И святой Василий Великий поэтично комментирует эти слова: в нашем теле, в нашей природе уже существует как бы вся природа. Все гады, все рыбы живут в нас. В самом деле, это даже биологический факт: посмотрите на эволюцию зародыша, и вы увидите, что у нас хвостики были, жабры и прочее. Но да владычествует человек, да владычествует!..

Иногда люди церковные, верующие нападают на разум. Это происходит от недоразумения. Разум — это величайший дар Божий. Все грехи и все преступления человеческого рода совершались тогда, когда разум спал, когда разум был подавлен. У Гойи есть офорт «Сон разума порождает чудовищ», и это совершенно справедливо. Возьмите любую ужасную ситуацию из истории мира или из собственной биографии. Когда с нами произошла какая-то гадкая, постыдная вещь, когда в обществе произошло что-то мерзкое, — можно ли сказать, что в это время торжествовал разум? Ни в коем случае! Торжествует безумие, торжествует иррациональное, слепое, злое...

Если вы видели фильм «Обыкновенный фашизм», разве не ясно, что разум в это время спал и его сон порождал чудовищ? Таких примеров достаточно, и я приводить их не буду. Они совершаются и сейчас, всюду в мире. Безумие! Вот что является врагом, а не разум. Значит, не животное, а грех, грех как злая воля, направленная не туда, куда нужно, воля, пронизанная злом. Вот как надо тут разделить.

Воля — куда она устремлена? Она должна быть устремлена на совершенство человека, устремлена на то, на что мы запрограммированы — ведь каждый из нас в глубине души носит желание абсолютного, абсолютной любви. Только ее на самом деле нет. Мы довольствуемся крохами просто потому, что этого нет. Абсолютной красоты нет. Мы ее вылавливаем всюду, но мы ее не видим. Абсолютного добра, абсолютной истины нет. Мы всего хотим абсолютного. И когда мы этого не получаем, мы глубоко разочаровываемся, впадаем в скептицизм. Но надо это искать и к

этому надо непрерывно подыматься, никогда не разочаровываясь, никогда не останавливаясь. Потому что это лестница, ведущая в Небо. Потому что абсолютное есть. Только здесь оно разбросано в виде маленьких зерен, подобно зернам золота в песке. Потому что любовь и красота, истина в окружающем нас мире — это планетарный свет, отраженный от Солнца. И когда человек духовно проникает к ядру и познает тайну Божию, он вдруг видит, что он нашел вот это средоточие, эпицентр этого взрыва, от которого исходят лучи, порождающие вот эти искорки добра, красоты, любви и, более того, порождающие в нас это удивительное и странное стремление в Небо.

Это одно из необычайных свидетельств присутствия Божией силы среди нас: стремление человека к этому абсолютному. Ведь в природе все устроено достаточно целесообразно: нет у жирафа, лишнего голоса, желания петь, а у бегемота желания летать. Все стоит на своих местах. А вот почему-то только человек имеет такое желание, которое в этом мире полностью реализоваться не может. Но раз оно в него заложено, значит, оно заложено не случайно. Значит, в нашем незримом, но проним ядре есть возможность подняться необыкновенно высоко. И мы это знаем из истории мистиков, из духовного богатства тех людей, которые при жизни на мгновение, а иногда на более долгий период умели взлететь на крыльях духа и прикоснуться к этой небесной Ризе.

Поэтому каждый верующий человек, каждый христианин — это Антей наоборот. Помните миф об Антее? Он всегда прикасался к матери-земле и получал новые силы; когда его отрывали от земли, он слабел. Но мы должны жить наоборот: мы должны прикасаться все время к Небу. Если мы не прикасаемся, мы падаем вниз. Мы слабеем.

И еще один комментарий: животное проявление — хорошо это или плохо. Человеку, увы, не дано, друзья мои, вернуться в животное состояние. Не дано! Человек всегда становится хуже животного. Недзья стать мирной скотинкой. Движение назад в эволюции, в замысле Божиим, — оно не предусмотрено. И когда оно появляется, это всегда движение вниз и только вниз.

Неоднократно предпринимались попытки создать какой-то образ человека, который стоит вне духовного, который испытывает удовольствие просто от природы, воздуха, теплого песочка.

Некоторые писатели увлекались этой идеей. Но это все равно извращение, это все равно безобразное падение. И писатель, который такое существование воспевал, являл собой довольно печальный пример нравственного крушения.

Теперь следующий момент. В каких формах в мире существует зло? Я сказал бы, пожалуй, что в трех формах или в четырех. Первая, элементарная форма — это хаос, это всякое разложение, умерщвление, дезинтеграция. Все то, что препятствует совершенствованию мира, совершенствованию жизни. Это смерть. В Писании называется самым большим врагом — смерть. Так — на уровне природы.

Второе зло — на уровне человека. Это зло нравственное.

И, наконец, — на уровне чисто духовном: то, что мы называем демоническим злом. Здесь человек соприкасается с теми таинственными измерениями бытия, в которых тоже происходит какой-то сбой, какой-то дефект. Человек в эти измерения окунается и становится носителем их, инфицируется ими. Отсюда демоническая одержимость людей — носителей зла, людей, для которых зло становится их второй природой, людей, отравленных злом.

Существует ли оно в виде человека? Вот и ответ: когда люди насквозь проникаются злом, они действительно олицетворяют собой его.

Нужно ли бороться со злом всю жизнь? Понимаете, это очень важная дилемма. Творение осуществляется сейчас. Бог действует среди нас сейчас. Бог действует в природе каждую секунду, и Его творческая сила все время проивостоит силам разрушения. И мы — Его союзники. Союзником Его является и природа, которая созидает. Жизнь каждую минуту противостоит смерти, противостоит разрушению, противостоит распаду. Подумайте, как она пытается обмануть смерть, как жизнь хитрит: когда организм умирает, он все-таки успевает передавать эстафету через свой наследственный код, через гены следующим поколениям, чтобы дерево жизни не умерло.

Вот явился какой-то организм, будь это амеба или антилопа, наелся, напился, устроился и теперь может уже не бороться. Нет, он постоянно находится в преодолении, постоянном столкновении. И самое лучшее доказательство и свидетельство — это наше тело.

Каждый удар сердца — это сопротивление смерти. Мы все время противостояем. Наконец, каждое усилие воли, нравственное, есть сопротивление духовной смерти, то есть греху.

Я думаю, если лишить человека этого противостояния, то участие в творении кончится. Человек призван быть активным. Каждый на своем уровне, по своим возможностям и способностям, но внутренне он должен быть активным.

Представим человека на любом месте, но там, где проявляются его наиболее прекрасные человеческие качества. Медсестра, которая под обстрелом ползет, чтоб спасти раненого, — она же преодолевает и страх смерти, и жалость по отношению к своим близким, которых она может осиротить, и многое другое. Она должна сделать колоссальное внутреннее усилие, чтобы идти вперед. Ученый, который разрабатывает что-то необходимое для людей, — он же не сидит, не ждет, пока на небо манна небесная упадет. Он должен все время стремиться к тому, чтобы преодолеть свое незнание. Значит, борьба — это не есть нечто разовое, а это наше дыхание, наше существование, это наша жизнь.

В замечательной книге Жоржа Бернаноса «Записки сельского священника» <...> один из героев, французский кюре, рассказывает про свою алтарницу, которая страдала манией чистоты. Она надраивала церковь каждый раз до блеска. Приходили мужики, все пачкали; когда они уходили, она опять драила. Она, бедная, умерла, потому что все время мыла пол и заразилась от этой сырости. Она хотела однажды, раз и навсегда, навести чистоту. Ей казалось, что можно это сделать.

Кюре привел этот пример в связи с беседой на тему о том, можно ли однажды победить и однажды лечь на лаврах и больше не шевелиться. Нет, постоянная уборка, постоянная работа, постоянное движение. Как биение сердца, как круговращение планет.

И, наконец, последнее. Я ничего не говорил о происхождении зла. Есть много теорий, богословских и философских, много попыток понять, как возникло в темных глубинах, в неведомых для нас глубинах мироздания, как возникло то, что одна из волей, какие-то воли, какие-то силы: разумные, полуразумные, сознательные,

полусознательные, — направили свой поток в противоположность тому потоку, который направлялся волей Творца.

Для того чтобы вот эту слепую, темную волю понять, надо ее как-то осмыслить. Но это есть бессмыслица — ее осмыслить нельзя. В этом все теории страдают недостаточностью, и поэтому в Библии все они отвергнуты. Есть там Книга Иова, о которой мы уже говорили. Был человек, который пытался судиться с Богом, требуя, чтобы Бог объяснил ему, за что он страдает. И к нему пришли трое друзей, и каждый из них излагал какие-то богословские и философские теории — почему существует зло. А Иов не хотел этого принять. И Бог не ответил ему, но Он явился ему Сам. И Иов все понял, но понял на каком-то другом уровне, которого он не мог выразить.

Наши теории не способны всего этого охватить. Более того, если бы мы все четко знали, мы были бы похожи на беспроегрышных игроков. Мы были бы людьми, имеющими гарантии во всем, от нас не требовалось бы смелости идти навстречу неведомому.

Представьте себе человека, который отправляется в опасное путешествие, а какая-нибудь досужая, но довольно чуткая гадалка ему точно сказала, где что будет, когда и как, и что все кончится отлично. Будет ли смелым этот человек, будет ли проявлена сила его духа в этом путешествии? Нет, конечно! Он будет идти и насвистывать, потому что у него в кармане вся судьба его записана. Между тем Господь призывает нас принять Неведомое, принять его, и бросаться в него, как человек бросается в море, и плыть.

Только тогда мы будем действительно людьми. Поэтому христианство так отрицательно относится к гаданию; не потому, что нет возможности перепрыгнуть через виток времени и что-то увидеть, — такая возможность есть, и практика это показала. Но в гадании есть недоверие к Богу, а раз недоверие, то вся наша жизнь летит насмарку.

Представьте себе, что вы встретились с человеком, который вас куда-то зовет и приглашает и говорит вам, что он покажет вам то-то и то-то. Вы любите этого человека, вы ему доверяете. Но, пользуясь обывательским принципом «доверяй, но проверяй», вы одновременно наводите о нем справки. Естественно, доверие разрушено, отношения извращены.

В области веры подобная двойная бухгалтерия невозможна, так же как невозможна и в области подлинно глубоких человеческих отношений; вот почему вера от нас требует доверия.

Библейское слово «вера» происходит от слова «твердость», «непоколебимость», «верность». Вы все слышали, наверное, слово «аминь». «Аминь» означает «точно так», «верно». Библейское слово «вера» — «эммуна» — происходит как раз от этого корня. Человек доверяет Богу и знает, что Он его никогда не подведет в конечном счете. И тогда возникает прочнейшая обратная связь, которую не может разрушить ничто, потому что в сравнении с этой силой все силы мира ничего из себя не представляют.

НЕДУГ НЕВЕРИЯ

Проповедь на Евангелие от Луки 16. 19—31 «О богаче и Лазаре»

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Если вы внимательно слушали сегодняшнее Евангелие, то помните, что притча Христова заканчивается словами: «Если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят». Господь изображает страдание души, ушедшей из жизни, страдание и муки человека, который наконец понял, куда надо было отдавать силы, как надо было жить. И вот, мучаясь, плача о тех близких, которые остались, он думает: «Может быть, как-то я сумею их предупредить». И он молит, чтобы ожил умерший, явился им и предостерег их о том, что не надо тартить драгоценную жизнь всуе и понапрасну. Но Господь ответил, что они имеют Священное Писание и этого им вполне достаточно, для того чтобы знать, как жить здесь, на земле. А тот говорит: «Нет, этого им мало, может быть, если кто воскреснет из мертвых и явится им, тогда поверят». И отвечает этой душе Слово: «Нет, если они не слушают Священное Писание, то даже если кто и из мертвых воскреснет, не поверят».

Смотрите, какое жесткое слово и как бы странное: неужели люди не будут тронуты таким необычайным явлением — явлением мертвого? А между тем жизнь нам показывает, что самые большие знамения, самые удивительные чудеса никогда не могли поколебать сердце, которое ожесточилось, которое замкнулось в себе, которое отказалось от веры, не желало верить. Я сам прекрасно знаю много

случаев в жизни, когда люди имели такие знамения, когда Господь к ним стучался, а они не только не открыли Ему на этот стук, но постарались еще плотнее закрыть свои двери. И тут мы спрашиваем себя: «Как это может быть, откуда рождается это неверие, это нежелание услышать голос Божий?»

Для нас этот вопрос не праздный, потому что множество близких наших и вообще окружающих людей живут в таком состоянии. И поэтому мы не можем не задуматься над тем, откуда это зло является. Прежде всего, мы, конечно, знаем, что люди не хотят задумываться, потому что не хотят жить ответственно, не хотят жить так, как велит им совесть. Поэтому они и закрывают двери своего сердца от веры и от ее требований. Потому что жить перед лицом Христовым, жить перед лицом веры — это не значит есть, пить, спать, вставать, работать; это значит всегда и непрестанно находиться в служении Ему. И вот, не желая принимать этой ответственности, не желая принимать выбора между добром и злом, одни люди отмахиваются от голоса Божия и от этого призыва, другие стараются себя успокоить тем, что ни Господь, ни силы духовные нам не видны, нашим земным глазам не открываются. Они говорят, что привыкли видеть только то, что видят наши глаза, и привыкли верить только тому, что ощущают наши руки.

Но на самом деле далеко не все в мире можно пощупать руками. Наоборот, самое великое, самое драгоценное, как вы знаете, нельзя ни увидеть глазами, ни руками пощупать. Доброе сердце, праведную мысль, чувства человеческие — все это нельзя ни увидеть, ни пощупать, ни измерить.

Зато о делах Господних мы с вами всегда имеем свидетельства в окружающем нас мире. Как говорит нам Псалмопевец, «небеса проповедуют славу Божию и творение рук Его возвещает твердь». Вот утром сегодня вставало солнце. Что было бы, если бы солнце было ближе к нашей земле? Оно бы все сожгло. И никакая трава, и никакое живое существо не могли бы жить на земле. А что если бы солнце было бы дальше от нас? Вся земля была бы покрыта холодными голыми скалами, и тоже нельзя было бы на ней жить. А что было бы, если бы вращалась земля не так, как она вращается теперь? Если бы ночь у нас длилась гораздо дольше и день был бы дольше? Это тоже

было бы великим бедствием для земли, и жизнь на ней могла бы развиваться с величайшим трудом.

Кто же это устроил так, чтобы именно нам было все дано для жизни, чтобы нас не сожгло солнце и чтобы оно нас не лишило своих лучей, чтобы мы имели и день, и ночь, и пищу для себя? Кто дал нам глаза, чтобы видеть свет, и руки, которые повинуются нашему разуму? Кто дал крылья летящей птице? Кто дал законы для звезды, которая движется в пространстве небесном? Кто дал силы для таинственных существ, о которых мы только теперь догадываемся? Всюду в мире есть свидетельства о Божией Силе и Славе.

Итак, если мы не видим Господа своими земными очами, то мы видим Его дела. Но есть и другие глаза — глаза веры, глаза любви. Каждый человек в молитве может увидеть Бога так же ясно, как видим мы свет Божий. Если же у нас это не получается, то только по черствости и по лености нашей души.

Но есть еще одна причина неверия. Причина эта заключается в том, что люди не могут отделить веру от тех, кто ее исповедует. Они видят злые, недостойные дела верующих людей и отвращаются. Видят их темноту, их озлобленность, их неумение жить среди людей и отвращаются от веры. И это относится, дорогие мои, к нам. Мы являемся третьей и самой важной, самой главной причиной, которая в сердцах человеческих укрепляет неверие, потому что мы — плохие представители Христовы, мы плохие свидетели о Нем. Часто, часто должны мы себя спрашивать: действительно ли мы живем так, как нам заповедал Господь? Действительно ли мы по слову Его стараемся делать другим то, что хотим, чтобы делали нам? Действительно ли мы умеем прощать людям? Действительно ли мы умеем не осуждать, а жалеть грешников? Действительно ли мы умеем в сердце своем носить Христа, а не злобу, мелочность и зависть? Действительно ли свет Христов просвещает нас и окружающих нас? И когда мы себя об этом спрашиваем, то с горечью отвечаем: нет, только по названию мы являемся верующими, а делами своими, самым обликом своим, самой душой своею мы не похожи на свидетелей Господа.

И вот тут-то оказывается, что вина великая лежит на нас. И когда мы скорбим о наших детях, внуках, братьях, мужьях, когда скорбим о наших близких и далеких людях, которые не имеют этого великого

света, вспомним, что часть вины лежит за это на нас. И если мы хотим, чтобы свет Христов, просвещающий и освящающий всякого человека, который открыт к Нему, просветил и тех, кого мы любим, в нас должны воссиять Его мир, радость, добро, мужество, долготерпение, доброжелательность, смирение, неосуждение, благоговение и все то, что заповедал Христос Господь. И тогда недуг неверия, который поражает людей, будет встречать с нашей стороны сопротивление и борьбу. Мы не помогать будем этому недугу, а воевать против него и тем самым послужим делу Господа нашего, Который призывает каждого идти по Его пути. Аминь.

[Город Творцов](#)